

Вячеслав Овсянников

СОКОЛ-КОРАБЛЬ

Сказание о богатырях

2-е издание. Новая версия.

Санкт-Петербург 2025 год

ББК 84 (2 Рос = Рус)

УДК 82-822-1

ОЗ4

Во втором издании своей книги «Сокол-корабль» Вячеслав Овсянников предлагает новую версию изложения русского былинного эпоса, отличную от первого издания. Создано композиционно цельное литературное произведение.

Обращение к русскому героическому эпосу в наше время приобретает особо значимый актуальный смысл. Центральная идея, которая звучит в русском народном эпосе, – это идея национального единства и сплоченности.

ISBN 978-5-9965-3218-6

© В. А. Овсянников, 2025

© А. В. Медведев. Обложка, 2025

© «SUPER» 2025

© «Давид» 2025

Русский героический эпос создавался в тяжелые для народа времена. Русь всегда была в опасности, всегда под угрозой нападения. Вот и требовались богатыри – защитники родной земли. При этом в нашем эпосе повествуется о непрерывных пирах князя Владимира. На этих пирах происходят завязки разных историй и приключений: сватовство, добыча невесты, состязание, соперничество, поединки, коварные измены, борьба с чудовищами и чародейками. Истории эти случаются с богатырями. У каждого богатыря своя история, которой посвящена своя былина-старина. Иногда богатырю посвящено несколько былин. Больше всего былин об Илье Муромце – любимом народном герое. Но эти красочные, полнокровные сюжеты древнерусской жизни не могут надолго отвлечь от главной идеи нашего эпоса: Русь окружена вражескими ордами, она постоянно в бою, ее богатырям все время приходится отражать вторжения. Все отдельные былинные истории объемлет и объединяет общая для нашего эпоса атмосфера борьбы за свою независимость. И в этой атмосфере каждому богатырю в его отдельной, особой истории дается выбор: на что употребить свою богатырскую силу. На частные, личные цели, на пустое удалство, как в случае Василия Буслаева, или посвятить эту силу служению общерусскому делу, защите родной земли, к чему постоянно призывает своих побратимов Илья Муромец. Этой нравственной мерой и определяется эпический герой наших былин. И когда приходит большая беда, которая грозит гибелью всему народу, нашествие несметных вражеских полчищ, богатыри собираются вместе, в единую богатырскую дружину, чтобы выйти на великое побоище, защитить Русь, сокрушить темную вражью силу. Илья Муромец перед битвой обращается к своим богатырям-побратимам:

*Уж вы удалы добры молодцы!
Постоим-ка мы за веру христианскую
И за те же за храмы Божии,
Постоим за Русь кровью своей горячею.*

Благослови меня, Господи, старину сказать!

СТАРИНА ПЕРВАЯ РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ

Еще я ли вам, братцы, старину скажу,
Старину скажу – старую, прежнюю,
Старую, прежнюю да стародавнюю.
Как из дáлеча, далéча, из чистá поля,
Из того было раздольица из широкого
Что не грозная бы туча накатилася,
Что не буйные бы ветры подымалися, —
Выбегало там стадечко змеиное,
Не змеиное бы стадечко – звериное.
Наперед-то выбегает лютый Скíмен-зверь.
У того у Скимена-то шерсточка булатная,
Рыло у него как остро копьe,
Уши — каленý стрелы,
Глаза — ясны звезды.
Прибегает лютый Скимен ко Днепру-реке,
Становился он, собака, на задние лапы,
Зашипел он, лютый Скимен, по-змеиному,
Засвистал он по-соловьиному,
Заревел он, вор-собака, по-звериному.
От того было от шипу от змеиного
Зелена трава в чистом поле повянула;
От того было от свисту от соловьиного
Темны леса ко сырой земле склонилися;
От того было от рева от звериного
Быстрая Днепр-река всколыбалася,
Со песком вода возмутилася,
В зеленых лугах разливалася,
С крутых гор камни повалилися.
Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц,
На земле-то народился могуч богатырь.

**СТАРИНА ВТОРАЯ
ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ**

По саду, саду по зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Наскочила она на лютова змея;
Обвивается лютый змей
Около чебота зелен сафьян,
Хоботом бьет по белу стегну.
А в ту пору она понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просиял светел месяц,
А и в Киеве родился могуч богатырь
Волх Всеславьевич.
Сотряслася сыра земля,
А и синее море сколыбалосся,
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Звери в лесах разбежались.
А и будет Волх в полтора часа,
Волх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатныя,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку – палицу,
По леву – саблю вострую».
А и будет Волх семи годов,
Стал он учиться премудростям:
А и первой премудрости учился –

Обвертываться ясным соколом,
Другой-то премудрости учился он, Волх, –
Обвертываться серым волком,
Третьей-то премудрости учился Волх –
Обвертываться гнедым туром-золотыя рога.
А и будет Волх во двенадцать лет,
Стал себе Волх дружину прибирать,
Набрал тридцать молодцев без единого,
Сам тридцатым становится.
Сам он, Волх, в двенадцать лет,
И вся его дружина по двенадцати лет.
И прошел слух ко стольному городу Киеву:
Индийский царь снаряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град на щит взять,
А Божьи церкви огнем спалить,
И почестны монастыри разорить,
А Владимира Красна Солнышка в котле сварить.
А в ту пору Волх он догадлив был:
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индийскому в поход пошел.
Дружина спит, так Волх не спит:
Обвернется он серым волком,
Бегал-скакал по темным лесам,
Бил соболей, куниц, лисиц;
Поил-кормил дружину свою хоробрую.
Дружина спит, так Волх не спит:
Обвернется он ясным соколом,
Полетел далече на сине море,
Бьет гусей-лебедей, серых уток;
Поил-кормил дружинушку хоробрую.
Говорит Волх дружине своей хороброю:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
А есть ли у вас таков молодец,

Кто бы обвернулся гнедым туром,
Сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про голову его Батыгову
Из рода поганого Батыгова?»
А вся его дружина приклоняется,
Как бы лист со травой пристилается,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нету у нас такова молодца,
Опричь тебя, Волха Всеславьевича».
Обвернулся Волх гнедым туром-золотыя рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Первый скок за целу версту скочил,
Другой скок не могли найти.
Обвернется он ясным соколом,
Полетел ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на палаты белокаменны,
На те на палаты царския,
Ко тому царю Индейскому
И на то окошечко косящется.
Слышит, царь с царицею разговор ведут.
Говорила царица Азвяковна:
«А и гой еси ты, славный Индейский царь
Салтык Ставрुльевич!
Изволишь ты снаряжаться на Русь воевать,
А про то не знаешь-не ведаешь:
А и на небе засиял светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь –
Тебе царю супротивничек.
А ночесь спалось, во снах виделось:
Слетались во чистом поле
Ясен сокол да черный ворон,

Ясен сокол черна ворона повыклевал.
Ясен-то сокол – Волх Всеславьевич,
А черный-то ворон – ведь ты, царь, Салтык Ставрुльевич!»
А в ту пору Волх он догадлив был:
Сидючи на окошке косящетоу,
Он те-то речи да повыслушал,
Обвернулся он горностаюшком,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
Поскочил в горницу оружейную,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
Вострые сабли выщербливал.
Обвернется Волх ясным соколом,
Взвился он высоко по поднёбесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, так Волх не спит.
Разбудил он удалых добрых молодцев:
«Гой еси вы, дружина хоробрая,
Не время спать, пора вставать.
Пойдем мы к царству Индейскому!»
И пришли они к стене белокаменной,
Крепка стена белокаменна,
Ворота у города железныя,
Крюки-засовы все крепкия,
Стоят караулы денны-нощны,
Стоит подворотня дорог рыбей зуб,
Мудрены вырезы вырезаны,
А и только в вырезы мурашу пройти.
Тут все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися:
«А и как нам будет стену пройти,
Потерять нам понапрасну свои буйны головы».

Обвернулся Волх мурашиком
И всю дружину свою мурашиками обвернул.
Прошли они стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,
В славном царстве Индейском.
Всех обвернул Волх добрыми молодцами,
Со своею сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдаст:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого и малого,
Не оставьте в царстве на семена,
Оставьте только вы себе по выбору
Душечки красны девицы!»
А и ходит дружина по царству Индейскому,
А и рубят старого и малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.
А сам он, Волх, во палаты пошел
Во те во палаты царския
Ко тому царю ко Индейскому.
Двери были у палат железныя,
Крюки-пробой по булату зл́ачены.
Говорит тут Волх Всеславьевич:
«Хотя ногу изломить, а двери выставить!»
Пнет ногой во двери железныя –
Изломал все пробой булатныя.
Он берет царя за белы́ руки,
А славного царя Индейского,
Салтыка Ставрुльевича,
Говорит тут Волх таково слово:
«А и вас-то, царей, не бьют-не казнят».
Ухватя, ударил о кирпичат пол,
Расшиб во крохи говенныя.

СТАРИНА ТРЕТЬЯ ВОЛХ И МИКУЛА

Жаловал Волха Владимир стольнокиевский,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Тремя ли городами со крестьянами,
Первым городом Гурьевцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Собирается Волх Всеславьевич
Со своей дружинушкой хороброю;
Сели на добрых коней, поехали,
Поехали они к городам за получкою.
Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали в чистом поле оратая,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почиркивают,
Оратай на лошадку покрикивает.
Едут день с утра до вечера,
Не могут до оратая доехати.
Они едут да и другой день,
Другой день с утра до вечера,
Не могут до оратая доехати.
В поле оратай посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почиркивают.
Третий день едут до полудня,
Наехали в чистом поле до оратая:
У оратая кобылка соловая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачек-то у сошки красна золота.

У оратая кудри качаются,
Скатным жемчугом рассыпаются,
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя;
У оратая сапожки зелен сафьян:
Шилом пяты, носы остры,
Под пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.
Пашет в поле оратай, покрикивает,
С края в край бороздки помetyвает,
В край он уедет, другого не видать;
Пенья-коренья вывертывает,
А великие-то все каменья в борозду валит.
Говорит ему Волх Всеславьевич:
«Божья помощь тебе, оратаюшко,
Пахать, да крестьянствовать,
А бороздки тебе да помetyвати,
А пенья-коренья вывертывати,
А большие-то каменья в борозду валить!»
Говорит оратай таково слово:
«Спасибо тебе, Волх Всеславьевич!
Мне Божья помощь да надобна
Пахать да крестьянствовать.
А куда ты, Волх, едешь, куда путь держишь?» –
«Еду я Волх к городам за получкою,
В Гурьевец, в Ореховец да в Крестьяновец».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Волх Всеславьевич!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы,
Да потопят дружину твою хоробрую
В той ли реке во Смородине.

Был я третьего дни в городе Гурьевеце,
Там эти вот мужички-разбойнички,
С ножами стоят край дороженьки,
Собирают гроши подорожные.
Стали мужички с меня грошей просить;
Дал я им гроши подорожные:
Кто стоя стоит, тот сидя сидит,
Кто сидя сидит, тот лежа лежит.
Положил тут их до тысячи.
Уехал от них, не простившись,
Увез соли три меха по сорок пуд
На своей на кобылке соловенькой».
Говорит тут Волх Всеславьевич:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Поедем-ка со мной во товарищах».
Тут оратай гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Сели на добрых коней, поехали.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Волха конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла рысью пошла,
А Волхову коню за ней не поспеть.
Говорит оратай таковы слова:
«Ай же ты, Волх Всеславьевич,
Оставил я сошку во бороздочке
Не для ради прохожего-проезжего:
Маломожный-то наедет – взять нечего,
А богатый – тот наедет, не позарится, –
А для ради мужичка-деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Да бросить сошку за ракивов куст?»
Посылает Волх Всеславьевич
Из своей дружинушки хороброей

Пять молодцев могучиих,
Сошку из земли повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.
Приезжают удалы добры молодцы,
Сошку кленову за обжи вокруг вертят,
Не могут сошку из земли поднять.
Посылает Волх Всеславьевич
Из своей дружинушки хороброй
Целый он да ведь десяточек.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
Не могут сошку из земли выдернуть.
Посылает тут Волх Всеславьевич
Всю свою дружину хоробрую.
Они сошку крутят-вертят,
Не могут сошку из земли выдернуть,
Бросить сошку за ракитов куст.
Говорит Волху оратай-оратаюшко:
«Поедем-ка, Волх Всеславьевич,
Уберем мы сошку кленовую».
Приехали они к сошке кленовой;
Говорит оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Волх Всеславьевич!
Поднимай-ка сошку кленовую».
Как брался Волх за сошку кленовую
Всей он силушкой молодецкою –
Резвы ноженьки да подломилися,
Ясны очи его да помутилися.
А упал Волх да на сыру землю;
Говорит Волх да таковы слова:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Много я по свету ездывал,
А такого чуда я не видывал.
Рыбой-щукою ходил я во синих морях,

Серым волком рыскал я во темных лесах —
Не научился этой я премудрости:
Пахать да крестьянствовать».
Тут оратай брал сошку одной рукой,
Из земли повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
Сели на добрых коней, поехали.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Волха конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла рысью пошла,
А Волхову-то коню за ней не поспеть.
Тут Волх стал покрикивать:
«Ты постой-ка, оратай-оратаюшко!
Как бы эта кобыла коньком была,
Дал бы за нее пятьсот рублей».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же глупый ты, Волх Всеславьевич!
Взял я эту кобылу жеребчиком,
Заплатил пятьсот рублей,
Как бы эта кобыла коньком была,
Этой кобыле цены бы не было».
Говорит тут Волх оратаю:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как тебя именем зовут,
Нарекают тебя по отчеству?»
Проговорил тут оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Волх Всеславьевич!
Я как ржи напашу да во скирды сложу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
Пива наварю, мужичков созову,
Мужичков созову, допьяна напою,
А тут станут мужички меня здравствовать:
Слава тебе, Микула Селянинович!»

**СТАРИНА ЧЕТВЕРТАЯ
СВЯТОГОР И МИКУЛА. ТЯГА ЗЕМНАЯ**

Едет богатырь выше леса стоячего,
Головой уперся в облако ходячее.
Конь богатырский с горы на гору переступывает.
Только горы и могут Святогора держать.
Не ездит Святогор на святую Русь,
Не носит его матушка сыра земля,
Всё здесь по Святым горам он разъезживает.
Не с кем Святогору силой помериться,
А сила-то по жилам так и переливается,
Грузно от силушки, как от тяжкого бремени.
Говорит Святогор в тоске-кручине великой:
«Такая есть во мне сила непомерная,
А девать ее, силу, некуда,
Нет мне на земле супротивников.
Был бы тут столб от земли до неба,
А в столбе кольцо железное –
Взялся бы за то за кольцо,
Да и всю землю бы перевернул!»
Едет Святогор старой горной дорогою,
И встретился ему по пути пеш человек.
Припустил коня – никак не нагнать.
Рысью пустил – а тот всё впереди.
Закричал Святогор человеку пешему:
«Эй, постой-ка маленько, пеший странничек!
Не могу тебя догнать на добром коне!»
Приостановился пеший странничек,
Снял с плеч сумочку переметную,
Кладет сумочку на сыру землю.
Говорит Святогор пешему страннику:

«А скажи ты мне, прохожий странничек,
Что у тебя в сумочке переметной?»
Отвечает прохожий странничек:
«А вот подыми с земли, так сам уведашь».
Тронул Святогор сумочку погонялкою,
Сумочка не ворохнется.
Сошел Святогор со добра коня,
Ухватил он сумочку одной рукой –
Сумочка не шелóхнется.
Говорит Святогор сам про себя:
«Много годов я по свету езживал,
А такого дива не видывал:
Маленькая сумочка переметная
Не шелохнется, не ворохнется, не подымется».
Ухватил он сумочку руками обеими,
Поднял сумочку повыше колен –
И по колена Святогор в землю угрыз.
Тут вскричал Святогор с досадой великою:
«Да что же такое у тебя в сумочке-то наложено?
Силы у меня – на тысячу богатырей,
А маленькую сумочку не могу поднять!»
Отвечает ему прохожий странничек:
«Ай же ты русский могучий Святогор-богатырь!
«В сумочке-то у меня тяга земная».
Говорит тут Святогор-богатырь:
«Кто ж ты таков есть, прохожий странничек,
И как тебя по имени-отчеству зовут?»
Отвечает Святогору прохожий странничек:
«Дело мое ведь крестьянское –
Пашню пахать да пни выкорчевывать.
А зовут меня Микула Селянинович».

СТАРИНА ПЯТАЯ ЖЕНИТЬБА СВЯТОГОРА

И говорит тут Святогор-богатырь:
«Ты еще скажи, Микулушка Селянинович,
Как мне узнать судьбу божью?»
Отвечал ему Микула Селянинович:
«Ай же ты, Святогор-богатырь!
А вот поезжай ты, Святогор, к горам Северным,
У тех гор под древом великим стоит кузница,
И ты спроси у кузнеца про свою судьбинушку».
Поехал Святогор к горам Северным,
Конь богатырский реки, моря перескакивает,
Раздолья широкие промеж ног пустил.
Ехал Святогор три дня и три ночи,
И доехал он до тех гор Северных.
Под древом великим стоит кузница,
Кузнец кует два тонких золотых волоса.
Говорит кузнецу Святогор-богатырь:
«Скажи-ка ты, кузнец, что ты куешь,
Что ты куешь, что выковываешь?»
Отвечал кузнец Святогору-богатырю:
«Ай же ты, Святогор-богатырь!
Я ведь кую судьбину, кому на ком жениться».
Говорит тут Святогор кузнецу таковы слова:
«А на ком же мне жениться?»
Отвечал кузнец Святогору-богатырю:
«А твоя-то невеста в царстве Поморском,
Тридцать лет лежит во гноище».
Задумался тут Святогор-богатырь:
«Поеду-ка я в царство Поморское,
Убью ту девицу, что мне сужена».

Поехал он к царству Поморскому.
Видит, избенка стоит убогая,
В избенке девка лежит во гноище,
Тело покрыто корой еловою.
Взял Святогор свой острый меч,
Бил ее мечом по белой груди.
И уехал Святогор из того царства Поморского.
А девка та в избенке проснулася,
Кора еловая с нее спала-свалилася,
Стала девка красавица-пригожица,
Такой красы на свете не видано,
На белом не слыхано.
Пошла славушка о ней по всей Руси.
И дошла славушка до Святогора-богатыря.
Захотелось ему поглядеть на ту красу-дэвицу .
Поехал Святогор к горам Северным,
Приезжает он в царство то Поморское –
И полюбилась ему красна девица,
Красна девица, поморяночка.
Говорил Святогор таково слово:
«Ай же ты, красна девица поморяночка!
Не хочешь ли ты за меня замуж пойти?»
Повенчались они в церкви соборной,
Свадьбу сыграли, спать легли.
Увидал Святогор рубчик на груди ее на белой,
Спрашивает Святогор у красны девицы:
«А скажи ты мне, красна девица,
Что это у тебя за рубец на белой груди?»
Отвечала ему девица поморяночка:
«В наше царство-то Поморское
Приезжал ведь человек неведомый,
А спала я крепким сном непробудным.
Как от сна непробудного я пробужалася –

На груди-то на белой рубец горит,
Спала кора еловая с тела моего белого.
А до той поры, до того времени
Лежала я, девка, во гноище целых тридцать лет».
Тут узнал Святогор судьбинушку божью.
Поехал он на Святые горы,
Встречает Микулу Селяниновича:
«Ты скажи мне, Микула Селянинович,
Вся ли это моя судьбинушка божия?»
Отвечал ему Микула Селянинович:
«Ай же ты, Святогор, богатырь русский,
Есть на Руси еще другой большой богатырь,
У него скоро узнаешь всю-то свою судьбинушку».

СТАРИНА ШЕСТАЯ
**ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИКИ.
ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА**

А в ту пору, в то время
В славном городе во Муроме,
Во селе Карачарове
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел целых тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родительницей, со матушкою
На работушку на крестьянскую.
И пришли три калики перехожие
Под то окошечко косящето:
«Ай же ты, Илья Муромец, крестьянский сын,
Ты поди, Илья, принеси испить!»

Отвечает им Илья Муромец:
«Не могу я, калики, принести испить,
Сиднем сию без рук, без ног,
Сию целых тридцать лет».
А калики перехожие еще говорят:
«Вставай-ка, Илья, на резвы ноги;
Поди, Илья, принеси испить!»
Вставал Илья на резвы ноги,
Пускал калик к себе в горницу,
Принес из погреба чарочку питьица.
И говорят тут калики перехожие:
«Ты эту чару, Илья, сам испей!
Как выпил Илья ту чару питьица –
Богатырское сердце разгорелось.
Спрашивают калики перехожие:
«Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?»
Отвечал Илья каликам перехожиим:
«Слышу в себе силу великую.
Был бы столб от земли до неба,
Во столбе кольцо железное,
За кольцо бы взял – землю бы поворотил!»
Говорят калики перехожие:
«Ты поди, Илья, принеси другу чару!»
Принес Илья другу чару полную.
А калики ему опять говорят:
«Ты, Ильюша, и эту чару сам испей!»
Выпивал Илья другу чару питьица.
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, теперь чуешь силушки?»
Отвечает Илья каликам перехожиим:
«Во мне силушки половинушка».
Говорят калики Илье Муромцу:

«Будь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не написана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею поляницею удалою,
А только не выходи биться со Святогором-богатырем –
Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи еще на Волха Всеславьевича –
Он не силою возьмет, так хитростью-мудростью.
Не ратуй и с родом Микуловым –
Его любит матушка сыра земля».
И еще говорят калики перехожие:
«Будь ты, Илья, защитник земли русской.
Идет на Русь проклятый Батыга-царь
Со всею силой своей поганою,
Младший брат Салтыка Ставрुльевича,
Царя Индейского.
Встань, Илья, за землю русскую,
За веру, за отечество.
Выходи, Илья, в чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Ставь в срубе на три месяца,
Корми пшеном белояровым.
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай,
В три росы выкатывай.
Как станет жеребчик через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону,
Поезжай на нем, куда хочется».
Пошел Илья к батюшке с матушкой
На ту работу на крестьянскую –
Дубье-колодые все повырубил,
Камни-валуны прочь побросал.

Проснулись батюшка с матушкой после отдыха обеденного,
Подивились родители:
Что это за чудо подеялось?
Кто нам сработал работушку крестьянскую,
Работали мы три дня и три ночи,
Не могли сделать и половиночку».
Поведал им тут Илья про калик перехожиих,
Про свое исцеление чудотворное.
Пошел Илья в чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика бурого, косматенького,
А мужик тот – Микула Селянинович,
А жеребчик – от кобылы его соловенькой.
Покупал Илья того жеребчика,
Ставил в сруб на три месяца,
Кормил пшеном белояровым,
Поил ключевой водой.
И прошло поры-времени три месяца,
Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
В три росы выкатывать.
Стал Бурушко через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону.
Тут седлал Илья добра коня,
Брал у батюшки, у матушки
Прощенье-благословеньице,
И поехал в раздольице чисто поле.

СТАРИНА СЕДЬМАЯ
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР

Наехал Илья в чистом поле
На шатер белополотняный,
Стоит шатер под сырым дубом великиим,
И в том шатре кровать богатырская,
Длиной кровать в десять сажень,
Шириной – в шесть сажень.
Привязал Илья добра коня ко сыру дубу,
Лег на ту кровать богатырскую почивать.
Спит Илья крепким сном три дня и три ночи.
На третий день услышал его добрый конь
Великий шум с северной сторонущи:
Мать сыра земля колыбается,
Темны леса шатаются,
Реки из крутых берегов выливаются.
Бьет конь копытом о сыру землю,
Не может разбудить Илью Муромца.
Провещал конь языком человеческим:
«Ай же ты, Илья Муромец!
Спишь себе, прохлаждаешься,
Над собой беды не ведаешь:
Едет к шатру Святогор-богатырь.
Ты пусти меня в чисто поле,
А сам полезай на сырой дуб».
Встал Илья, пустил коня в чисто поле,
Сам на сырой дуб влез.
Видит: едет богатырь выше леса стоячего,
Головой упирает под облако ходячее,
На плечах везет хрустальный ларец.
Приехал богатырь ко сыру дубу,
Снял ларец с плеч могучиих,
Отмыкал золотым ключом:

Выходит из ларца жена богатырская.
Такой красавицы на свете не видано,
На белом не слыхано:
Очи ясного сокола,
Брови черного соболя.
Постелила на стол скатерть бранную,
Ставила яства сахарные,
Питьица медвяные.
Откушал Святогор-богатырь
И пошел в шатер с женой прохладатися.
Тут Святогор и заснул крепким сном богатырским.
А красавица жена его гулять пошла по чисту полю
И высмотрела Илью на сыром дубе:
«Ай же ты, дородный добрый молодец!
Сойди-ка ты с сыра дуба,
Сойди, любовь со мной сотвори.
А не послушаешься – разбужу Святогора-богатыря,
Скажу, насильно ты меня в грех ввел».
Нечего Илье делать, слез он с сыра дуба,
Сотворил, что ему повелено.
Взяла его красавица богатырка за желты кудри,
Посадила Святогору в глубок карман.
Скоро Святогор от крепкого сна пробуждается,
Убирал он бел шатер полóтняный,
Запирал жену в хрустальный ларец золотым ключом,
Сел на добра коня и поехал ко Святым горам.
Как едет он день до вечера,
Темну ноченьку едет до утра́,
Богатырский конь стал спотыкаться,
Проговорит конь языком человеческим:
«Прежде возил я богатыря да жену богатырскую,
А ныне везу жену богатырку и двух богатырей».
Вытащил Святогор из кармана Илью Муромца,
Начал спрашивать да выводывать:

«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да коей орды,
Как тебя по имени-отчеству зовут?
А еще скажи, как ты ко мне в карман попал?»
Сказал ему Илья все по правде по истине.
Тут Святогор свою жену богатырку и сказнил,
Бросил в пропасть глубокую.
А с Ильей крестами поменялися,
И называл Святогор Илью меньшим братом,
А сам Святогор больший брат.
Говорит Святогору Илья Муромец:
«Ай же ты, Святогор-богатырь!
Не бывало на земле такой силы великоей,
Какая тебе, Святогору, дадена.
Кабы такую силу – беречь нашу Русь матушку,
Беречь стольный Киев-град,
Пособить князю Владимиру Красну Солнышку
Хранить землю русскую.
Идет на Русь проклятый Батыга-царь
Со всей силою своей поганою».
И говорит Святогор Илье Муромцу:
«Ай же ты, Илья Муромец, меньший брат!
Я бы ездил на матушку сыру землю,
Я бы пособил Владимиру Красну Солнышку
Побить Батыгу-царя проклятого,
Да не носит меня мать сыра земля,
Мне не придано ездить на святую Русь,
Мне позволено тут ездить по горам по высокиим,
Только горы каменные могут меня держать».
И поехали они ко Святым горам высокиим.
И наехали путем-дорогою на гроб каменный,
На гробе том надпись надписана:
«Кому суждено в гробу лежать,
Тот в нем и ляжет».

Говорит Святогор Илье Муромцу:
«А кому в этом гробе лежать сужено?
Ты послушай-ка, мой меньший брат,
Ты ложись-ка во гроб да померяйся,
Тебе ладен ли да этот гроб».

Илья Муромец тут послушался,
Ложился он в тот гроб каменный:
Домовище ему не в меру великое,
В длину длинно и в ширину широко.
Ложился в тот гроб Святогор-богатырь –
Гроб по нем в самый раз поладился.

Говорит Святогор Илье Муромцу:
«Гроб-то этот делан точно бы про меня.
Возьми-ка, Илья, крышку гробовую,
Закрой ты меня, меньший брат».

Отвечает Святогору Илья Муромец:
«Не возьму я крышки, больший брат,
Не закрою тебя крышкой гробовой,
Шутишь ты, брат, шутку нехорошую,
Сам себя хоронить собираешься».

Взял Святогор крышку, сам гроб закрыл.
Хочет поднять – а ему никак.

Проговорил Святогор Илье Муромцу:
«Ай, меньший брат, Илья Муромец!
Видно, нашла меня судьбинушка,
Не могу поднять крышки, попробуй ты».

Попробовал Илья поднять крышку, да где ему!
Говорит Илья Святогор-богатырь:
«Ай же ты, меньший брат, Илья Муромец!
Мне в гробу лежать тяжелешенько,
Мне дышать-то нечем, да тошнешенько.
Возьми мой меч-кладенец,
Ударь поперек крышки гробовой».

А Илье не под силу и поднять меча Святогорова.

Зовет его Святогор-богатырь:

«Ай же ты, меньший брат, Илья Муромец!

Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочке,

Ядохну на тебя духом богатырским».

Как наклонился Илья ко гробу, ко щелочке,

Идохнул на него Святогор духом своим богатырским.

Почуял Илья, что силы в нем втрое прибавилось,

Втрое прибавилось у него против прежнего.

Поднял он Святогоров меч-кладенец,

Ударил поперек крышки гробовой.

От того удара наскочил обруч железный.

Ударил крышку вдоль – другой тут обруч стал.

А куда ударит Илья Муромец –

Тут по всему гробу становятся обручи железные.

Зовет опять Святогор Илью Муромца:

«Душно мне, меньший братец, задыхаюсь.

Наклонись-ка ко щелочке,дохну еще на тебя,

Передам тебе силушку великую».

Отвечает Святогору Илья Муромец:

«Будет с меня силы, больший брат,

Мне твоей-то силушки не надобно,

Не то не будет носить меня мать сыра земля».

Отвечал Святогор Илье Муромцу:

«Хорошо ты сделал, меньший брат,

Не послушал моего наказа последнего:

Ядохнул бы на тебя духом мертвым.

А теперь прощай, владей моим мечом-кладенцом,

А добра коня моего богатырского

Привяжи ты, братец, к моему гробу,

Никто не совладеет-то ведь с этим конем».

Простился со Святогором Илья Муромец,

Привязал его коня ко тому гробу каменному,

Опоясал Святогоров меч-кладенец

И поехал во чисто поле.

СТАРИНА ВОСЬМАЯ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Говорил Илья Муромец родимому батюшке:

«Уж ты гой еси, родимый батюшка!

Дай ты мне благословеньице,

Я поеду в славный стольный Киев-град,

Помолиться чудотворцам киевским,

Заложиться за князя Владимира,

Послужить ему верой-правдою,

Постоять за нашу Русь матушку,

Постоять за веру христианскую».

Говорил Илье родитель его, батюшка,

Старый Иван Тимофеевич:

«Видно, Ильюша, дело твое не крестьянское,

Дело твое, Ильюша, богатырское.

Я на добрые дела тебе благословенье дам,

А на худые дела благословенья нет».

Поклонился Илья Муромец родителю до земли,

Садился он на добра коня.

Выезжал Илья из того ли города из Мурома,

Из того ли села Карачарова.

Он стоял заутреню воскресную в Муроме,

А к обедне поспеть хотел в стольный Киев-град,

А ехать тою дорогою прямоезжею,

Котора залегла ровно тридцать лет,

Через те леса брынские,

Через черны грязи смоленские.

И кладет Илья заповедь великую

В день Христова воскресения:

Не вынимать из налучника тугой лук,

Из колчана – калену стрелу,

Не кровавить меча богатырского.
Подъехал Илья ко славному ко городу к Чернигову,
У того ли города Чернигова
Нагнанó силы поганой черным-черно́,
А и черным-черно, как черна ворона,
Нагнано силы Батыги царя проклятого,
Обступили Чернигов злые татарове,
Нет пути ни пешему, ни конному.
И нарушил Илья заповедь положенную,
Подъехал к этой силе великой,
Стал конем топтать да мечом разить,
Побил всю эту силу поганую.
Выходили к нему мужички черниговские,
Отворяли ворота в Чернигов-град,
Зовут к себе воеводою.
Говорит им тогда Илья Муромец:
«Ай же вы, мужички черниговские,
Не пойду я к вам в Чернигов воеводою.
Укажите мне дорогу прямоезжую,
Прямоезжую дорогу в стольный Киев-град».
Говорили ему мужички черниговские:
«Ай же ты, Илья Муромец, богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Тридцать лет прямоезжая дорожка не езжена,
Нет пути ни пешему, ни конному.
Как у той ли у Грязи-то у Черной,
Да у той ли березы у поклапыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-разбойник на семи дубах,
От его посвиста соловьиного
Все-то травушки-муравы уплетаются,

Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людишек – то все мертвы лежат.
Прямоезжей дорогой – пятьсот верст,
А окольной дорогой – цела тысяча».
Поехал Илья дорогой прямоезжею.
А поскоки были по пяти-то верст,
Из-под копыт конь выметывал
Сырой земли по сенной копне.
Стал его добрый конь богатырский
С горы на гору перескакивать,
С холма на холм перемахивать,
Реки, озера промеж ног пускать.
Доехал до мать-реки Смородины,
Конь скочил через мать-реку Смородину.
Подъезжает Илья ко той Грязи ко Черной,
Да ко той ли ко березе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
И слышал Соловей-разбойник конский топ.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел, разбойник, по-змеиному,
Заревел, собака, по-звериному.
Темны лесушки к земле все приклонились,
Травушки-муравушки уплетались,
Лазоревы цветочки осыпались,
Мать-река Смородина с песком сомутилася.
А тут конь под Ильей спотыкается,
Спотыкается конь, на колена пал.
Бил Илья коня плеточкой по крутым бокам:
«Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Что ты на кочках спотыкаешься,
Не слышал ли посвиста соловьиного,
Не слышал ли покрика звериного?»

Берет Илья свой тугой лук,
Тетивочку шелковую натягивал,
Калену стрелу накладывал,
Сам стреле приговаривал:
«Ты лети, стрела, не в дремучий лес,
И лети, стрела, не в чисто поле,
А лети прямо Соловьё-разбойнику в право око».
Стрелял Илья в того Соловьё-разбойника ему в право око.
Пал Соловей на сыру-землю,
Пал он, как овсяной сноп.
Приторочил его Илья к седелку черкасскому,
Подъезжает к его подворью разбойному.
Двор у Соловьё на семи верстах,
Около двора был железный тын,
А на всякой тынинке по маковке –
И по той по голове богатырской.
Увидели Илью девять сыновей-солóвьчат,
Зовут соловьеву молодую жену:
«Ай же ты, родимая матушка!
Едет наш батюшка чистым полем,
Везет в тороках мужичищу-деревенщину».
Говорила им соловьева молода жена:
«Это едет мужичище-деревенщина,
Везет в тороках вашего батюшку.
Несите на двор золоту казну
Выкупать вашего батюшку Соловьё Одихмантьевича».
Не несут девять сыновей золоту казну,
Хотят обвернуться черными воронами,
Расклевать Илью носами железными.
Спрашивает Илья у Соловьё-разбойника:
«Отчего у тебя, Соловей, сыновья на одно лицо?»
Отвечал ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Я сына-то выращу, за него дочь отдам,

Дочь-то выращу, за сына отдам,
Чтобы не переводился соловьев род».
Бросалась к Илье соловьева молода жена:
«Гой еси ты удалой добрый молодец!
Бери ты у нас золотой казны,
Бери злата-сребра сколько надобно,
Отпусти Соловья Одихмантьевича».
Илья на злато на серебро не зарится:
«Не возьму я золотой казны,
Я свезу Соловья в стольный Киев-град».
Приезжает он в стольный Киев-град,
Привязал коня к дубову столбу,
К дубову столбу да золоту кольцу,
Сам идет в палаты белокаменны,
Приходил он в гридню столовую,
На пята он дверь-то поразмахивал,
Крест-то клал он со поклонами
И на все на четыре стороны,
Князю Владимиру в особину.
У великого князя Владимира почестный пир,
Много на пиру князей и бояр,
Много сильных, могучих богатырей.
И подносили ему, Илье, чару зеленá вина
В полтора ведра.
Принимает Илья чару единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Говорил ему ласковый Владимир-князь:
«Ты скажи-ка, откуда ты, добрый молодец,
Как тебя, молодца, именем зовут,
Величают тебя по отчеству?
А по имени тебе можно место дать,
По отчеству пожаловати».
И отвечает Илья Муромец Иванович:

«Ай же ты ласковый стольный Владимир-князь!
Я из славного города из Мурома,
Из того села Карачарова,
А зовут меня Илья Муромец сын Иванович».
Говорит ему еще Владимир-князь:
«Ай же ты, добрый молодец, Илья Муромец!
А давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дорогой ехал ты в Киев-град?»
Отвечал Илья Муромец князю Владимиру:
«Ай ты, славный Владимир-князь стольнокиевский!
Я стоял заутреню Христову во Муроме,
А к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град.
То моя дорожка призамешкалась,
А я ехал-то дорогой прямоезжею».
Говорил ему, осердясь, Владимир-князь:
«Ай же ты, мужичище-деревенщина,
Завираешься ты, мужик, в глаза насмехаешься.
На дороге прямоезжей у города Чернигова
Нагнано силы Батыги царя проклятого,
Тех ли поганных татаровей многое множество,
Нет пути ни пешему, ни конному.
А у той у Грязи у Черной,
У той речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Залег дорогу Соловей-разбойник Одихмантьев сын».
Говорил ему тогда Илья Муромец:
«Ай же ты, Владимир-князь стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе».
Тут Владимир-князь выходил на свой широкий двор,
И выходили с ним князя-бояре,
И все русские могучие богатыри,
Самсон-богатырь Колыбанович,
Сухман-богатырь Сухманович,

И семь-то братьев Сбродовичей,
Всего их у князя тридцать богатырей,
Посмотреть Соловья-разбойника.
Подходит он, Владимир, к Соловью-разбойнику,
Говорил он Соловью таковы слова:
«Засвищи-ка, Соловей, по-соловьиному,
Зашипипи-ка, змей, по-змеиному,
Зрявкней, зверь, по-туриному!»
Говорил Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Не у тебя я сегодня, князь, обедаю-кушаю,
Не тебя я и послушаю,
Я обедаю у могучего богатыря Ильи Муромца».
Говорил тут Владимир-князь Илье Муромцу:
«Ай же ты, Илья Муромец!
Прикажи Соловью засвистать по-соловьиному,
Зашипеть ему, змею, по-змеиному,
Зрявкнуть ему, зверю, по-туриному;
Верно ли про него слава идет».
Взял Илья Муромец Соловья из тороков:
«Засвищи-ка ты, Соловей, не в полный свист,
А в полсвиста,
Закричи-ка ты, Соловей, не в полный крик,
А в полкрика».
Ослушался Соловей Илью Муромца,
Засвистал, злодей, в полный свист,
Закричал, собака, в полный крик.
От того свиста маковки на теремах покривились,
Окошечки стекольчатые рассыпались,
Князя и бояре все на пол пали, окарачь ползают.
Владимир-князь едва жив стоит,
Куньей шубонькой укрывается.
Говорил тут Владимир стольнокиевский:

«А и ты гой еси, Илья Муромец, сын Иванович!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка нам не надобна».
А и сядился тут Илья Муромец на добра коня,
И он вез-то Соловья да во чисто поле,
Бросал Соловья на сыру землю:
«Полно тебе слезить отцов-матерей,
Полно тебе вдовить молодых жен,
Полно тебе сиротить малых детушек!»
И срубил Илья Соловьё-разбойнику буйну голову.
Сам говорил Владимиру-князю таково слово:
«Уж ты, Красно Солнышко Владимир-князь,
Тебе надо ли меня, Илью Муромца,
Принимаешь ли сильных могучих богатырей
Служить тебе, Красно Солнышко, верой-правдою,
Беречь от беды твой стольный Киев-град,
Беречь Русь нашу от невзгодушки,
Басурманам татаровьям на устрашение?»
Отвечал Владимир стольнокиевский:
«Надобны мне сильны-могучи богатыри».
И говорили тут все богатыри русские:
«Будь же ты, Илья Муромец, нам больший брат!
Держим мы на тебя надежу великую,
Будь-ка ты граду Киеву у нас защитником!»
Тут побратался Илья Муромец с богатырями киевскими,
Стал он у них больший брат.

СТАРИНА ДЕВЯТАЯ
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Служил Илья князю Владимиру верою-правдою,
Три года служил у него воеводою,
Берег от беды-невзгоды Русь матушку.
Стал Илья по всей Руси богатырей собирать.
И дошла до него слава о молодом богатыре
Боярском сыне Добрыне Никитиче.
Во той во Рязани да во Великои
Жил-был боярин Никитушка Романович,
Состарился Никитушка, преставился,
Оставалась у Никиты любима семья,
Любима семья, молода жена,
Молода жена Амелфа Тимофеевна,
Оставалось у Никиты чадо милое,
Милое чадушко, любимое
Молодой Добрынюшка Никитич млад.
Возрос Добрыня до двенадцати лет,
Стал он с малыми ребятами поигрывать,
Хватит за руку – руку выдернет,
Хватит за ногу – ногу выломит.
Стал Илья в путь-дорожку собираться,
Посмотреть на такова удала молодца.
Седлал Илья коня доброго,
Застегивал двенадцать подпруг шелковых,
А подпружины были чиста сѣребра,
Да спенечки были красна золота,
Сам сбруе богатырской приговаривает:
«Булат-железо не по́гнется,
Шемаханский шелк не по́рвется,
Красно золото в грязи не ржа́веет,

Мóлодец сидит на коне, не ста́реет».
Поехал Илья во чисто поле,
Едет через леса темные, через грязи черные,
Подъезжает он ко Рязанюшке городу,
Сам говорит таково слово:
Досель Рязань слободой слыла,
А нынче Рязань сливет городом».
Увидал Илья малых ребятушек:
«Скажите, ребятушки, где тут живет удал молодец
Добрынюшка Никитич сын?»
Доводили они Илью до Добрынина подворьяца.
Закричал Илья зычным голосом:
«Здесь ли живет Добрынюшка Никитич сын?»
От того голоса богатырского
Мать сыра земля потрясалася,
Терема пошатнулись,
Стеколенки в окошках посыпалися.
Услыхала Добрынина матушка
Амелфа Тимофеевна:
«Уж ты здравствуй, русский могуч богатырь,
Илья Муромец сын Иванович!
Добрынюшки-то нынче дома нет,
Поехал он искать себе поединщика.
Наедешь ты на Добрынюшку во чистом поле,
Не будь, Илья, запальчив, будь милостив,
Не сруби Добрынюшке буйной головушки,
Добрынюшка у меня ведь молодешенек».
Поехал Илья Муромец во чисто поле,
Да выезжал он на шóломя на окатисто,
На окатисто-то шоломя, на угористо,
Да увидел под восточной под стороночкой –
Ездит в поле дородный удал молодец,

Потешается утехами богатырскими:
Мечет палицу булатную высоко в поднёбесье,
Одной рукой мечет, другой подхватывает,
Сам палице своей приговаривает:
«Уж ты палица, палица булатная,
Нет мне, Добрыне, теперь поединщика,
Нет мне наезжего могучего богатыря».
Воскричал ему тут Илья Муромец:
«Уж полно тебе, молодец, похвалиться!
Уж мы съедемся с тобой на поле, поборемся,
Кому будет на поле Божья помощь».
Поворачивал Добрынюшка добра коня,
Съехались богатыри на чистом поле,
Ударились палицами булатными,
Друг дружку они не ранили,
Только палицы булатные поломались.
Съехались богатыри во второй након,
Ударились они саблями острыми,
Друг дружку они не ранили,
Только сабельки острые пощербались.
А как съехались богатыри во третий након,
Ударились копьями мурзameцкими,
Друг дружку они не ранили,
Только копыца переломилась.
Спешились богатыри с добрых коней,
Схватились в рукопашную битися,
Подвернулась у Добрыни правая ноженька,
Пал Добрынюшка на сыру землю;
Сел Илья ему на белы груди,
Сам говорил таково слово:
«Уж ты гой еси, удалой добрый молодец!
Коего ты города, коей земли,

Чьего отца, чьей матери?»

Отвечал ему Добрынюшка Никитич млад:

«Кабы я был у тебя на белых грудях,

То не спрашивал бы, не выпрашивал,

Я порол бы твои груди белые,

Смотрел бы у тебя ретиво сердце.

Еду я из славного города из Рязанюшки,

Добрыня Никитич сын».

Тут вскочил Илья Муромец на резвы ноги,

Подымал Добрынюшку за белы руки.

Тут богатыри побратались,

Крестами нательными поменялися,

Илья Муромец будет больший брат,

Добрыня Никитич будет меньший брат.

Поехали они в Рязань-город,

Встречает их Добрынина матушка

Амелфа Тимофеевна:

«Спасибо тебе, могуч богатырь Илья Муромец!

Что ты миловал Добрынюшку, мое чадо милое».

Попировали они трое суточек,

Говорил тогда Илья Муромец:

«Уж ты гой еси, Амелфа Тимофеевна!

Отпусти ты Добрынюшку Никитича,

Отпусти его со мной в красен Киев-град».

Отпустила Добрыню Амелфа Тимофеевна,

И поехали богатыри в Киев ко князю Владимиру.

СТАРИНА ДЕСЯТАЯ ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

На ту пору налетал на Русь проклятый Змей,
Проклятый Змей, Змеище Горынчище,
Уносил в полон добрых молодцев и красных девушек,
На гору Сорочинскую в пещеры глубокие.
Собирается Добрыня на гору Сорочинскую,
Выручать полону русского.
А матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ты не ездил, Добрынюшка, на гору Сорочинскую,
Не топчи там малых змеенышев,
Не выручай же полону там русского,
Не купайся-ка ты во матушке Пучай-реке,
Та Пучай-река сердитая, свирепая:
Первая струя, как огонь сечет,
Из другой струи искры сыплются,
Из третьей дым столбом валит со пламенем.
Кто к Пучай-реке ездил,
Счастлив оттуда не приезжал».
Добрыня матушки не слушался,
Ездил он на гору Сорочинскую,
Топтал там малых змеенышев,
Купался во Пучай-реке,
Купался, сам приговаривал:
«Мне, Добрыне, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, матушка наказывала:
Не купайся, Добрыня, во Пучай-реке,
Та Пучай-река сердитая, свирепая,
А Пучай-река-то ведь, гляжу, смирная,
Как будто лужица дождёвая».
Не поспел Добрыня слова молвити,

А Пучай-река течет сердитая, свирепая:
Первая струя, как огонь сечет,
Из другой струи искры сыплются,
Из третьей дым столбом валит со пламенем.
Ветра нет, да тучи нанесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А дождя-то нет, да искры сыплются:
Налетело Змеище Горынчище,
О двенадцати Змей хоботах.
Говорит он, Змей, как гром гремит:
«Пророчили мне, Змею, убиту быть
От молодца Добрынюшки Никитича,
А ныне Добрыня у меня сам в руках!
Захочу – Добрыню живьем сожру,
Захочу – Добрыню в полон возьму».
Выскочил Добрыня на крут бережок,
Нет у Добрыни коня доброго,
Нет у Добрыни меча булатного,
Нечем ему со Змеем сразиться,
Только лежит колпак земли греческой,
Весом колпак ровно трех пудов.
Ударил Добрыня тем колпаком Змея Горынчища,
Отшиб ему все двенадцать хоботов.
Взмолился тут Змеище проклятое:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитич сын!
Не предай меня смерти напрасной.
Положим мы с тобой заповедь великую:
Не буду я летать на святую Русь,
Не буду брать полону русского,
Уносить народу христианского,
А ты не будешь ездить на гору Сорочинскую
Топтать моих детушек-змеенышев.
Буду я, Змей, тебе меньший брат,

А ты будешь мне больший брат». Отпустил Добрыня Змея проклятого. Полетел Змей на Русь в Киев-град. Ходила-гуляла тут в зеленом саду Любимая племянница князя Владимира Молода Забава дочь Путятична. Ходила-гуляла она с мамками да с няньками. Ухватил Змей молодую Забаву дочь Путятичну, Унес к себе в пещеру глубокую. Собирает князь Владимир русских богатырей: «Ай же вы русские могучие богатыри! Кто из вас вызволит мою племянницу любимую Молодую Забаву Путятичну из полону змеиного?» Тут больший за меньшего хоронится, А от меньшего князю ответу нет. Вставал Илья Муромец со скамьи белодубовой, Говорит князю Владимиру: «Ай же ты, Красно Солнышко Владимир-князь! Вызволю я Забаву Путятичну из полону змеиного, Вызволю из полону и весь полон русский». А Добрыне тут за обиду стало, Вставал Добрыня со скамьи белодубовой, Говорит князю Владимиру: «Ай же ты, Красно Солнышко Владимир-князь! Я вызволю Забаву из полону змеиного, Я вызволю и полон русский. Дай-ка мне со Змеем проклятым переведаться, Бывал я на той горе Сорочинской, Знаю я повадки змеиные». Приходит Добрыня ко своей матушке : «Уж ты матушка родимая Амелфа Тимофеевна! Дай мне, матушка, прощеньице-благословеньице Ехать на гору Сорочинскую, Притоптать малых змеенышев,

Вызволить молодую Забаву Путятичну
Из полону змеинового».
Дает матушка Амелфа Тимофеевна
Прощеньице-благословеньице.
«Ты поди, Добрынюшка, на конюшню стоялую,
Бери коня батюшкина.
Стоит бурко пятнадцать лет,
По колено ноги в назем вросли.
Да бери плетку шемаханскую семи шелков.
Съедешь ты на гору Сорочинскую,
Станешь топтать малых змеенышев,
Не сможет бурушка больше поскакивать,
Змеенышев от ног отряхивать,
Бей бурушку промежду ушей,
Бей бурушку промежду ног.
Станет бурушка поскакивать,
Змеенышев от ног отряхивать,
Притопчет всех до единого».
Приехал Добрыня на ту гору Сорочинскую,
Стал топтать он малых змеенышев,
Подточили змеи коню щеточки,
Не может бурушка больше поскакивать,
Змеенышев от ног отряхивать.
Взял Добрыня плеточку шелковую шемаханскую,
Стал бить бурушку промежду ушей,
Стал бить бурушку промежду ног.
Стал бурушка опять поскакивать,
Змеенышев от ног отряхивать,
Притоптал всех до единого.
Выходил тут из пещеры глубокой
Змеище Горынчище проклятое:
«Ай же ты, Добрынюшка большой брат!
Зачем порушил ты нашу заповедь великую,
Зачем приехал на гору Сорочинскую

Топтать моих детушек-змеенышев?»
Говорит тут Добрынюшка Никитич сын:
«Ай же ты, Змеище Горынчище проклятое!
Ты порушил нашу заповедь великую,
Ты зачем летал на Русь в Киев-град,
Унес молоду Забаву дочь Путятичну?»
Стали они тут биться боем великим,
Бился Добрыня со Змеем три дня и три ноченьки,
Убил Змея проклятого, срубил голову змеиную.
Пролилась кровь змеиная от востока до запада,
Не принимает ее матушка сыра земля.
Ударил Добрыня мать сыру землю
Своим копьём мурзameцким,
Сам земле приговаривал:
«Расступись ты, матушка сыра земля,
На четыре на все стороны,
Прими в себя кровь змеиную!»
Расступилась матушка сыра земля,
Приняла в себя кровь змеиную.
Сошел Добрынюшка во пещеру глубокую,
Вывел из пещеры полону русского,
Много добрых молодцев и красных девушек,
Говорит добрым молодцам и красным девушкам:
«Всяк ступайте в свою сторону,
Не тронет вас больше Змеище проклятое,
Не унесет больше полону русского».
Идет Добрыня в пещеры дальние,
Не может найти Забавы Путятичны.
Много прошел он пещер глубоких,
В последней нашел молоду Забаву дочь Путятичну,
Вывел Забавушку на белый свет.
Садился тут Добрыня на добра коня,
Сажал он Забаву на право стегно
И поехал по чисту полю.

Говорит ему Забава Путятична:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитич млад!
За твою выслугу великую
Назвала бы тебя, Добрыня, батюшкой,
Да нельзя мне тебя батюшкой звать.
За твою выслугу великую
Назвала бы тебя, Добрыня, братцем родимым,
Да нельзя мне тебя братцем родимым звать.
За твою выслугу великую
Назвала бы тебя, Добрыня, другом любимым».
Отвечал Добрыня Никитич Забавушке:
«Ах ты, молода Забава дочь Путятична!
Ты ведь роду славного княженицкого,
А я ведь роду захудалого,
Нельзя нам назваться другом любимым».

СТАРИНА ОДИННАДЦАТАЯ ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

Та беда миновалась, другая пришла.
В стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Было еще столованье – почестный пир
На многих князей, на бояр
И на русских могучих богатырей.
Владимир-князь по гридне похаживает,
Белыми руками помахивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои князья и бояре
И вся моя дружина хоробрая!
Кто бы послужил мне, князю, верой-правдою,

Съездил в проклятую землю, в Большую орду
Ко тому царю Батыге Батыговичу,
Свез ему дани-пошлины за двенадцать лет,
Сорок телег чиста сѣребра,
Сорок телег красна золота,
Сорок телег скатна жемчуга?
Да кто бы еще подарочки Батыге свез:
Сорок ясных соколов,
Сорок черных соболей,
Сорок сивых жѣребцов?
А не то грозитя Батыга Русь разорить,
Славный Киев-град огнем спалить».
Тут больший за меньшего хоронится,
А от меньшего ответу нет.
Говорит Владимиру Илья Муромец:
«Ай же ты гой еси, Владимир стольнокиевский!
У нас много ездило в Большую орду в проклятую землю,
А назад они не приезживали.
На Батыгу царя силу надо собрать немалую,
Немалую силу русскую,
Побить Батыгу в проклятой его земле, в Большой орде».
И выступал тут удалой добрый молодец
Василий сын Казимирович:
«Ой ты гой еси, наш батюшка Владимир-князь!
Послужу я тебе верой-правдою,
Поеду я в проклятую землю в Большую орду
Ко тому царю Батыге Батыговичу,
Я свезу твои дани-пошлины
За те годы, годы прошлые,
За те времена – за двенадцать лет».
Выходил Василий от князя Владимира,
Закручинился, повесил он буйну голову.
Навстречу ему Добрынюшка Никитич сын,

Соболью шапку снимал, низко кланялся:
«Здравствуй, удалый добрый молодец,
По имени Василий сын Казимирович!
Что ты с пиру невесел идешь?
Не дошло тебе от князя место доброе?
Не дошла ли тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчестовал?»
Не ответил Василий, ровно бык прошел.
Забегает Добрынюшка во второй раз;
Соболью шапку снимал, низко кланялся:
«Здравствуй, удалый добрый молодец,
Ты по имени Василий Казимирович!
Что идешь ты с пиру невесел, нерадостен?
Не дошло тебе, Василий, место доброе?
Не дошла ль от князя чара зелена вина?»
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегает Добрынюшка в третий раз;
Соболью шапку снимает, низко кланяется:
«Здравствуй, удалый добрый молодец,
По имени Василий Казимирович!
Что ты идешь с пиру невесел, нерадостен?
Не дошло ль тебе, Василий, место доброе,
Не дошла ль тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчестовал?
Али ты захвастался куда ехать?
Я не выдам тебя у дела ратного
И у того часу смертного!»
И тут Василий возрадуется.
Обнимал Добрыню, прижимал к сердечушку:
«Гой еси, удалой добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич сын!
Ты, Добрыня, будь мне больший брат,
А я, Василий, буду меньший брат.

Захвастался я у князя Владимира
Съездить во ту землю во дальнюю
Ко тому царю Батыге Батыговичу,
Свезти ему дани-пошлины
За те годы – за двенадцать лет:
Свезти туда золото, серебро,
Свезти туда скатный жемчуг,
Свезти ясных соколов, черных соболей,
Свести туда сорок сивых жеребцов».
И проговорит Добрыня Никитич сын:
«Не возьмем везти от князя от Владимира,
Не возьмем от него дани-пошлины;
Мы затребуем от собаки Батыги Батыговича,
Затребуем от него дани-пошлины».
И тут молодцы побратались,
Крестами молодцы поменялись.
Воротились назад ко князю Владимиру:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины;
Мы желаем взять от Батыги Батыговича,
Привезти от него дани-пошлины.
Садись ты, солнышко князь, за дубовый стол
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
«Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена – за двенадцать лет».
Писал им Владимир ярлыки скорописчаты.
И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистали молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному.
Как из далеча, далеча, из чиста поля
Два коня бегут, да два могучие
Со всею сбруею богатырскою.

Надевали молодцы латы кольчужные,
Брали палицу булатную, саблю вострую,
Брали тугой лук, калены стрелы.
Садились молодцы во седельшки черкасские.
Видели в Киеве, как удалы молодцы садились,
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.
Приезжают они в землю дальнюю в Большую орду,
Идут ко тому ко терему высокому,
Ко тому царю Батыге Батыговичу.
Не спрашивали они у ворот приворотников,
Не спрашивали они у дверей придверников,
Отворяли они двери на пятах,
Заходили во палату белокаменную;
Богу нерусскому молодцы не молятся,
Собаке Батыге не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
«Здравствуй, собака, царь Батыга Батыгович!»
Говорил им грозный царь Батыга Батыгович:
«С чем пожаловали ко мне, добры молодцы?
Или привезли вы от Владимира киевского
Дани-пошлины за двенадцать лет,
Сорок телег чиста серебра,
Сорок телег красна золота,
Сорок телег скатна жемчуга;
Да еще мне, царю, подарочки:
Сорок ясных соколов,
Сорок черных соболей,
Сорок сивых жеребцов?»
Отвечал ему Василий Казимирович:
Не привезли мы тебе, царь Батыга, дани-пошлины,
Не привезли мы тебе подарочки.

А плати-ка ты, собака, царь Батыга,
Нашему Владимиру Красну Солнышку
Те же дани-пошлины на двенадцать лет,
Да пошли ему, Владимиру, те же подарочки».
Вынимает Васильюшка ярлыки скорописчаты,
Кладет Батыге на дубовый стол.
Распечатывал собака Батыга Батыгович,
Распечатывал ярлыки скорописчаты,
А сам говорил таковы слова:
«Уж вы гой еси, добры молодцы, богатыри русские!
А есть ли у вас таковы стрельцы –
С моими стрельцами состязатися?
А если нету у вас таковых стрельцов,
Не бывать вам, добрым молодцам, на святой Руси,
Не слышать вам звону колокольного,
Не видать вам, молодцам, свету белого».
Отвечает Василий сын Казимирович:
«Ай же ты гой еси, царь Батыга Батыгович!
Я надеюсь на братца названого,
На Добрыню на Никитича,
Да на большего брата Илью Муромца.
А еще надеюсь на Господа Бога нашего
И на Матерь Божью Богородицу.
А еще я надеюсь на братство наше богатырское».
Выбрал царь Батыга триста стрельцов,
Из трехсот тридцать выбирал,
А из тридцати выбрал три стрельца,
А из троих единого стрельца могучего.
Пошли они во чисто поле,
Меточку поставили за три версты –
Попадать в колечко золоченое
На сыром дубу кряковистом.
Несут тугой лук девять татаринoв,
Стрелу несут шесть татаринoв.

Стал татарин-богатырь натягивать тугой лук,
Заревел лук, как лютый зверь,
Полетела калена стрела за три версты.
Первый раз стрелял – недострелил,
Другой раз стрелял – перестрелил,
Третий раз стрелял – и тут не попал.
Подает свой тугой лук Добрынюшке
И подает калену стрелу.
Стал натягивать Добрыня тугой лук,
И заревел тугой лук, как лютый зверь,
И переламывал Добрыня тугой лук надвое.
И бросил он тугой лук о сыру землю,
Направлял он калену стрелу жалом наперед,
И бросал он калену стрелу за три версты,
И попадал в сырой дуб крякóвистый,
В то колечко золóчено:
Разлетелся сырой дуб на черенья ножовые.
Тут царю Батыге за обиду стало,
За великую досаду показалось:
«Уж вы, добры молодцы, богатыри русские,
А есть ли у вас таковы игроки,
С моими игроками в шахматы играть?
А если нет у вас таковых игроков,
Не бывать вам, молодцам, на святой Руси,
Не слышать вам звону колокольного,
Не видать вам, молодцам, свету белого».
Говорили царю Батыге богатыри русские:
У нас, царь, надежда на Господа Бога нашего,
На Матерь Божью Богородицу,
А еще у нас надежда крепкая
На братство наше богатырское,
Да на нашего большего брата,
Могучего русского богатыря Илью Муромца».
Выбрал царь Батыга триста игроков,

Из трехсот тридцать выбирал,
Из тридцати выбрал троих игроков наилучших,
Из троих выбрал единого.
Сел с ним играть в шахматы Добрынюшка,
Обыграл Добрыня татарина
И первый раз обыграл, и другой, и третий раз.
Тут царю Батыге за обиду стало,
За великую досаду показалось:
«Уж вы, добры молодцы, богатыри русские,
А есть ли у вас таковы борцы,
С моими борцами поборотися?
А если нет у вас таковых борцов,
Не бывать вам, молодцам, на святой Руси,
Не слышать вам звону колокольного,
Не видать вам, молодцам, свету белого».
Отвечали царю богатыри русские:
«У нас, царь, надежда на Господа Бога нашего,
На мать Божью Богородицу,
А еще надежда наша на братство богатырское,
Да на большего брата нашего Илью Муромца».
Выбрал царь Батыга триста борцов,
Из трехсот тридцать выбирал,
Из тридцати троих выбрал,
Наисильнейших в Большой орде.
Пошли они бороться во чисто поле.
Одного борца Василий Казимирович смял,
Двух других Добрынюшка Никитич в охапку взял,
Косточки борцам переломал.
Набежало тут татар – сметы нет.
Стали богатыри русские, братцы названные
По силе той татарской похаживать,
Руками богатырскими помахивать,
Вперед махнут – тут и улица,
Назад отмахнут – переулочек.

Тут взмолился собака, Батыга царь,
Кричит Батыга зычным голосом:
«Ай же вы гой еси, русские богатыри!
Укротите вы свои ретивы́ сердца,
Опустите свои руки богатырские,
Оставьте мне татар хоть на семена.
Буду я сам платить Владимиру киевскому
Дани-пошлины на двенадцать лет:
Сорок телег чиста серебра,
Сорок телег красна золота,
Сорок телег скатна жемчуга,
А еще пошлю Владимиру подарочки:
Сорок ясных соколов,
Сорок черных соболей,
Сорок сивых жеребцов наилучших
Из моих табунов в Большой орде».

СТАРИНА ДВЕНАДЦАТАЯ БОЙ ДОБРЫНИ С БАБОЙ ГОРЫНИНКОЙ

Заводил Владимир-князь почестен пир,
Собирал всех князей и бояр,
И сильных могучих богатырей,
Кланялся им до сырой земли,
А Добрыне с Васильюшкой в особину:
«Исполать вам, удалы добры молодцы,
Послужили вы мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною,
Привезли от Батыги царя поганого
Дани-выплаты на двенадцать лет».
И гуляли все, веселилися
Немного, немало – ровно тридцать дней.

Отъезжали тут могучие богатыри,
Отъезжали они в чисто поле.
Ведь в Киеве-то нельзя им жить:
Разгуляются, распотешатся,
Распотешатся, станут всех толкать;
А такие потехи богатырские
Народу в Киеве ведь не вытерпеть.
Которого толкнут – тому и смертушка.
Отправлял их тут Владимир-князь,
Отправлял погулять на поле дальнее.
Поехали богатыри по чисту полю,
Наперед всех Илья Муромец.
У Ильи конь бежит, как сокол летит,
Реки, озера промеж ног пускает,
Хвостом поля устилает.
Киевские богатыри дивуются:
«Нет на поездку сильней Ильи Муромца,
У него поездка молодецкая,
Вся поступочка богатырская».
Приезжали богатыри на поле дальнее,
Раскидывали там белы шатры,
Стали пить, гулять и потешаться,
Богатырской удалью хвастаться.
Прискакала тут к ним баба Горынинка,
Говорила баба Горынинка таковы слова:
«Гой еси вы, богатыри русские!
Побили вы у царя Батыги всю силу великую,
Выходите-ка теперь со мной, с бабой, битися!»
Богатыри тут призадумались:
Кому из них выходить в поединщики.
Говорил старый казак Илья Муромец:
«Дайте-ка мне, братцы, с ней поразведаться!»
Добрыне Никитичу тут за обиду стало,
Что идет Илья Муромец с бабой битися:

«Дайте-ка мне, братцы, сперва с ней разведаться,
А пробьюсь я с ней двенадцать дней,
Приезжайте меня попроведати».
Выходил Добрыня из бела шатра,
И садился он на добра коня,
Выезжал с бабой Горынинкой в чисто поле.
Как ударились они палицами булатными, —
Будто гром грянул из тучи темной,
Приломали они свои палицы.
Стали они копьями биться, —
Изломали они востры копыща.
Сходили они с коней богатырских,
Бились в рукопашный бой,
А и бились двенадцать дней.
Поизмучился Добрыня Никитич млад,
Стала одолевать баба Горынинка.
Приезжает тут попроведать Илья Муромец:
«Тебе Бог помочь, Добрынюшка!»
Возговорит тут Добрыня Никитич млад:
«Ах ты, братец названный, Илья Муромец!
Приходит мне смерть скорая,
Смерть скорая от этой бабы от Горынинки».
Говорил тут старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитич млад!
Не знаешь ты, Добрыня, ухватки бабьей.
Ты бери-ка ее за белы груди,
Да ударь-ка ее о сыру землю!»
Добрынюшка тут послушлив был,
Хватал бабу Горынинку за белы груди,
И ударил ее о сыру землю,
Убил бабищу Горынищу до смерти.
Приезжали богатыри в бел шатер,
Стали пир вести, потешатся.

СТАРИНА ТРИНАДЦАТАЯ ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Девять лет Добрыня богатырствовал
С Ильей Муромцем по руку правую,
Девять лет Добрыня посольствовал,
Служил князю Владимиру верой-правдою,
На десятый погулять пошел
По стольному городу по Киеву.
А матушка Добрынюшке наказывала,
Государыня Добрыне наговаривала:
«Ты пойдешь гулять по городу Киеву,
Не ходи ты, Добрынюшка, во улицу Игнатьевску,
Тут живет молода Маринка Игнатьевна,
Отравщица, приворожница, безбожница,
Извела-то она девять молодцев,
Девять молодцев русских могучих богатырей,
Изведет тебя Добрынюшку десятого,
И сам Илья Муромец тебя не выручит».
А Добрынюшка матушки не слушался,
Взял он, Добрыня, тугой лук,
А и колчан себе каленых стрел,
Пошел гулять по городу Киеву.
Идет он по широким улицам,
По частым мелким переулочкам,
И зашел он во улицу Игнатьевску,
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкий двор,
На ее терема высокие.
А у молоды Марины на тереме
Сидят тут два сизые голубя,
Над тем окошком косящетым,

Целуются они, милуются,
Желты носами обнимаются.
Тут Добрыне за обиду стало,
Будто над ним насмеваются.
Разгорелось у Добрыни ретиво сердце,
Натягивал Добрынюшка свой тугой лук,
Накладывал стрелку каленую,
Стрелял он в тех голубка с голубкою;
А спела ведь тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла калена стрела.
Тут у Добрыни левая нога поскользнулася,
Не попал он в голубка с голубкою,
Попал в окошечко косящетое,
Расшиб оконницу стекольчатую.
Выбегала Маринка на широкий двор:
«А кто это, невежа, в окошко стрелял,
Расшиб оконницу мою стекольчатую?»
Увидела Добрыню, говорит таковы слова:
Ай же ты Добрынюшка Никитич млад!
Холост ты, не женат ходишь,
Я красна девица на выданье:
Возьми-ка меня за себя замуж».
Отвечал ей Добрыня Никитич млад:
«Ты, Маринка, отравщица, приворожница,
Еретица ты, Маринка, безбожница,
Не возьму я тебя, Маринку, замуж».
Плюнул Добрыня и прочь пошел.
И в ту пору Маринке за обиду стало,
За великую досаду показалось.
Брала Маринка булатный нож,
Подрезывала следочки Добрынюшкины,
Клала те следочки на дрова белодубовы,
Затопляла Маринка печь муравленую,

Разжигала дрова, приговаривала:
«Как горят жарко следы эти молодецкие,
Так горело бы сердце молодецкое
У молода Добрынюшки Никитича
По мне ли по Маринке Игнатьевне,
Не мог бы Добрынюшка ни жить, ни быть,
Ни дня бы не дневать, ни часу бы часовать.
А и Божья крепко, вражья-то лепко».
Взяла Добрыню пуще вострого ножа
По его по сердцу богатырскому:
Не может Добрынюшка ни пить, ни есть,
Не может темной ночи спать,
Он белого свету дожидается.
Разгорелось у Добрыни ретиво сердце
По той ли по Маринке по Игнатьевне.
Зазвонили ко ранней ко заутрени,
Пошел Добрыня в церковь соборную,
Стоячись у церкви пораздумался:
«Что мне делать тут у церкви соборной,
У той ли у заутренки у ранней?
А пойду я ко Марине ко Игнатьевне».
Заходил он, Добрыня, во высок терем,
А молода Маринка не одна в терему,
У Маринки друг любимый Змеище-Горынчище,
Того ли Змея Сорочинского меньший брат.
Тут Добрынюшке за обиду стало,
За великую досаду показалось;
Вынимал он саблю вострую,
Срубил Змею-Горынчищу буйну голову.
Говорит ему Маринка Игнатьевна:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитич млад!
Когда-то была твоя воля,
А теперича моя воля:

Что хочу над тобой, то и сделаю.
Ищи-ка ты, Добрыня, девять туров,
А пусть ты десятый тур золоты рога!»
Обвернула Добрыню гнедым туром,
Пустила его далече во чисто поле,
Ходят там в чистом поле девять туров,
Девять туров, девять братеников,
Будет Добрыня им десятый тур,
Десятый тур золоты рога.
В ту пору завелся у князя Владимира великий пир,
Сидели на пиру честные вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка
Честна вдова Амелфа Тимофеевна.
На пиру наедались, напивались,
На почестном порасхвастались,
Кто хвастает золотой казной,
Кто хвастает молодой женой,
Третий хвастает добрым конем.
Тут Маринка Добрынюшкой похвастала:
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольном во городе во Киеве
А и нет меня хитрея- мудрея.
Есть у меня во чистом поле девять туров,
Девять туров гнедых, всем украшенных,
Девять туров – девять молодцев,
Сильных, могучих богатырей.
А ныне пустила я в чисто поле десятого,
Молодца Добрыню Никитича,
Десятый тур золоты рога».
Тут вставала Добрынина матушка
Амелфа Тимофеевна,
Била Маринку по белу лицу:
«Ай же ты, Маринка Игнатьевна!

А и сука ты, еретица, безбожница!
Есть тут тебя хитрее, есть мудренее.
Я тебя сукой обверну, по Киеву пущу,
Станешь ты, Маринка, псов-кобелей за собой водить.
Обверни-ка, Маринка, всех добрых молодцев,
Всех могучих богатырей,
Обверни Добрынюшку Никитича».
А и женское дело прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое.
Обвернулась Маринка сорокою,
Полетела далече во чисто поле,
Где ходят-гуляют девять туров,
Добрыня ходит десятый тур.
Села Добрыне на золотой рожок:
«Нагулялся ли ты, Добрыня, по чисту полю,
Наелся ли той ковыль травы,
Возьмешь ли меня за себя замуж?»
Отвечал Добрынюшка гнедой тур:
«Нагулялся я, Добрыня, по чисту полю,
Наелся я, Добрыня, ковыль-травы,
Возьму тебя, Марина, за себя замуж».
Обвернула его Маринка добрым молодцем,
Обвернула всех девять могучих богатырей,
Сама обвернулась красной девицей.
Поженились они с Добрыней в чистом поле,
Круг ракитова куста венчались.
Пришли они к Марине во высок терем.
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
Нет у тебя в терему Спасова образа,
Некому у тебя помолиться, некому поклониться,
А и дам тебе, Марина, поученьце,

Как мужья своих жен учат.
А и чай моя вострая сабля заржа́вела?»
Стал тут Добрыня жену свою учить,
Молоду Маринку Игнатьевну:
Первое ученье – ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука ненадобна,
Ласкала она, рука, Змея Горынчища».
Второе ученье – ноги ей отсек:
«А и эти ноги мне не надобны,
Оплетались они со Змеем Горынчищем».
Третье ученье – губы ей обрезал и с носом прочь:
«А и эти-то мне губы не надобны,
Целовали они Змея Горынчища».
Четвертое ученье – голову отсек и с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он речи чародейные,
Дела еретические».
Позвал Добрыня девять молодцев,
Девять богатырей могучиих,
Что турами с ним гуляли в чистом поле,
Привел в стольный Киев-град ко князю Владимиру,
Встали они в дружину богатырскую,
Дружину братьев названных
Под начало большего брата Ильи Муромца,
Встали на защиту земли русской.

СТАРИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ДАНИЛА ЛОВЧАНИН

У Владимира Красна Солнышка
Было еще пированьице-почестный пир,
И были на пиру бояре и богатыри,
И были Илья Муромец и Добрыня Никитич,
И был на пиру богатырь Данила Денисьевич.
В полсыты все наедаются,
В полпьяна все напиваются,
Между собой похваляются:
Сильный хвалится силою,
Богатый хвалится золотой казной,
Кто хвалится товарами заморскими,
Кто поместьями, вотчинами.
Один только не хвалится Данила Денисьевич.
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Уж ты гой еси, Данилушка Денисьевич!
Что ты у меня ничем не хвалишься?
Али нет у тебя золотой казны,
Али нет у тебя молодой жены,
Али нет у тебя цветного платьица?»
Ответ держит Данила Денисьевич:
«Уж ты батюшка наш, Владимир-князь!
Есть у меня золота казна,
Есть у меня молода жена,
Есть у меня и цветное платьице;
Это я, молодец, призадумался».
Тут пошел Данила с пира княженецкого.
Говорит Владимир-князь таковы слова:
«Уж вы гой еси, мои князья-бояре!
Все вы у меня в Киеве переженены,

Только я один холост хожу,
Холост хожу, неженат гуляю.
Не знает ли кто мне девицу пригожую,
Кабы лицом красна и станом статна,
Станом статна и умом сверстна,
Назвал бы ее княгинею».
Вставал тут из-за левой из-за сторонушки
Мишатка Путятин сын:
«Уж ты батюшка, Владимир-князь стольнокиевский!
Много я езживал по чужим землям,
Много видал я девиц пригожих, королевичен,
Не нахаживал такой пригожицы
Как у того ли у Данилы Денисьевича
Та ли Марья Микулична,
Дочь старшая Микулы Селяниновича:
И лицом красна и умом сверстна,
Ее бы назвать тебе княгинюшкой,
А нам назвать бы ее государыней матушкой».
Не полюбилась та речь князю Владимиру:
«Где это видано, где слыхано:
От жива мужа жену отнять!»
А Мишатка Путятин приметлив был:
«Уж ты батюшка, Владимир-князь стольнокиевский!
Не вели казнить, вели слово молвити;
Наряди Данилушку в службу дальнюю, невозвратную,
Пошли его во те луга Леванидовы,
Ко тому ко ключику ко гремечему,
Ловить ему Скимна, зверя лютого.
Заохотится добрый молодец,
Назад не воротится».
Это слово князю показалось.
Говорил тут Владимиру Илья Муромец:
«Уж ты батюшка, Владимир-князь стольнокиевский!

Изведешь ты ясного сокола –
Не поймать тебе лебедь белую».
То слово князю не показалось,
Осердился он на Илью Муромца,
Посадил его во глубок погреб.
Сам садился на золот стул,
Писал ярлыки скорописные,
Посылал с Мишаткой в Чернигов-град.
Поехал Мишатка в Чернигов-град
Ко двору Данилы, ко терему Данилину.
На двор въезжает неопасливо,
В палаты входит, не кланяясь.
А Данилы дома не оказалось,
Одна молода жена Марья Микулична.
Говорит тут Марья Микулична:
«Что еще за невежа ко мне пришел!»
Ответ держит Мишатка Путятин сын:
«Уж ты гой еси, Марья Микулична!
Прислал меня сам батюшка Владимир-князь
Со теми ярлыками скорописными».
Положил ярлычки, вон пошел.
Стала Марья ярлыки просматривать,
Залилась слезами горючими.
Скидывала с себя платье женское,
Надевала платье молодецкое,
Села на добра коня, поехала в чисто поле
Искать мила дружка своего Данилушку.
Нашла она Данилу свет Денисьевича:
«Ты надежинка, надежа, мой сердечный друг,
Молодой Данила Денисьевич!
Ведь последнее ныне нам с тобой свиданьице.
Привезла я тебе колчан стрел каленых».
Говорит ей Данила свет Денисьевич:

«Для чего же ты, Марьюшка свет Микулична
Привезла мне колчан стрел каленых?
Есть у меня колчан и стрелочки не потрачены».
Отвечала ему Марьюшка Микулична:
«Ты надежинка, мой сердечный друг,
Молодой Данила Денисьевич!
Пригодятся тебе стрелочки каленые,
Пойдут они не по князя, не по боярина,
А пойдут по своего брата богатыря.
Посылает тебя Владимир в луга Леванидовы,
Ко тому ключику ко гремячему
Ловить Скимна зверя лютого».
Брал Данила колчан стрел каленых,
Велел Марьюшке вернуться в Чернигов-град.
Сам поехал во те луга Леванидовы,
Ко тому ключику ко гремячему,
Ко тому колодезю ко студеному.
Глядит ко городу Киеву:
Не белые снега забелелися,
Не черные грязи зачернелися,
Забелела, зачернела сила русская
На того ли на Данилу на Денисьевича.
Тут заплакал Данила слезами горючими:
«Знать, гораздо я Владимиру стал не надобен!»
Берет Данила саблю острую,
Прирубил Денисьевич силу русскую.
Глядит ко городу Киеву:
Не два сыра дуба в поле шатаются –
Едут на него два богатыря из Киева,
Брат его родной Никита Денисьевич
И названный брат Добрыня Никитич млад.
Тут Данила пуще заплакал слезьми горючими:
«Знать, Господь на меня прогневался,

Где это слыхано, где видано:
Брат на брата с боем идет?»
Берет Данила свое востро копые,
Тупым концом втыкал во сыру землю,
А на острый конец сам упал,
Спорол себе Данила груди белые,
Померкли его очи ясные.
Подъезжали к нему два богатыря киевских,
Закручинились, загорюнились;
Погоревав, воротились ко князю Владимиру:
«Не стало Данилы удалого Денисьевича!»
Тут собрал Владимир-князь поезд свадебный,
Поехали ко городу Чернигову,
Приехали ко двору ко Данилину,
Всходят во высок терем к Марье Микуличне,
Целовал ее Владимир во уста сахárные.
Возговорит тут Марья Микулична:
«Уж ты батюшка, Владимир-князь стольнокиевский,
Не целуй меня во уста во кровавые,
Без моего друга Данилы Денисьевича».
Отвечал ей Владимир стольнокиевский:
«Уж ты гой еси, Марья Микулична!
Наряжайся ты в платье невестное,
В платье невестное, подвенечное».
Наряжалась она в платье невестное,
Взяла с собой булатный нож.
Поехали они ко городу ко Киеву,
Поравнялись с лугами Леванидовыми.
Говорит тут Марья Микулична:
«Уж ты батюшка, Владимир-князь стольнокиевский!
Пусти меня проститься с милым дружкой,
Со тем ли Данилой Денисьевичем».
Пустил ее князь Владимир проститься с Данилою.

Посылал с ней двух богатырей киевских.
Подходила Марья ко милу дружку,
Поклонилась она Даниле Денисьевичу.
Говорила двум богатырям киевским:
«Уж вы гой еси, мои вы два богатыря киевских!
Вы подите, скажите князю Владимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружком,
Со тем ли Данилой Денисьевичем».
Брала Марья свой булатный нож,
Спорола себе Марьюшка груди белые.
Приехал Владимир во Киев-град,
Выпускал Илью Муромца из погребца,
Целовал его в головку, во темечко:
«Правду сказал ты, старый казак,
Старый казак Илья Муромец!»
Жаловал его шубой соболиною,
А Мишатке пожаловал смолы котел.

СТАРИНА ПЯТНАДЦАТАЯ ДУНАЙ ИВАНОВИЧ И НАСТАСЬЯ КОРОЛЕВИЧНА

На ту пору, на то время
Жил-был на Руси удал молодец Дунай Иванович
Ходил Дунаюшко из орды в орду,
Из орды в орду, из земли в землю.
Пришел Дунай к королю ляховинскому,
Даниле Мануйловичу.
Три года он служил во конюшниках,
Других три служил во ключниках,
Третьих три служил на новых сених.

Уж он день стоит да на новых сенях,
Ночку спит да в новой спаленке,
Он на той кроваточке на тесовой,
На периночке на пуховой,
Спит со душенькой с Настасьей-королевичной.
У того ли короля у ляховинского
Данилы Мануйловича
Заводилось пиროваньице, почестен пир.
Говорит Дунаю Настасья-королевична:
«Не ходи, Дунай, на почестен пир,
Не равно, Дунаюшко, похвастаешь,
Не равно, словечико вымолвишь».
Не слушал Дунай Настасью-королевичну,
Пошел Дунай на почестен пир.
Все-то на пиру напивались,
Все пьяны-веселы порасхвастались.
Иной-то хвастает золотой казной,
А иной-то ведь хвастает добрым конем,
А иной-то хвастает острым копьем,
А умный – тот хвастает отцом-матушкой,
А безумный – тот хвастает молодой женой.
Сидит Дунаюшко, не ест, не пьет,
Ничем он, Дунай, не похвастает.
Проговорил тут ляховинский король
Данила Мануйлович:
«Уж ты что же, Дунаюшко, не ешь, не пьешь,
Ты не ешь, не пьешь, ничем не хвастаешь?»
Отвечал Дунай королю ляховинскому:
«Нечем мне, Дунаюшке, похвастаться,
Нету у меня, Дуная, золотой казны,
Нету у меня, Дуная, добра коня,
Нету у меня, Дуная, остра копья,
Нету у меня, Дуная, отца-матушки,

Нету у меня, Дуная, и молодой жены.
Уж я только, Дунаяшко, похвастаю:
Я ходил-гулял из орды в орду,
Из орды в орду, из земли в землю;
Я пришел, Дунай, к королю в Литву.
Три года я служил во конюшниках,
Других три служил во ключниках,
Третьих три служил на новых снях.
Уж я день стою да на новых снях,
Уж я ночь сплю да в новой спаленке,
Я на той на кроваточке на тесовой,
На периночке на той на пуховой,
Сплю со душенькой с Настасьёшкой с королевичной».
Тут не синее море всколыбалось –
Королевское сердце разгорелось,
Вскричал король Данила Мануйлович
Своим пановьям-улановьям:
«Уж вы гой еси, пановья-улановья,
Вы берите Дуная за белы руки,
Вы ведите Дуная во чисто поле,
Отрубите Дунаю буйну голову».
Тут брали его панове-уланове,
Повели Дуная во чисто поле.
Говорил Дунай пановьям-улановьям:
«Уж вы гой еси, панове-уланове!
Проведите меня по улице,
По улице у терема королевского».
Проводили они Дуная вдоль по улице,
По улице у терема королевского.
Тут вскричал Дунай зычным голосом:
«Ты прости, прости, вольный белый свет,
Прости, душенька Настасья-королевична!
Приупито было, приуедено,

В красні ,в хороші приухожено,
На белой груди да приулёжено».
Спит, не слышит Настасья-королевична.
Вскричал Дунай во второй раз:
«Ты прости, прости, вольный белый свет,
Прости, душенька Настасья-королевична!
Приупито было, приуедено,
В красни, в хороши приухожено,
На белой груди было улёжено».
Опять Настасья-королевична не услышала.
Вскричал тут Дунаюшко в третий раз:
«Ты прости, прости, вольный белый свет,
Прости, душенька Настасья-королевична!
Приупито было, приуедено,
В красни, в хороши приухожено,
На белой груди было улёжено».
Пробудилась тут Настасья, услышала,
Бросалась Настасьюшка к окошечку:
«Уж вы гой еси, панове-уланове!
Вы берите казны сколько надобно,
Вы возьмите с конюшна двора конюха,
Вы сведите его да во чисто поле,
Отрубите ему буйну голову,
Отдайте Дуная мне на́ руки».
Брали панове-уланове золото-серебро,
Взяли с конюшна двора конюха,
Свели конюха во чисто поле,
Отрубили ему буйну голову.
Отдавали Дуная Настасье на руки.
Говорила Дунаю Настасья-королевична:
«Ай же ты, Дунай сын Иванович!
Ты скажи, скажи, не утаивай,
Есть ли у тебя на святой Руси,
В городе Киеве отец-матушка,

Есть ли молода жена и малы детушки?»
Отвечал Дунай сын Иванович:
«Нет у меня на Руси отца-матушки,
Нет молодой жены и малых детушек,
А есть на Руси у князя Владимира
Славные богатыри могучие,
Хочу с богатырями силой помериться».
Дала ему Настасья-королевична добра коня,
Дала всю сбрую богатырскую,
Отпустила его на Русь ехать.

СТАРИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ БОЙ ДОБРЫНИ С ДУНАЕМ

На ту пору, на то время
Одолела удаль Добрынюшку,
Брал добра коня он богатырского,
Да с собою брал палицу булатную,
Ездил целый день с утра до вечера,
Да по славну по раздольицу чисту полю,
Искал себе Добрынюшка супротивника.
Не мог найти себе супротивничка, наездничка.
Завидел, во поле шатер стоит,
А шатер-то стоит рытого бархата,
Рытого бархата да черного,
На шатре надпись написана со угрозою:
«Кто к шатру приедет – убитому быть».
А стояла в шатре бочка зелена вина,
А на бочке чарочка серебряная,
Серебряная чарочка, позолоченная,
Не мала, не велика – в полтора ведра.

Да стоит в шатре кроваточка тесовая,
На кроваточке перинушка пуховая.
Слезал Добрынюшка со добра коня,
Наливал он чару зелена вина,
Первую выпил чару для здравьица,
Вторую выпил для весельица,
А третью выпил чару для безумьица.
Помутились у Добрынюшки очи ясные,
Расходились у Добрынюшки могучи плечи,
Разорвал он шатер рытого бархату,
Раскидал по полю чистому,
По тому ли по раздольицу широкому;
Расшиб он бочку зелена вина,
Растоптал чарочку серебряную,
Спать лег на кроваточку тесовую,
Спит Добрынюшка трое суток.
Едет тут к шатру Дунай сын Иванович:
«Кажись, не было ни бури, ни вихря буйного,
А все мое шатрышко развоевано,
Расшиблена бочка зелена вина,
Растоптана чарочка серебряная,
На кроваточке спит удалой добрый молодец».
Помутились у Дунаюшки очи ясные,
Разгорелось у Дуная ретивó сердце,
Закипела у Дуная кровь горячая,
Расходились его могучи плечи,
Берет он свою сабельку вострую,
Замахнулся на удала молодца,
А сам призадумался:
«Сонного убить – не будет мне честь богатырская,
Не будет мне хвала молодецкая».
Закричал Дунаюшко громким голосом.
Ото сна Добрынюшка пробуждается,
Со великого похмельица просыпается.

Говорит тут Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты гой еси, удаленький добрый молодец!
Ты зачем разорвал шатер рыта бархата,
Расшиб мою боченьку зелена вина,
Растоптал чарочку мою серебряную,
Подарена была чарочка королем ляховинским?»
Говорит тут Добрынюшка Никитич сын:
«Уж ты гой еси, Дунаюшко сын Иванович!
А зачем ты пинешь со угрозами,
Со угрозами пинешь со великими?
Нам бояться угроз богатырских –
Нечего ездить во поле богатырствовать».
Еще тут молодцы прираздорили,
Съезжаются они на добрых конях,
Бьются палицами булатными,
Рукояточки у палиц сломались.
Съезжаются молодцы во второй-то раз,
Секлись они сабелями острыми,
Острые сабельки у них исчербались.
Съезжаются молодцы во третий-то раз,
Кололись они копьями долгомерными,
Копьца по насадочкам свернулись.
Соскочили молодцы со добрых коней,
Схватились биться врукопашную,
Борются молодцы трое суток,
По колено они в мать сыру землю втоптались,
Не который не переборет, верх возьмет.
Там ездил по чисту полю
Могуч богатырь Илья Муромец,
Да были с ним Самсон Колыбанов и Гаврила долги полы.
Говорит тут могуч богатырь Илья Муромец:
«Мать сыра земля сотрясается,
Где-то борются удалы добры молодцы.
Два русских борются – помирить надобно,

Русский с неверным – нашему надо на выручку .
Послать Самсона Колыбанова, –
Да тот ведь роду-то сонливого;
А Гаврилу послать – заплетется в полах.
Ехать мне самому, казаку старому».
Подъезжает к ним Илья Муромец:
«Уж вы гой еси, удаленькие добрые молодцы!
Вы об чем же бьетесь, об чем боретесь?
Разве на земле-то стало узко вам,
Разве небо-то стало низко вам?
Укротите вы сердце богатырское,
А лучше вы крестами побратайтесь,
Назовитесь вы братьями крестовыми».
Говорил тут Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты гой еси, могуч богатырь Илья Муромец!
Стоял у меня в поле шатер рытого бархату,
Стояла в шатре бочка зелена вина,
А на бочке чарочка серебряная,
Серебряная чарочка, позолоченная,
Подареньице короля ляховинского.
Разорвал он шатер мой рытого бархату,
Раскидал по полю чистому,
Расшиб бочку зелена вина,
Растоптал чарочку серебряную,
Серебряную чарочку позолоченную».
Говорит тут могуч богатырь Илья Муромец:
«Ты за это, Добрынюшка, не прав будешь».
Говорил тут Добрынюшка Никитич сын:
«Уж ты гой еси, могуч богатырь Илья Муромец!
Стоял у него в поле шатер рытого бархату,
А на шатре надпись была написана со угрозою:
«Кто к шатру приедет – убитому быть».
Нам бояться угроз богатырских –
Нечего ездить в поле богатырствовать».

Говорил на те слова Илья Муромец:
«Ты за это, Дунаюшко, не прав будешь;
Зачем же ты пишешь со угрозами?
А поедем мы теперь в красен Киев-град
Ко князю Владимиру на великий суд».
Приезжают молодцы в красен Киев-град,
Приходят ко князю Владимиру.
Говорил тут Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Стоял у меня в поле шатер рытого бархату,
Во шатре была боченька зелена вина,
На бочке была чарочка серебряная,
Серебряная чарочка, позолоченная,
Подаренье короля ляховинского;
Разорвал он шатер мой рытого бархату,
Расшиб боченьку зелена вина,
Растоптал чарочку серебряную,
Серебряную чарочку, позолоченную».
Говорил тут Владимир стольнокиевский:
«И за это, Добрынюшка, ты не прав будешь».
Говорил тут Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Стоял у него в поле черен шатер,
А на шатре надпись написана со угрозою:
«Кто к шатру приедет – убитому быть».
А нам бояться угроз богатырских –
Нечего ездить во поле богатырствовать».
Говорил тут Владимир-князь стольнокиевский:
«И за это, Дунаюшко, ты не прав будешь;
Зачем же ты пишешь со угрозами
У нас на Руси богатырям моим святорусским?»
И посадили Дуная во темный погреб
За те же за двери за железные,
За те же замочки за крепкие.

**СТАРИНА СЕМНАДЦАТАЯ
ДОБРЫНЯ И ДУНАЙ СВАТАЮТ НЕВЕСТУ
КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ**

У Владимира Красна Солнышка
А и было еще пированье-почестный пир,
Много на пиру было князей и бояр
И русских могучих богатырей.
А и будет день в половине дня,
А и будет пир во полупире.
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Похаживает да выговаривает:
«Гой еси вы, князья и бояре,
И могучие русские богатыри!
Все вы в Киеве переженены,
Только я, Владимир, холост хожу,
Холост хожу, неженат гуляю.
А кто мне знает супротивницу,
Супротивницу, красну девицу:
Кабы та была девица станом статна,
Станом статна и умом свершна;
Лицо у ней было б белый снег,
Щеки как бы маков цвет,
Очи ясные как у сокола,
Брови черные как бы соболи,
И было бы мне с кем думу подумати,
И было бы с кем слово промолвити,
Назвал бы ее княгинею,
Аще вам, молодцам, было б кому поклоняться».

А и тут больший за среднего хоронится,
Да средний хоронится за меньшего,

От меньшего и ответу нет.
Тут вставал из-за стола из-за среднего
С той же скамьи да белодубовой
А не превелик детинушка, плечьми широк,
Добрынюшка Никитич млад:
«Гой еси ты, государь, князь Владимир стольнокиевский!
Не вели казнить, вели слово молвити.
Сидит у тебя в погребе темном потюремщикек,
Добрый молодец Дунай сын Иванович,
Уж он много бывал по другим землям,
Уж служил он, Дунай, многим царям,
Многим царям, многим королям,
Не знает ли он тебе супротивницы,
Обручницы тебе красной девицы?»
Говорит Владимир-князь стольнокиевский:
«Уж вы слуги, мои слуги верные!
Вы сходите ныне в темны погребы,
Приведите вы Дуная сына Ивановича!»
Сходили слуги в темны погребы,
Привели Дуная сына Ивановича.
Говорил Владимир-князь стольнокиевский:
«Уж ты гой еси, Дунай сын Иванович!
Много ты бывал по всем землям,
Служил ты многим царям, многим королям,
Ты не знаешь ли где мне обручницы,
Обручницы, супротивницы красны девицы?»
Говорит Дунай сын Иванович:
«Уж я где не бывал да нынче все забыл,
Уж я долго сидел в темнице темной».
Тут Владимир-князь стольнокиевский
Наливал ему чару зелена вина,
Зелена вина в полтора ведра,
Подносил Дунаю сыну Ивановичу.

Принимал Дунай чару единой рукой,
Выпивал он чару единым духом,
Сам говорил таково слово:
«Гой еси ты, государь, Владимир-князь!
Уж я много жил по всем землям,
Много служивал царям, королям,
Жил я во дальней земле ляховинской
У короля Данилы Мануйловича
Поры-времени двенадцать лет.
Есть у того короля ляховинского две дочери,
Большая дочь Настасья королевична,
Та Настасья не твоя чета, не тебе жена,
Злая поляница преудалая.
А меньшая дочь Апраксия королевична.
Та девица станом статна и умом свершна,
Лицо у нее как бы белый снег,
Щеки у нее как бы маков цвет,
Очи ясные как у сокола,
Брови черные как бы соболи.
Ту девицу, государь, тебе княгиней назвать».
Говорит Владимир-князь стольнокиевский:
«Уж ты гой еси, Дунай сын Иванович!
Послужи мне верой-правдою,
Бери ты моей золотой казны,
Силы бери сколько надобно,
Поезжай за Апраксией королевичной
Ко тому королю ляховинскому,
А добром не отдаст – бери силою».
Отвечал князю Дунай Иванович:
«Не надо мне, государь, золотой казны,
Не надо и силы ратной,
Только дай Добрыню Никитича,
Мы поедем с ним за Апраксией королевичной».

Посылал Владимир Добрыню с Дунаем ехать:
«Ты ведь, Добрынюшка, в послах бывал,
Ты, Добрынюшка, говорить горазд».
То и будут богатыри на конюшен двор,
Седлали, уздали добрых коней,
Седельшки у них черкасские,
Двенадцать подпруг шелку белого,
Тринадцата подпруга через хребетну кость:
То не ради красы, ради крепости,
Да ради опоры богатырского,
Не оставил бы конь во чистом поле.
Тут стояли, смотрели бояре с городской стены,
А смотрели поездку богатырскую;
И не видели поездки богатырской,
А только видели, как на коней садились:
Из города поехали не воротами, —
Скакали через стену городовую,
А через те башни наугольные;
Только видели: в поле курево стоит,
Курево стоит да дым столбом валит.
Менялись молодцы крестами золочеными,
Стали молодцы названными братьями.
Приезжают они в землю ляховинскую.
Говорит Дунай сын Иванович:
Уж ты гой еси, Добрыня, названный брат,
Я пойду к королю ляховинскому,
А не по добру встретит меня король ляховинский,
Ты поезжай, Добрынюшка, по городу,
Секи старого и малого,
Не оставляй и на семена».
Идет Дунай в гридню светлую
К королю ляховинскому Даниле Мануйловичу,
Поклонился королю и на все четыре стороны:

«Уж ты здравствуй, король Данило Мануйлович!
Я приехал к тебе не служить по-старому,
По-старому служить, по-прежнему.
Еду я от города Киева,
От славного князя Владимира
Сватать твою дочь меньшую
Молодую Апраксию королевичну».
Говорит король Данило Мануйлович:
«Стольный Киев ваш – холопский дом,
А Владимир ваш – холопище,
Не дам я за него дочери своей любимой
Молодой Апраксии королевичны.
Кабы прежде у меня не служил ты верою-правдою,
То б велел посадить во погребы глубокие
И уморил бы смертью голодную
За те твои слова за бездельные».
Тут Дунаю за обиду стало,
Разгоралось его сердце богатырское,
Вынимал он свою сабельку вострую,
Говорил таково слово:
«Уж ты гой еси, король Данило Мануйлович!
Кабы у тебя в дому не бывал,
Хлеба-соли не едал,
Ссек бы по плеч твою буйну голову!
Добром отдашь – так добром возьмем,
А добром не отдашь – возьмем силою».
Пошел Дунай вон из горенки,
Стукнул дверьми в ободверины,
Ободверины вон обе вылетели.
Закричал Дунай голосом богатырским:
«Уж ты гой еси, Добрыня, названный брат!
Поезжай ты по городу ляховинскому,
Бей ты поганых старого и малого,

Не оставляй ты на семена поганные». Сам пошел он ко высокому терему, Сидит в терему Апраксия королевична, За дверями железными, За тридесят замками булатными. Буйны ветры на нее не веют, Красно солнце не печет ее лицо белое. Говорил Дунай таково слово: «Хоть ногу изломать, а двери выставить!» Пнет во двери железные, Приломал все замки булатные. Апраксеюшка сидит, красёнца ткёт, А ткёт она сидит да золоты красна́. Бросилась к нему Апраксия королевична, Хочет Дуная в уста целовать. Проговорит Дунай сын Иванович: «Гой еси, Апраксия королевична! А и ряженный кус, да не суженому есть! Не целую я тебя во сахарные уста, А и бог тебя, красну девицу, милует: Достанешься ты князю Владимиру». Брал Апраксию за белы руки, Повел из палат на широкий двор. Восплакалась Апраксия королевична: «Государь ты мой батюшка, Данило Мануйлович! Что же ты не добром меня отдаешь, Не хлебом-солью, пирком-свадебкой, Отдаешь меня силою, со великого кроволития». Сажал Дунай Апраксию королевичну на добра коня, Поехали они к городу Киеву, Добрыня Никитич конь о конь, стремя в стремя. Едут они в чистом поле И наехали на след богатырский.

Тут наказывал Дунай Добрыне Никитичу:
«Ты вези, Добрынюшка, Апраксию королевичну,
Вези в Киев-град ко князю Владимиру,
А я поеду по следу богатырскому,
По этой ископыти великой».
Настиг он богатыря незнаемого в чистом поле,
Стали они биться-ратиться.
Сшиб Дунай богатыря с добра коня,
Выватил булатный нож – пороть груди белые,
Богатырь пред ним – поляница преудáлая,
Бóльшая дочь короля Данилы Мануйловича
Настасья королевична.
Говорила ему Настасья королевична:
«Уж ты гой еси, Дунаюшка Иванович!
А помнишь ли ты, не помнишь ли?
Сколько у нас с тобой приупито, приудено,
В красни, в хороши приухожено.
Я у батюшки-сударя отпросилася:
Кто меня побьет во чистóм поле,
За того мне, девице, замуж идти».
Говорил ей Дунай сын Иванович:
«Уж ты гой еси, Настасья королевична!
Увезли ведь мы твою родную сестру
Апраксию королевичну,
Повезли ее за князя за Владимира,
А ныне я нашел во чистом поле
Себе обручницу-супротивницу».
Тут они обручались,
Круг ракитова куста венчались.
Садились они на добрых коней,
Поехали в стольный Киев-град.
В Киеве городе у князя Владимира
Пирование великое, пир свадебный.

Говорит князю Дунай Иванович:
«Ай же ты, князь Владимир стольнокиевский!
Ты позволь, государь, слово молвити:
Взял ты нынче сестру меньшую,
Благослови мне взять сестру бо́льшую
Настасью королевичну».

Отвечал тут ему государь Владимир-князь:
«Бог тебя благословит жениться, Дунаюшка,
В нашу державу святорусскую
Пойдут семена – плод богатырский,
То лучше злата и серебра».

Повенчались Дунай с Настасьей в церкви Божией.
То и по́жили они сколько ли времени,
Опять делал Владимир-князь почестный пир,
Наедались на пиру, напивались.

Тут Дунай на пиру прирасхвастался:
«Нет против меня в Киеве сильней стрельца
Из туга лука по приметам стрелять!»

Говорит ему Настасья королевична:
«Уж ты гой еси, Дунай сын Иванович!
А и недолго я в Киеве по́жила,
А все я во Киеве повь́знала.
Нет в Киеве сильнее Ильи Муромца,
А вежливее Добрыни Никитича.
А ведь нет сильней меня стрельца в Киеве
Из туга лука по приметам стрелять».

Тут Дунаю за обиду стало,
За великую досаду показалось:
«Пойдем мы, Настасья, во чисто поле,
Станем с тобой стрелять в примету дальнюю,
Класть на буйну голову злат перстень».

И пошли они во чисто поле,
И бросали они жéребья,

Кому прежде из туга лука стрелять,
И досталось стрелять его молодой жене
Настасье королевичне.
Кладет Настасья злат перстень
Дунаю на буйну голову,
Отошла она на три поприща,
Кладет калену стрелу на тетивочку шелковую.
Спела тетивочка у туга лука,
Полетела стрела каленая,
Сшибла злат перстень с головы Дунаюшкиной.
Стал стрелять Дунай из туга лука.
Ставил молодую жену Настасью королевичну,
Кладет злат перстень ей на буйну голову.
Первый раз стрелял – не дострелил,
Второй раз стрелял – перестрелил.
Метит в Настасью третий раз.
Говорила ему Настасья королевична:
«Уж ты гой еси, Дунай сын Иванович!
Не жаль мне света белого, солнца красного,
Жаль мне в утробе млада отрока,
У меня с тобой есть во чреве чадо посеяно,
Оставим, Дунаюшка, стрелять до другого дня,
Дай мне черево выносить,
Дай мне младенца поотродити,
Свои хоть семена на свет пустить».
А тому Дунай не поверовал.
Стрелял Дунай из туга лука в третий раз,
Не попал он во злат перстень,
Попал Настасье во белы груди.
Тут падала Настасья на сыру землю.
Прибегал Дунай к молодой жене,
Доставал он булатный нож,
Распластал ей груди белые,

Нашел он во утробе млада отрока,
Был бы этот отрок богатырь на Руси,
Каких на белом свете не видано.
А и тут молодой Дунай запечалился,
Вспорол кинжалищем булатным себе белы груди,
Сам говорил таковы слова:
«Протеки от меня Дунай-река быстрая,
Протеки от моей крови горячеей,
Впади, Дунай-река, в сине море».
Тут Дунаю смерть случилася.
Где пала Дунаева головушка,
Протекала быстрая Дунай-река,
А где пала Настасьина головушка,
Протекала Настасья-река.

СТАРИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ В КИЕВЕ

На ту пору было в Киеве у князя Владимира,
Насказали на Илью Муромца бояре кособрюхие,
Будто бы он такими словами похваляется:
«Князя Владимира я повыживу,
Сам сяду в Киеве-граде княжить».
Говорит тогда Владимир Илье Муромцу:
«Прогоню я тебя, Илья Муромец,
Прогоню тебя из славного из города из Киева,
Не ходи ты, Илья Муромец, в красен Киев-град!»
Говорил Илья таковы слова:
«Придет на тебя, Владимир, сила неверная,
Сила неверная, басурманская,
Я тебя, князь, тогда из неволюшки не выручу».
И поехал Илья в город Муром,

В село Карачарово к своим батюшке и матушке.
И живет немало, немного у них – три года.
И уехали все богатыри из Киева,
За обиду богатырям стало,
Что прогнал Владимир Илью Муромца.
Тут слышал Идолище проклятое:
Нет в Киеве Ильи Муромца,
Три года уже как в живых нет.
Набирал Идолище силу неверную,
Силу татарскую, басурманскую.
Подошла сила татарская-басурманская к Киеву.
Выходит Идолище из бела шатра,
Пишет ярлыки скорописчаты:
«Я зайду, зайду, Идолище, во Киев-град,
Выжгу я, Идолище, город Киев,
Божьи церкви на дым спущу,
Народ православный повырублю,
Сяду я, Идолище, в палаты белокаменные,
Княгиню Апраксию к себе в постель возьму,
А князя Владимира на кухню поваром поставлю,
На меня варева варить».
Посылает с теми ярлыками татарина поганого.
Скоро приходит татарин-посол в Киев-град,
Идет, собака, в палаты белокаменны,
Рубит у привратников буйны головы,
Отдает князю Владимиру ярлыки скорописчаты.
Прочитал Владимир, загорюнился,
Загорюнился, закручинился.
Нет в Киеве у него защитников,
Нет в Киеве Ильи Муромца,
Нет и тридцати богатырей киевских,
Уехали богатыри в чисто поле.
А поганый посол-татарин выговаривает:
«Выбирайся, Владимир, из палатушек,

Ступай на кухню варить поваром,
Царь наш Идолище обедать хочет».
Тут Владимир-князь из палатушек выбирается,
Сам слезами уливается.
А Идолище поганое в палатах у него расселось,
Голова у Идолища – пивной котел,
Глазищи – чашища,
Ручищи – грабища,
Между глаз – стрела каленая.
Княгиню Апраксию к себе требует,
Два дня сроку дает:
«Будешь ты через два дня не княгиною,
Будешь ты, Апраксия, царицею».
Разнемогся в ту пору Илья Муромец,
Разболелось у него ретиво сердце,
Закипела у него кровь горячая:
«Я не знаю, отчего я занемог-загорюился,
Не могу дома сидеть,
Съезжу я проведать славен Киев-град».
Седлал Илья добра коня,
Садился в седельшко черкасское,
Приезжает он в красен Киев-град,
Оставил добра коня на широком дворе,
Пошел по городу по Киеву,
Нашел он в Киеве калику перехожую,
Перехожую калику, переброжую,
Начал тут Илья доведывать:
«Все ли в граде Киеве по-старому,
Все ли в Киеве по-прежнему?»
Отвечает ему калика перехожая:
«Не по-старому в Киеве звон звонят,
Не просят милостыни спасения:
Обнасильничал Идолище поганое».
Говорит калике Илья Муромец:

«Давай, калика, платьем меняться,
Мне твое платьице кáличье,
А тебе мое богатырское».
Согласен калика платьем меняться.
Оделся Илья каликой перехожим,
Пришел под окошко к палатам белокаменным,
Закричал во всю голову криком богатырским:
«Ай же ты, славный Владимир-князь,
А подай-ка, подай мне милостинку спасеную,
Ты подай, подай мне ради Христа, царя небесного,
Ради Матери Божьей, царицы Богородицы!»
В Киеве от того крика богатырского
Терема пошатнулись,
Оконнички стекольные посыпалися.
Уши заложило Идолищу проклятому.
Говорит Идолище князю Владимиру:
«Эки у вас на Руси калики голосастые!»
А Илья Муромец кричит во второй након:
«Ай подай ты, подай милостину спасеную,
Ай подай ты, Красно Солнышко Владимир-князь!
Ты подай-ка не для ради кого-нибудь,
Ты подай-ка для Ильи для Муромца!»
Тут скорехонько к окошечку подходит князь,
Отпирает окошечко косящето,
Говорит Владимир таковы речи:
«Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожая ты, калика, переброжая!
Я живу, калика, не по-прежнему,
Не по-прежнему живу, не по-старому.
Я не смею подать тебе милостинки спасенной,
Не велит Идолище поганое
Поминать Христа, царя небесного,
А еще поминать Илью Муромца,
Богатыря святорусского.

Кто помянет – судом судить,
Судом судить – живому не быть,
Очи ясные вынимать его косицами,
Язык тянуть да его теменем.
Живу я, князь, теперь не в палатах белокаменных,
Живу я теперь на кухне поваром,
Варю варево басурманское,
Подношу кушанье Идолищу проклятому».
Говорит ему Илья, калика перехожая:
«Уж ты гой еси, Владимир Красно Солнышко!
Ты не мог узнать меня, Илью Муромца?»
Тут падал Владимир-князь на резвы ноги:
«Ты прости, прости, Илья Муромец, меня виноватого!»
Отвечал ему Илья таково слово:
«Не тужи, Владимир Красно Солнышко,
Так и быть, выручу я тебя из неволюшки».
Пошел Илья в палаты к Идолищу поганому:
«Ты, поганое Идолище, басурманский царь,
Принес я тебе весть нерадостную:
Илья-то Муромец ведь живехонек, здоровешенек.
Встретил я его в чистом поле.
Хочет завтра приехать в Киев-град».
Говорит ему Идолище басурманский царь:
«А скажи, калика, скажи-ка мне,
Велик ли этот Илья Муромец?»
Отвечает Илья калика перехожая:
«Илья-то Муромец будет в мой же рост». –
«А по многу ли ест хлеба Илья Муромец?»
Отвечает калика перехожая:
«Хлеба он по единому ломтю кушает». –
«А по многу ли он пьет пива пьяного?»
Отвечает калика перехожая:
«Пива пьяного он пьет всего-то одну чарочку».
Усмехнулся тут Идолище поганое:

«Почему же этим Ильею на Руси хвастают?
На долонь его положу, другой приложу, –
Останется от него мокро место».
Говорит ему калика перехожая:
«А по многу ли, царь, ты пьешь и ешь?»
Отвечает ему Идолище поганое:
«Я-то пива пью в полтора ведра,
Я-то хлеба ем по семи пудов,
Я ведь мяса-то ем – в обед быка съем».
Отвечал на те речи Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович:
«У моего-то батюшки родимого
Была корова обжорлива,
Она много пила да много ела –
У ней скоро ведь брюхо треснуло».
Та речь Идолищу не слюбилася,
Хватал он из ногалица булатный нож,
Кидал в калику перехожую.
Увернулся Илья от ножа булатного,
Скидывал тут Илья шапку с головушки,
Шапку ту сорочинскую,
Кинул шапкою в Идолище поганое –
Угодил в басурманскую саму голову.
Улетел Идолище из простенка вон,
Вылетел Идолище на улицу.
Побежал Илья Муромец из палат на двор,
Срубил Идолищу буйну голову.
Избил-изрубил всю силу басурманскую,
Силу татарскую, великую.
Тут велел князь Владимир звонить в большой колокол,
За Илью петь обедни с молебнами:
«Не за меня молитесь, за Илью за Муромца».
И собирал Владимир князь почестный пир,
Славить Илью Муромца, богатыря русского.

**СТАРИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА**

Заскучал Илья Муромец в граде Киеве,
Не ест, не пьет на пиру у князя Владимира,
Поехал он из Киева в чисто поле
Поискать себе дела богатырского.
Едет Илья Муромец в чистом поле
И увидел он бел-горюч Алатырь-камень.
От того камня три пути-дороженьки широкии.
А на камне написано:
В первую дорогу ехать – убиту быть,
В другую дорогу ехать – женату быть,
В третью дорогу ехать – богату быть.
Стоит Илья, головой качает, удивляется:
«Сколько лет я в чистом поле ездживал,
А такого чуда еще не наездживал.
Для чего мне ехать, где богату быть?
Нет у меня молодой жены,
Некому тратить золотой казны.
Для чего мне ехать и где женату быть?
Молоду жену взять – чужа корысть,
А старую взять – на печи лежать,
На печи лежать, киселем кормить.
Поеду-ка я, добрый молодец,
Тою дороженькой, где убиту быть».
Едет Илья не день, не два,
Проехал Корелу проклятую,
Не доехал до Индии до богатосей,
И наехал он на грязи смоленские.
Стоят там сорок тысяч разбойников,
Те ли ночные тати-подорожники.

Хотят отобрать у него добра коня,
Отнять у него платье цветное.
Говорит им Илья Муромец сын Иванович:
«А гой же вы, сорок тысяч разбойников
И тех ли татей ночных подорожников!
Да на что вам бить меня, старого?
Уж вам снять-то с меня нечего,
Только ведь на мне сермяжка серая,
Одна пола во пятьсот рублей,
А другая пола во тысячу,
А всей сермяге и цены-то нету.
У меня ведь золотой казны не случилось,
Только казны с собой сорок тысяччей,
Еще крест на груди да во пятьсот рублей,
Да шелом на главе сорока пудов,
Сорока же он пудов во пятьсот рублей,
А сапоженьки на ноженьках семи шелков,
Да семи они шелков во семьсот рублей.
Есть еще у меня только добрый конь,
На коне есть седельшко черкасское,
То не для красы, братцы, не для басы –
Ради крепости богатырской,
Чтобы можно было сидеть добру молодцу,
Биться-ратиться во чистом поле.
Есть еще на коне уздечка тесмяная,
И во той уздечке тесмяной
Зашито ведь по камешку по яхонту,
То не для красы, братцы, не для басы –
Ради крепости богатырской.
Там, где ходит-гуляет мой добрый конь,
Ходит он среди ночи темная,
Видно его за пятнадцать верст.
А еще-то у моего коня доброго

Промеж глаз насажен камень тирон,
То не для красы, братцы, не для басы,
Для ради осенних темных ноченок,
Он за тридцать верст как светел месяц печет,
Тому камению и цены-то нету».
Вскричал тут атаман разбойников громким голосом:
«Что ж вы ребяташки мои разбойнички
Дали брехуну старому долго разговаривать!
Принимайтесь-ка, ребяташки, за дело ратное».
Тут Илье за обиду стало,
За великую досаду показалось.
Снимал он с буйной головы шеломчат колпак,
Начал он шеломом помахивать,
Как махнет в сторону – так тут и улица,
В другую махнет – переулочек.
Видят разбойники, беда пришла,
Вскричали они зычным голосом:
«Ой ты гой еси, стар матер человек!
Ты бери с нас золоту казну, сколько надобно,
Ты бери с нас цветно платьице,
Ты бери наших добрых коней,
Ты оставь-ка нас хоть на семена».
Говорит им тут Илья Муромец:
«Кабы мне брать вашу золоту казну,
За мной бы рыли ямы глубокие,
Кабы мне брать ваше цветно платье,
За мной бы были горы высокие.
Кабы мне брать ваших добрых коней,
За мной бы гоняли табуны великие.
Хватит вам, разбойникам-подорожникам
Губить души невинные,
Хуже вы поганых татаровей».
Прибил-прирубил Илья всех разбойничков,

Не оставил ни единого и на семена.
Вернулся он к Алатырю-камню,
Подпись на камешке подписывал:
«Очищена эта дорога прямоезжая».
Поехал Илья той дорожкой, где женату быть.
Увидал палаты белокаменные.
Выходила его встречать красна девица,
Сильная поляница уда́лая:
«Пожалуй ко мне, добрый молодец!»
Бьет челом, низко кланяется,
Берет Ильюшу за белы́ руки,
За белы руки да за златы́ перстни,
Ведет в палаты свои белокаменные,
Посадила добра молодца за дубовый стол,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у доброго молодца выпрашивать:
«Ты скажи, скажи мне, добрый молодец!
Ты какой земли да какой орды,
Ты чьего же отца да чьей матери,
Еще как же тебя именем зовут,
Величают тебя по отчеству?»
Отвечал Илья красной девице:
«Почто спрашивать, красна девица?
Я теперь устал, почивать хочу».
Берет красна девица Ильюшу за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Ведет в спаленку, богато убранную,
Уложить добра молодца на кроватьку тесовую,
На тесовую кроватьочку на обманчиву.
Говорит Илья красной девице:
«Ай же ты, душечка красна девица!
Ты сама ложись да на ту кроватьку на тесовую».
Схватил Илья красну девицу подзапазушки,

Кинул на ту кроватку на тесовую,
Как кроваточка-то тут перевернулася,
Свалилась красна девица во глубок погреб.
Отворял Илья погребга глубокие,
Выпускал двенадцать добрых молодцев,
Двенадцать сильных, могучих богатырей:
«Подите, добры молодцы, на святую Русь,
Делайте дело богатырское,
Берегите вы, храните Русь матушку!»
Вынимал Илья саблю вострую,
Срубил злодейке девице буйну голову,
Рассек-разрубил тело женское,
Куски разметал по чисту полю,
Серым волкам на съедение,
Черным воронам на расклевание.
Приезжает ко Алатырю-камню,
На камешке подпись подписывал:
«Очищена и эта дорожка прямоезжая».
Направил Илья своего добра коня
На третью дорогу, где богату быть.
Наехал в чистом поле на три погребга глубоких,
Насыпаны доверху златом-серебром,
Каменьями драгоценными.
Обирал тут Илья все злато-серебро
И каменья те драгоценные,
Раздавал нищей братии,
Вдовам и сиротам бесприютным.
Вернулся он к Алатырю-камню
И на камешке подпись подписывал:
«Очищена и эта дороженька прямоезжая».

СТАРИНА ДВАДЦАТАЯ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ В ЦАРЬ-ГРАДЕ

Опять заскучал Илья Муромец в граде Киеве,
Заскучал он без дела богатырского,
И поехал Илья Царь-град повидать.
И будет Илья около Царя-града,
Навстречу ему калика-богатырь,
А сильное-то могуче Иванище,
У него лапотцы на ножках семи шелков,
Промеж в лапотцы поплетены
Каменья самоцветные,
Клюша-то у него ведь сорок пуд.
Говорит калике Илья Муромец:
«Ты откуда, Иванище, идешь-бредешь, откуда путь держишь?»
Отвечает Илье калика Иванище:
«Иду я от того города Ерусалима,
Там я Господу Богу молился,
Во Ердань-реке купался,
Ко Господню гробу приложился.
Назад шел мимо Царь-града».
Как начал тут Ильюшенька доспрашивать,
Как начал тут Ильюшенька доведывать:
«Все ли в Царь-граде по-старому,
Все ли в Царь-граде по-прежнему?»
А говорит тут Иван таково слово:
«В Царь-граде-то нынче не по-старому,
В Царь-граде-то нынче не по-прежнему,
Одолели поганные татарове,
Наехал на Царь-град Идолище проклятое,
Головища — что ведь люто лохалище,

Глазища – что чашища пивные,
А нос-то на роже он с локоть был.
Святые образы поколоты,
В черные грязи потоптаны,
Во Божьих церквях коней кормят».
Говорит ему тут Илья Муромец:
«Дурак же ты, дурак, Иванище!
Силы у тебя могучего богатыря,
Смелости, ухватки половинки нет.
Зачем же ты не выручил царя-то Константина Боголюбова?
Разувай же лапотцы семи шелков,
Обувай мои сапожки сафьянные,
Давай сюда клюшу сорок пуд,
Сокручусь я каликой перехожею,
А ты пока стереги моего добра коня».
Приходит Илья Муромец во Царь-град,
Закричал Илья во всю голову зычным голосом:
«Ай ты царь, Константин Боголюбович!
А подай-ка мне, калике перехожей, милостыню!»
Как в Царь-граде от крика его богатырского
Пошатнулись терема златоверхие,
Хрустальные оконнички посыпалися.
Уши заложило Идолищу проклятому,
Велит слугам того калику к нему вести.
Привели слуги к нему Илью Муромца.
Спрашивает Идолище проклятое:
«Ты скажи, скажи, калика, не утаивай,
Какой у вас на Руси есть богатырь Илья Муромец?
Велик ли ростом, по многу ли хлеба ест,
По многу ли пьет зелена вина?»
Отвечал Илья Идолищу царьградскому:
«У нас-то есть на Руси богатырь Илья Муромец,

Ростом он равный мне,
А хлеба он ест по три калачика крупчатых,
А зелена вина пьет на три пяточка медных,
А вас, идолищей, побивает колпаком сорочинским».
Усмехнулся Идолище поганое:
Хороши же богатыри у вас на Руси!
Я вашего Илью Муромца на долонь положу,
Другой приложу – овсяной блин станет.
Я-то, Идолище, хлеба ем по семи пудов,
Пью зелена вина по три ведра».
Говорит ему Илья Муромец:
«У нас на Руси у попа ростовского
Корова была обжориста,
Много ела и пила, тут и треснула».
Не слюбились эти речи Идолищу проклятому,
Хватал он ножище-кинжалище,
Кидал в Илью Муромца.
Увернулся Илья Муромец,
Кинжалище колпаком отмахнул.
Ударил кинжалище во дубову дверь,
Улетела дверь в сени царские,
Убила двенадцать татаровей.
Тут Илья скоро к поганому подскакивал,
Ударил его клюкой в голову,
Повалился Идолище замертво.
Схватил его Илья за ноги,
Начал поганым помахивать,
Помахивает Илья, сам приговаривает:
«Вот мне, братцы, нынче оружие по плечу пришло,
Крепок-то поганый, не рвется, не тянется».
Прибил Идолищем всех татаровей, сколько ни было,

Не оставил и на семена.

Благодарит Ильюшеньку царь Константин Боголюбович:

«Ай ты, могуч богатырь Илья Муромец!

Ныне ты нас повыручил,

Ныне ты нас повызволил от той смерти безнапрасной.

Живи ты у нас в Царе-граде,

Пожалую тебя воеводою».

Отвечает ему Илья Муромец:

«Спасибо тебе, царь Константин Боголюбович,

За твое слово гладкое, уветливое!

Не могу я, царь Константин Боголюбович,

У тебя воеводой быть,

Ждет меня добрый конь на Русь ехать».

Приходил Илья на то место прежнее,

Где Иванище его коня стережет,

Скидывал он с себя платье кáличье,

Разувал лапотцы семи шелков,

Обувал сапожки сафьянные,

Надевал на себя платье цвѣтное,

Садился на добра коня богатырского,

Тут он с Иванищем прощается:

«Прощай-ка ныне ты, сильное могуче Иванище!

«Впредь ты так, Иванище, не делай-ка,

А выручай-ка ты Русь от поганных».

И поехал тут Ильюшенька на святую Русь.

СТАРИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
АЛЕША ПОПОВИЧ И СКИМЕН-ЗВЕРЬ

На ту пору, на то время
Во славном было во городе во Ростове
У того попа Ростовского Левонтия
Едино было чадо милое,
Удал добрый молодец на возрасте,
По имени Алешенька млад.
И стал Алешенька конем владеть,
И стал Алешенька мечом владеть.
Что не стук-то стучит во тереме,
Что не гром-то гремит во высоком, —
Подымается чадо милое,
Чадо милое, порожденное,
Свет Алешенька Чудородыч млад.
«Ах ты, мать моя, родна матушка,
Свет Амирфа Тимофеевна!
Дай ты мне благословеньице
Погулять по белу свету». —
«Ах ты гой еси, чадо милое,
Чадо милое, порожденное,
Свет Алешенька Чудородович!
Ты не можешь, Алеша, на коне сидеть,
Ты не можешь, Алеша, конем владеть,
Булатная сабелька тебе тяжела,
Златая кольчуга тебе долга». —
«Ах ты гой еси, мать родимая,
Свет Амирфа Тимофеевна!
Я могу, Алеша, на коне сидеть,
Я могу, Алеша, конем владеть,
Булатная сабелька мне легка,
Златая кольчуга мне коротка».

Что не белая береза к земле клонится,
Приклоняется Алеша к своей матушке,
Приклоняется Алеша ко родимой,
Просит у нее благословеньица,
Благословеньица великого:
«Благослови-ка ты меня, матушка,
Благослови меня ты, родимая
Да со Скименом-зверем поборотися,
Да со Скименом-зверем поратися».
А дала же ему матушка благословеньице,
А дала же ему родимая великое.
Он садился, Алеша, на добра коня,
На добра коня богатырского,
Он поехал, Алеша, во чисто поле,
Во чисто поле, во раздольице.
Выезжал Алеша на долинушку,
Выезжал он на широкую,
Увидал Алешу сам Скимен-зверь,
Он вставал, вор-собака, на задни ноги,
На задни ноги, на остры когти,
Наперед на нем шерстка перепрокинулася.
Заревел вор-собака по-звериному,
Зашипел вор-собака по-змеиному.
Да дрался с ним Алеша трое суток,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.
Порубил его Алеша на мелки части,
Раскидал его Алеша по чисту полю,
По чисту полю, по раздольицу.
Выезжал Алеша на дороженьку,
Выезжал на широкую,
Он поехал Алеша к своей матушке.

СТАРИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ АЛЕША ПОПОВИЧ ЕДЕТ В КИЕВ

Приходил Алеша к своему родителю,
К тому попу Ростовскому Левонтию,
И падает ему во резвы ноги
И просит у него благословеньица
Ехать да во чисто поле во раздольице,
Поискать себе честь-хвалу богатырскую.
И просил он себе у родного батюшки,
У того ли попа Ростовского,
Хорошую дружинушку хоробрую.
И дал ему родитель благословеньице.
И пошел Алешенька на конюшен двор
Со своей дружиною хороброю,
Брали они коней добрых,
Седлали коней в седельшки черкасские,
Затягивали подпруги шелкóвые,
Застегивали костылечки булатные,
Сами коню приговаривают:
«Уж ты, конь, ты конь, лошадь добрая!
Не оставь ты, конь, во чистом поле
Серым волкам на растёрзанье,
Черным воронам на възграенье,
А сильным поляницам на восхвáление».
Надевали на коней узду тесмяную,
Сами коню приговаривают:
«То не для красы-басы – для крепости богатырския,
Для-ради выслуги молодецкия».
Надевал Алешенька латы кольчужные,
Застегивал пуговики жемчужные
И булатный нагрудничек,

И брал свою сбрую богатырскую:
Во-первых, копье долгомерное,
Во-вторых, саблю вострую,
Во-третьих, палицу булатную,
В налучничек тугой лук,
Да колчан стрелочек каленных;
Не забыл кинжалище, свой острый нож.
Только видели удала, как в стремя вступил,
А не видели поездки богатырския,
Только видели – в чистом поле курево стоит,
Курево стоит да дым столбом валит.
У рек молодцы не стаивали,
Перевоза молодцы не крикивали,
Они ехали с утра день до вечера
И доехали до расстаньюшка великого
На три дороженьки широкие:
Первая дороженька во Киев-град,
Другая дороженька во Чернигов-град,
Третья дороженька ко синю морю,
Ко тому ко камешку ко серому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На те же тихи вешни заводи.
И говорил тут Алеша Попович млад:
«Уж ты гой еси, дружина хоробрая!
В которую дорожку наш путь лежит –
В Киев ли ехать, в Чернигов ли,
Аль к тому морю синему?»
И говорит дружина хоробрая:
«Уж ты гой еси, Алеша Попович млад!
Коли ехать нам во Чернигов-град,
Во Чернигове вина заморские,
Вина заморские да заборчивые:
По чарочке выпьешь – по другой хочется,

А по третьей выпьешь – душа горит.
Еще в Чернигове красны девицы хороши,
На девицу взглянешь – загуляешься,
И пройдет про нас славушка немалая,
От востока слава до запада,
До того города до Ростова,
До твоего батюшки-родителя.
Поедем-ка мы, Алешенька, в Киев-град
Божьим церквям помолитися,
Честным монастырям поклонитися».
И поехали они ко городу ко Киеву.
Под тем под городом под Киевом
Сослучилося несчастье великое:
Обстала его сила неверная,
Поднялся из той Большой орды
Собака, проклятый Батыга царь,
Хочет красен Киев-град в полон взять,
Божьи церкви огнем спалить,
Князя Владимира в котле сварить,
Княгиню Апраксию себе взять.
И говорит тут Алеша Попович млад:
«Уж ты гой еси, дружина моя хоробрая!
А напустимся на рать-силу неверную,
На того ли Батея-царя проклятого,
Избавим от беды красен Киев-град;
Пройдет про нас слава великая
Про выслугу нашу богатырскую,
Узнает про нас могуч богатырь Илья Муромец».
И напустился он с дружинушкой хороброю
На ту силу-рать неверную,
На того Батыгу царя проклятого,
И прибили ту силу великую,
Очистили дорожку прямоезжую.

Приезжали они во красен Киев-град,
Спрашивает их Владимир-князь:
«Откуда вы таковы, добры молодцы,
Коим путем-дорогой прибыли?»
Отвечал князю Алешенька Попович млад:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь стольнокиевский!
Мы из города Ростова славного,
Ехали мы дорожкой прямоезжею».
И не почествовал их Владимир-князь,
Не позвал на свой почестный стол.
И поехали они во чисто поле
Ко тому ли городу Ростову.
И прошла славушка немалая
До могуча богатыря Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоезжая
От того ли Алешеньки Поповича.
Приезжает Илья Муромец в красен Киев-град,
Идет ко князю Владимиру в гридню светлую,
Челом бьет ниже пояса:
«Уж ты здравствуй, Владимир-князь стольнокиевский!
Заезжали ль сюда добры молодцы
Алешенька Попович с дружиной своей хороброю?»
Отвечал ему тут Владимир-князь:
«Заезжали добры молодцы в Киев-град,
Да я молодец не почествовал».
И сказал князю могуч богатырь Илья Муромец:
«Собери-ка ты, Владимир-князь, почестный пир,
Посади-ка Алешу во большое место,
Употчуй Алешу зеленым вином,
Зеленым вином да медом сладким,
Пожалуй Алешу дорогими подарочками.
Прошла о нем славушка немалая,
Побил он орду проклятую,

Избавил от беды красен Киев-град». И послал Владимир-князь за Алешенькой Добрыню Никитича. Добрыня Алеше низко кланялся: «Уж ты гой еси, Алеша Попович млад! Поедем-ка во красен Киев-град Ко ласкову князю ко Владимиру, Хлеба-соли есть да пива-меда пить, Хочет тебя князь пожаловать». Умел Алеша Попович ответ держать: «На приезде гостя не употчевал, На отъезде гостя не употчевать». Говорил Добрынюшка во второй након: «Поедем, Алешенька, в красен Киев-град Хлеба-соли есть, пива-меда пить, Подарит тебя князь дорогим подарочком. Да еще звал тебя могуч богатырь Илья Муромец сын Иванович». Тут садился Алеша на добра коня, Поехали они ко городу Киеву, Приезжают ко тому же ко двору княженицкому, Оставляют коней у того же столба у точеного, У того же колечка золоченого. Встречают его на красном крыльце Владимир-князь с княгиней Апраксией, По колено у Апраксии ноги в золоте, По локоть руки в скатном жемчуге, На груди у Апраксии камень самоцветный, И цены ему нет. Брала она Алешеньку за белы руки, Вела его в гридню светлую, Сажала за столы дубовые, За кушанья сахарные,

За питья медвяные.

И говорил же тут Владимир стольнокиевский:

«Слуги верные, наливайте-тось зелена вина,

А не малую чарочку – в полтора ведра;

Наливайте-тось еще меду сладкого,

Наливайте-тось еще пива пьяного,

А всего четыре ведра с половиною».

И принимает Алешенька одною рукой,

И выпивал Алешенька чары дóсуха.

Поклонился на все четыре стороны,

А в особину Илье-то Муромцу.

Молвил тут Владимир-князь стольнокиевский:

«Чем тебя, Алешенька, жаловать?

Селами с приселками, городами с пригородками,

Али жаловать тебя золотой казной?»

Говорил Алеша таково слово:

«Не надобны мне, князь, села с приселками,

Не надобны мне города с пригородками,

Не надобно мне и золотой казны,

А надобно мне братство богатырское».

Тут добры молодцы побратались,

Крестами богатыри поменялися,

Стали они братья названные,

Старший брат – Илья Муромец,

Средний брат – Добрыня Никитич млад,

Младший брат – Алеша Попович млад,

Стали три богатыря сильные

На защиту святой Руси, земли русской.

**СТАРИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН ЗМЕЕВИЧ**

Миновалось поры-времени три года,
Три года и три месяца.
Из славного Ростова красна города
Как два ясные соколы вылетывали,
Выезжали два могучия богатыря:
Алешенька Попович млад,
С ним Еким, Алешин парубок.
Тут едут удалы два добра молодца,
Едут конь-о-конь да седло-о-седло,
Да сами меж собой разговаривают:
Куда нам, добрым молодцам, путь держать?
В Суздаль-град – в Суздале питья много,
Нам, добрым молодцам, испропитися.
В Чернигов-град – в Чернигове девки хороши,
Спознаться с девками – пройдет славушка недобрая.
Лучше нам, добрым молодцам, ехать в Киев-град
Ко славному князю Владимиру,
Повидать братцев названных,
Богатырей русских,
Илью Муромца с Добрыней Никитичем.
Приезжают Алешенька с Екимом в Киев-град,
А в Киеве беда случилась:
Покорился Киев Тугарину Змеевичу,
Поклонился Тугарину проклятому.
Опоганил Тугарин церкви православные,
Осмердил девиц, молодых вдовиц,
Истоптал он конем всех малых детей.
Не было в ту пору богатырей в Киеве,
Ни Ильи Муромца, ни Добрыни Никитича.
Идут молодцы в гридню ко князю Владимиру,
Крест кладут да по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,

Молитву творят Иисову.
Они бьют челом на все четыре стороны,
А князю с княгиней на особинку:
«Ты здравствуй, Владимир стольнокиевский!
Ты здравствуй, княгиня мать Апраксия!»
Говорил Владимир-князь стольнокиевский:
«Вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
Гой еси ты, Алеша Попович млад!
Не знаю, куда и посадить тебя, добра молодца,
У меня ведь теперь не по-старому,
Не по-старому теперь, не по-прежнему».
Говорит тут Алешенька Попович млад:
«Да сядем мы с Екимом на печку на муравленку».
Влезли Алешенька с Екимом на печь муравленую,
Заиграл Алеша в гусельки яровчаты,
На печке на муравленке сидючи.
И заводился у князя Владимира велик пир,
Собирались князья и бояре,
Садились за столы белодубовы.
Мало время позамешкавши
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей.
В вышину он, Тугарин, трех сажен,
Шириной Тугарин двух сажен.
Голова у Тугарина как пивной котел,
Глазища у Тугарина ровно чашища,
Промеж глаз у Тугарина калена стрела.
Сажали Тугарина в большое место,
В большое место, в оголовь стола.
По правую руку у Тугарина Владимир-князь,
По левую руку княгиня Апраксия.
Начал он, Тугарин, пить-есть.
По целой ковриге в пасть мечет,

Чашу зелена вина в полведра хлещет.
Говорил Алеша Попович на печи сидючи:
«Ай же ты гой еси, государь Владимир-князь!
Что это у тебя за чудище такое сидит?
По целой ковриге в хайлище мечет,
Чашу зелена вина с полведра хлещет?
У моего батюшки в Ростове городе
Была собачища старая обжористая,
Охоча была собачища по пирам ходить,
По подстолю таскаться,
Да и костью та собака подавилася.
Тугарину поганому то же будет».
А Тугарин не слушает, белу лебедь рушает.
Берет Тугарин лебедь белую,
Разинув пасть, всю целиком проглотил.
Говорит тут с печи Алеша Попович млад:
«Гой еси ты, государь Владимир-князь!
Что у тебя за болван сидит?
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарные,
Тебе князю насмехается.
Али ты с княгиней не в любви живешь?
У моего батюшки попа Ростовского
Была коровища старая обжористая,
Охоча была коровища по поварням таскаться,
Выпила чан браги и лопнула.
Тугарину поганому то же будет».
Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.
Говорит Тугарин князю Владимиру:
«Да что у тебя на запечье за смерд сидит?»
Вынимал Тугарин Змеевич булатный нож,
Кинул нож в Алешу Поповича.
У Алеши Екимушка подхватчив был,

Подхватил он ножище за черешок.
У ножа были припои серебряны,
По весу-то припои были двенадцать пуд.
Говорит Алеша Тугарину Змеевичу:
«Давай, Тугарин, биться о велик заклад –
Не о ста рублях, не о тысяче,
А биться о своей буйной голове!»
Все князья и бояре за Тугарина поруки держат,
А за Алешу – владыка Черниговский.
В ту пору Тугарин взвился и вон ушел.
Скочила княгиня Апраксия на резвы ноги,
Стала пенять Алеше Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым, младым Тугарином».
А Екимушка парубок спрашивает:
«Гой еси, Алешенька названный брат!
Сам ли пойдешь али меня пошлешь?»
Говорит Алеша Попович млад:
«Да сам я пойду, не тебя пошлю».
Скоро Алеша снаряжается,
Сел Алеша на добра коня,
Взял сабельку вострую
И поехал сразиться с Тугарином Змеевичем.
Он смотрел Тугарина во чистом поле –
Летает собака по поднебесью,
Да крылья у коня огненные.
В ту пору Алеша Попович млад
Помолится Спасу Вседержителю,
Чудной Мати Божьей Богородице:
«Уж ты гой еси, Спас да Вседержитель наш!
Чудная Мати Богородица!
Пошли Господь с неба крупна дождя,
Подмочи, Господь, крылья огненные,
Опусти, Господь, Тугарина на сыру землю».

Алешина мольба Богу доходна была,
Послал Господь с неба крупна дождя,
Подмочил у коня Тугаринова крылья огненные,
Опустился Тугарин на сыру землю.
Да едет Тугарин по чисту полю,
Заревел Тугарин зычным голосом:
«Я Алешу Поповича огнем спалю,
Я Алешу Поповича живьем сожру!»
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Ай же ты гой еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад –
Биться-драться один на один,
А за тобою ныне силы сметы нет
На меня на Алешу Поповича».
Оглянется Тугарин назад себя,
Тут Алешенька не помешкивал,
Срубил Тугарину буйну голову.
Поддел голову на востро копьё,
Повез князю Владимиру в подарочек:
«Гой еси ты, Владимир стольнокиевский!
Нет у тебя пивна котла –
Вот тебе буйна голова Тугаринова!»
Говорит тут княгиня Апраксия:
«Видно сокола по полеточке,
То летит Тугарин Змеевич млад,
Несет он голову Алешкину на востром копьё».
Подъезжает тут Алеша Попович к терему княженецкому,
Бросил голову Тугаринову об сыру землю.
Говорит княгиня Апраксия:
«Еще то, братцы, бывает –
И свинья гуся съедает».
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Кабы ты не княгиней была Апраксией,
Я назвал бы тебя сукой волочажною,
Волочилась ты под Тугарином Змеевичем».

**СТАРИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
БОЙ ДОБРЫНИ И АЛЕШИ С ТАТАРИНОМ.**

Поехал Алеша Попович во чисто поле,
Во чисто поле поискать братьев названных,
Илью Муромца да Добрыню Никитича,
Нашел Алеша одного-то Добрынюшку.
Стали они заставу держать.
Что стоял-то шатер да во чистом поле,
Во шатре спало два богатыря:
Первый-то Добрынюшка Никитич млад,
Второй-то Алешенька Попович млад.
Скоро тут богатыри просыпалися,
Ключевой водой умывалися,
Белым полотенчиком утиралися.
Говорил Алешенька Попович млад:
«Мы поедем-ка, братец крестовый,
Съездим на эту гору высокую,
Не увидим ли чего, не услышим ли?»
Они скоро садились на добрых коней,
Заезжали на эту гору высокую,
Смотрели тут во трубочки подзорные.
Ничего-то не видать нигде,
Никакой не ездит нигде богатырь.
Приезжали обратно ко белу шатру,
Заходили они во бел шатер,
Начали они пить зелено вино,
Попив зелена вина, спать легли.
Тут заснул крепким сном Алешенька.
А Добрынюшка не спит, лежит,
Он не спит, лежит, да все ведь слушает.
Что со южной-то было со стороночки,

Что не шум шумит, не гам гамит,
Не погодушка в поле расшумелася, –
Тут кричит богатырь зычным голосом:
«Ты постой-ка, постой, мой добрый конь!
Пора тебе, коню, отдых дать,
Я ведь буду ставить шатер полотняный».
Скоро заходил татарин в белый шатер.
Думал тут Добрынюшка Никитич млад,
Будить ли ему Алешеньку Поповича:
«Как разбужу-то я Алешу, лучше не сделаю,
Алеша-то ведь роду заносливого,
Он ведь спросонья на татарина напустится,
Потеряет он свою буйну голову.
Я помешкаю, Добрынюшка, до утрия,
Я ведь ноченьку да всю продумаю,
Как убить-то мне того татарина».
Выходил по утру, да по утру раннему,
Выходил-то из шатра Добрынюшка Никитич млад,
Он смотрел тут в трубочку подзорную,
Видит – недалече шатер стоит.
Он сажился скоро на добра коня,
Подъезжает он к шатру татарскому,
Кричит он, зычит зычным голосом:
«Пробуждайся-ка, злодей, да поскорешенько!
Вот со мной с Добрыней повоюемся».
Тут держал ответ татарин злой:
«Не желаю я вставать раным-рано по утру,
Жаль мне тебя, Добрынюшка Никитич млад,
Понапрасну потеряешь буйну голову».
Закричал еще Добрыня зычным голосом:
«Ты вставай, вставай, татарин злой,
Тебе полно, злодей, отговаривать!»

Выходил скоро татарин из бела шатра,
Он садился, татарин, на добра коня,
Он садился, сам усмехается:
«Я ведь думал ты, Добрынюшка, шутки пошучиваешь,
Потеряешь ты свою буйну голову.
Только ведь сильну-могучу богатырю Илье Муромцу
Смерть на бою не писана,
А я-то, татарин, – смерть твоя в чистом полюшке».

Отвечает Добрыня Никитич млад:
«Ах ты, татарище поганое,
Еще смеешь надо мной насмехаться!»

Съехались тут богатыри сильные,
Они друг друга крепко ударили;
Сабли острые у них поломались,
Ни один друг друга не ранили.
Во второй раз они опять съехались,
Тогда падал Добрынин конь на резвы ноги.
Стал стегать его Добрынюшка Никитич млад:
«Что ты, конь мой, конь добрый, падаешь,
Ты чего устранился, чего пугаешься?
Будто по чисту полю никогда не езживал,
Уж татар-то будто никогда не видывал?»

Отвечает конь голосом человеческим:
«Не бей ты меня, коня, любимый мой хозяюшка!
Уж как пал я на матушку сыру землю,
Не побороть тебе злого татарина,
Победит тебя злой татарище,
Татарин этот – смерть твоя в чистом поле.
Только ведь Илье Муромцу смерть в бою не писана».

Отвечал коню Добрынюшка Никитич млад:
«Ты издохни-ка сам, конь, лошадь изменная!
Не помру я тут, Добрынюшка, во чистом поле».

Они съехались с татаринoм, ударились.
Тoгда хватал татарин Добрыню за желты кудри,
Бросал его о матушку сыру землю,
Садился ему на белы груди,
Он спорол-то ему груди белые,
Вынимал-то его сердце богатырское,
Сам уехал татарин спать во бел шатер.
Что по всходу-то было красна солнышка,
Пробуждается Алешенька Попович млад,
Смотрит – нету Добрынюшки Никитича:
«Он куда, куда, Добрыня, уехал-то?
Верно, гулять уехал во чисто поле».
Выходил скоро Алеша из бела шатра,
Брал с собою он трубочку подзорную,
Он смотрел, смотрел на все четыре стороны;
Нигде не видно Добрынюшки Никитича.
Тут заржал Добрынин добрый конь,
Один-то он, конь богатырский, в чистом поле.
Подъезжает Алеша к Добрынину добру коню.
Стоит конь, повесил конь буйну голову,
Тоскует добрый конь по хозяине.
Увидал Алеша – лежит убит Добрынюшка,
Прибегает он к Добрынюшке Никитичу,
Закатились у Добрыни очи ясные.
Плакал тут Алешенька Попович млад:
«Тебе Бог судья, Добрынюшка!
Ты зачем поехал, не разбудил меня?»
Он смотрел тогда в трубку подзорную,
Увидал он во поле бел шатер татарский.
Поехал Алеша ко тому шатру,
Закричал Алеша зычным голосом:
«Ты вставай, вставай, татарин злой!

Ты зачем убил Добрынюшку Никитича?
Давай-ка со мной, Алешей, побратаемся».
Выходил тут злой татарин из бела шатра,
Садился скоро татарин на добра коня,
Сам он, татарин, усмехается:
«Понапрасну ты вздумал, Алеша, бой держать,
Потеряешь ты свою буйну голову».
Отвечает тут Алешенька Попович млад:
«Какова еще мне смерть писана,
Да Бог не выдаст меня, добра молодца».
Скоро тут богатыри съехались,
Ударились они саблями острыми,
Ни один друг друга не ранили.
Съехались во второй раз,
Еще богатыри саблями ударились, —
Задрожала мать сыра земля,
Из озер, из рек вода повылилась,
Пособил Бог Алешеньке Поповичу,
Кидал он татарина на матушку сыру землю,
Сам садился ему на черны груди,
Хочет пороть его груди черные,
Вынимать его сердце татарское.
Прилетел тут из чиста поля черный ворон.
Говорит ворон Алешеньке Поповичу:
«Не пори ты у татарина черных грудей,
Отпусти, отпусти ты его домой жива.
Сослужу я тебе за то службу верную,
Полечу я далече за сине море,
Принесу тебе воды мертвой,
А еще принесу тебе воды живой,
Принесу я тебе да через три-то дня».
Отпускал Алеша злого татарина,

Положил татарину заповедь великую:
Чтобы не ездить боле на святую Русь,
Не биться боле с богатырями русскими.
Прилетает ворон через трое суток.
Принес он мертвой воды и живой воды:
«Ты возьми, возьми, Алешенька Попович млад,
Ты возьми-ка наперед воду мертвую,
Ты взбрызни-ка Добрынюшку Никитича;
Во вторых возьми взбрызни живой водой».
Взбрызнул Алеша водой мертвою,
Тут срослось у Добрыни тело белое.
Как взбрызнул Алеша живой водой,
Простонал тут Добрынюшка Никитич млад,
Открывал он скоро очи ясные,
Говорил он таковы слова:
«Долго же я спал, Добрынюшка».
Отвечал тут Алешенька Попович млад:
«Уж и спать бы тебе, братец крестовый,
Спать бы тебе здесь веки вечные,
Кабы не я, Алешенька».
Тут скакал Добрыня на резвы ноги,
Обнимал своего братца крестового,
Прижимал его к своему ретиву сердцу,
Называл его братом крестовым.
«Мы поедем-ка теперь в красен Киев-град,
Расскажу про тебя князю Владимиру,
Твоего добра век не забуду я, Добрынюшка».

СТАРИНА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ

Задумал Добрынюшка погулять в чистом поле,
Погулять, потешиться.
Седлает он добра коня,
Надевает доспехи богатырские
И поехал гулять в чисто полюшко.
Гулял он в чистом поле трое суток.
Увидел он ископыт великую,
Поехал по тому следу богатырскому,
Видит, едет богатырь по чисту полю.
Нагнал Добрынюшка богатыря незнаемого:
«Ай же ты гой еси, добрый молодец!
Сказывай, какой ты земли, какой орды,
Чьего же ты отца да чьей матери?»
Богатырь едет, не оглянется.
Разгорелось у Добрыни сердце богатырское,
Брал он палицу булатную сорока пудов,
Ударил богатыря в голову.
Не дрогнул богатырь, не сворохнулся.
Наехал Добрынюшка во второй раз,
Ударил богатыря в буйну голову,
Не обернется богатырь, не оглянется,
Добрыня на коне приужахнется.
Говорит себе Добрынюшка Никитич млад:
«Видно, сила у Добрыни не по-старому,
Рука в плечах застоялася».
Отъехал Добрыня во сторонушку,
Ударил палицей во сырой дуб,
Разлетелся сыр дуб на щепочки.
«Видно, сила у Добрыни по-старому,
Только смелость у Добрыни не по-старому».
Наехал Добрынюшка в третий раз,
Ударил палицей богатыря в голову.

Обернулся тут богатырь незнаемый,
Богатырь – поляница преудалая:
«Думала я, комарики меня покусывают,
А это русские могучие богатыри насакивают».
Взяла Добрыню за желты кудри,
Посадила себе во глубок карман,
Поехала по раздольицу чисту полю.
Стал ее добрый конь спотыкаться,
Провещал конь голосом человеческим:
«Раньше возил я одного богатыря,
Поляницу славную, преудалую,
А теперь мне двух богатырей везти».
Доставала тут поляница преудалая
Добрынюшку из глубока кармана:
«Еще как тебя звать, добрый молодец,
Чьего ты отца, чьей матери?»
И отвечал полянице Добрынюшка:
«Я Добрыня Никитич, русский богатырь».
Говорит ему поляница преудалая:
«А я-то ведь Настасья Микулична,
А батюшка-то мой Микула Селянинович,
Я-то у него дочь средняя.
Срубила бы я тебе, Добрынюшка, буйну голову,
Да не с кем поляковать, в чистом поле гулять.
Возьмешь меня замуж, не срублю тебе голову».
Тут они с Добрыней поладили.
Говорит Добрыня Настасье Микуличне:
«Поедем-ка, Настасья дочь Микулична,
К моей матушке Амелфе Тимофеевне».
Приехали они к Добрыниной матушке
Амелфе Тимофеевне.
Говорил Добрынюшка матушке своей родимой:
«Ай же ты, матушка родимая
Амелфа Тимофеевна!

Гулял я в чистом полюшке трое суток,
Нашел я в чистом поле себе суженую,
Ту ли Настасью дочь Микуличну.
Мы пойдем теперь с Настасьешкой во Божью церковь,
Повенчаемся во златы венцы».
Тут давала им благословение родимая матушка
Амелфа Тимофеевна.
Поехали они к Микуле Селяниновичу,
Давал им благословение Микула Селянинович.
Шли Добрыня с Настасьей в Божью церковь,
Повенчались во златы венцы.
Созывали они на свадебный почестен пир
Князя Владимира Красна Солнышка
С княгиней Апраксией,
Братцев названных Илью Муромца и Алешу Поповича,
И всех богатырей русских.

СТАРИНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ **ДОБРЫНЯ ЖАЛУЕТСЯ МАТУШКЕ**

Добрынюшка матушке говаривал,
Никитич матушке наказывал:
«Ты, свет, государыня родна матушка,
Честна вдова Амелфа Тимофеевна!
Ты зачем меня, Добрынюшку, спорóдила
На долю мою богатырскую?
Породила бы ты, родна матушка,
Белым горячим меня камешком,
Завернула бы в тонкий льняной во рукавичек,
Спустила бы меня во сине море,
Я бы век там, Добрыня, в море лежал,
Я не ездил бы, Добрыня, по чисту полю,

Не губил бы я, Добрыня, неповинных душ,
Не проливал бы кровь человеческую,
Не слезил бы я, Добрыня, отцов-матерей,
Не вдовил бы Добрыня молодых жен,
Не сиротил бы Добрыня малых детушек».
Добрынюшка матушке говаривал,
Никитич матушке наказывал:
«Ты, свет, государыня родна матушка!
Зачем ты породила меня несчастливую,
Да несчастливую, да неталанливую?
Лучше бы породила меня Добрынюшку
На горе деревом кипарисным,
Съезжались бы к тому деревцу
Русские могучие богатыри».
Отвечала ему государыня матушка
Честна вдова Амелфа Тимофеевна:
«Ай же ты, свет, мое чадо милое,
Молодой Добрынюшка Никитич млад!
Знала бы я над тобой невзгодушку,
Спородила бы тебя, чадо милое,
Талантом-участью в Илью Муромца,
Силой в Святогора-богатыря,
Хитростью-мудростью в Волха Всеславьевича,
Могутой-крепостью в Микулу Селяниновича,
Красотой бы в Осипа Прекрасного,
Да такова молодца тебя Господь Бог зародил,
Зародил тебя Добрыней, богатырем русским».

**СТАРИНА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ДОБРЫНЯ ПОЕТ ПЕСНЮ
О ДОБРОМ МОЛОДЦЕ И РЕКЕ СМОРОДИНЕ.**

Запечалился Добрыня, закручинился,
Затомилось у Добрыни сердце вешее,
Брал он гусельки яровчатые,
Заиграл в гусельки, песнь запел,
Песнь запел о добром молодце и реке Смородине:

Отломила веточка
От кудрявого деревца,
Откатилось яблочко
От садовой от яблоньки:
Отъезжал добрый молодец
От родимой от матери
В чужедальную сторону
За реку за Смородину.
Подъезжал добрый молодец
Ко реке ко Смородине,
Понизенько ей кланялся,
Молвил ласковым голосом:
«Ох ты гой еси, реченька,
Быстра речка Смородина,
Широка ты широкая,
Глубока ты глубокая!
Ты скажи-ка мне, реченька,
Есть ли где на тебе, реке
Переброды кониные,
Аль мосточки калиновы?»
И провещится реченька,
Отвечает Смородина
Человеческим голосом,
Душой красною девицей:
«Гой еси, добрый молодец!

Есть на мне, на реке
Переброды кониные
И мосточки калиновы».
И возговорит молодец:
«Гой еси, мать быстра река!
А и что же ты, реченька,
С перевозу возьмешь с меня?»
Провещала Смородина,
Отвечала быстра река:
«Я скажу тебе, молодец,
Что беру с перевозу с вас:
По седельцу черкасскому,
По конечку по доброму,
По удалому молодцу.
Но тебя, добрый молодец,
За слова твои ласковы,
За поклоны за низкие
Я и так, без всего пущу».
Переправился молодец
За реку за Смородину,
Стал пред ней похваляться,
Над рекой насмехаться:
«Ох ты гой еси, реченька,
Быстра речка Смородина!
А и как тебя славили,
Говорили: быстра, грозна,
Широка ты широкая,
Глубока ты глубокая:
Не пройти реку пешему,
Не проехати конному.
А теперь река славная,
А река-то Смородина,
Что болото стоячее,

Будто лужа дождёвая».
Помутилась тут мать река,
Потемнела Смородина,
И кричит вдогон молодцу
Душой красною девицей:
«Воротись, добрый молодец
За меня, за быстру реку!
Ты за мной, за рекой
Позабыл друга верного,
Друга верного да товарища:
Позабыл свой булатный нож –
На чужой стороне тебе
Оборона великая».
Воротился тут молодец
За своим булатным ножом.
А назад ему за реку
Не пройти, не проехать,
Нету броду кониного,
Ни мосточка калинова.
Заезжал добрый молодец
Во глубокие омуты.
Как раз первый ступил –
Конь увязнул по череву,
Как другой раз ступил –
По седельце черкасское,
А как третий ступил –
Уже гривы не видети.
Утонул добрый молодец
Во реке во Смородине.
Выплывал его добрый конь
Ко крутому ко берегу,
Прибегал его добрый конь
Ко родной его матери.

Увидала родимая –
Залилась горячьми слезьми,
Шла к реке ко Смородине,
Говорила ей плакучись:
«Ох ты гой еси, реченька,
Быстра речка Смородина!
Потопила ты сына мне,
Мила сына единого».
И провещится реченька,
Отвечала Смородина
Человеческим голосом,
Душой красною девицей:
«»Ай же, баба ты старая,
Стара баба матерая!
Потопила не я его –
Похвальба молодецкая».

СТАРИНА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ АЛЕША СВАТАЕТ ЖЕНУ ДОБРЫНИ

А на ту пору, на то время
У ласкова князя у Владимира
Заводилось пирование-почестный пир
На многие князья и бояре,
И на русские могучие богатыри.
И звал на пир Добрынюшку Владимир-князь.
Наедались на пиру, напивались,
Навеселе во хмелю порасхвастались.
Кто хвастает золотой казной,
Кто хвастает своим добрым конем,
Кто удалью своей молодецкою,
Кто сбруей богатырскою.

Один только Добрыня Никитич ничем не хвастает.
Говорил ему Красно Солнышко Владимир-князь:
«Все у меня на пиру расхвастались,
А что же ты, Добрынюшка, ничем не хвастаешь?»
Отвечал Добрыня князю Владимиру:
«Ай же, ласковый Владимир Красно Солнышко!
Нечем мне, Добрынюшке, похвастаться,
Нет у меня богатства, золотой казны,
Только есть у меня молода жена
Любимая Настасья свет Микулична».
Услышали русские богатыри, разгневались,
Что хвастает Добрыня молодой женой.
Говорят они князю Владимиру –
Пусть пошлет Добрыню на заставу дальнюю,
На дальнюю заставу, на время долгое.
Говорит тут Владимир Красно Солнышко:
«А пошлю я тебя, Добрыню, на заставу дальнюю,
На заставу дальнюю, на время долгое,
Сослужи мне службу богатырскую.
Не честь молодецкая с женой дома сидеть».
Приходит Добрыня к матушке своей родимой
Честной вдове Амелфе Тимофеевне.
Спрашивает его матушка Амелфа Тимофеевна:
«Что ты, Добрынюшка, с пира невесел идешь,
Не весел идешь, нерадостен,
Али место было тебе не по чину,
Али обнесли тебя чарой зелена вина?»
Отвечал Добрыня матушке родимой:
«Было мне на пиру место по чину
И не обнесли меня чарой зелена вина.
Посылает меня нынче Владимир-князь
На заставу дальнюю, на время долгое,
Нести службу сторожевую, богатырскую».
Скоро-наскоро Добрыня коня седлал,

Клал он потничек, на потничек войлочек,
На войлочек клал седельшко черкасское,
Подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Подпруги были шелковые,
А спеньки у подпруг всё булатные,
Пряжи у седла красна золота;
А шелк тот не рвется, булат не сотрется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит, не стареет.
Провожала Добрыню родна матушка,
Провожала она, заплакала:
«Укатается из глаз красно солнышко,
Уезжает из виду добрый молодец».
А еще провожала Добрынюшку
Любимая его семеюшка,
Молода жена Настасья Микулична,
Провожала у стремени правого:
«Ты скажи, Добрынюшка, скажи, душенька,
Ты когда, Добрынюшка, домой будешь,
Когда ожидать Добрыню из чиста поля?» –
«Ожидай меня, Добрынюшку, три годá,
В три года не буду, жди других три.
Исполнится шесть, жди еще шесть,
А как исполнится двенадцать лет,
И не буду я, Добрыня, из чиста поля,
Поминай меня, Добрынюшку, убитого.
А тебе, Настасья, воля вольная,
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
Не ходи только за Алешу Поповича,
Мне Алеша-то Попович крестовый брат».
Стали ждать Добрыню из чиста поля,
Минуло три года, нет Добрыни.

Стали ждать другие три года.
День за днем, будто дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет,
Год за годом, как река бежит.
Прошло тому времени других три года,
Не видать Добрыни из чиста поля.
Приезжал тут Алеша Попович млад,
Привозил им весточку нерадостную:
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит в чистом поле,
Буйна голова проломана,
Лежит головушкой под ракитов куст,
Сквозь желтые кудерышки трава растет.
Стал тут солнышко Владимир-князь похаживать,
Настасью Микуличну посватывать:
«Что тебе, Настасья, жить молодой вдовой,
Что тебе свой век молодой коротать,
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
Хоть за молодого Алешу за Поповича».
Говорит Настасья дочь Микулична:
«Ай же ты, солнышко, Владимир стольнокиевский!
Я исполнила заповедь мужнюю –
Я ждала Добрыню целых шесть лет,
Я исполню ныне заповедь свою женскую,
Я прожду Добрынюшку других шесть лет».
День за днем, будто дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет,
Год за годом, как река бежит.
И прошло тому времени двенадцать лет.
Нет Добрыни из чиста поля.
Стал тут солнышко Владимир-князь похаживать,
Стал посватывать да подговаривать:
«Ай же ты, молода Настасья дочь Микулична!

Что тебе жить молодой вдовой,
Что тебе век свой молодой коротать,
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
А хоть за молодого Алешу за Поповича.
А не пойдешь замуж, как я велю,
Так не столько в городе Киеве,
Не будет тебе места и за Киевом».
Не пошла Настасья замуж ни за князя, ни за боярина,
Ни за иного русского богатыря,
А пошла замуж за молодого Алешу за Поповича.
Повенчались они в Божьей церкви во златы венцы.
У Владимира-князя пир свадебный уж третий день.
На ту пору едет Добрыня в чистом поле
На заставе дальней богатырской,
Тут начал добрый конь его спотыкаться.
Говорит Добрынюшка коню своему:
«Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Что ты нынче, конь, спотыкаешься?»
Провещал конь голосом человеческим:
«Ах ты, хозяин мой любимый!
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Твоя Настасья Микулична замуж пошла
За того ли за Алешу за Поповича».
Тут Добрыня бьет бурушку по крутым бокам,
Стал бурушка поскакивать,
С горы на гору да с холма на холм,
Он реки и озера перескакивал,
Раздолья широкие между ног пускал.
Будет Добрыня во граде Киеве
У матушки своей родимой Амелфы Тимофеевны.
Не признала Добрыню родна матушка:
«У моего дитятки было личико – белый снег,
А твое зарудилося, очи помутились,

Отросли у тебя волосы длинные.
Говорил Добрыня матушке родимой:
«Ай же ты, матушка моя родимая,
Отросли у меня волосы за двенадцать лет,
Лицо зарудилось, очи помутились
От ветров степных, холодных».
Говорит Добрынина матушка:
«У моего родимого дитятки
Была меточка родимая
На его на правой на ноженьке».
Показал Добрыня матушке ту меточку,
Признала его родимая матушка,
Говорила она тут Добрынюшке:
«Распекло у нас солнце красное,
Закатается у нас светел месяц,
Твоя-то хозяйка замуж пошла».
Брал Добрынюшка платьё скоморошеское,
Брал гусельки звончатые,
Накрутился молодец скоморошиной,
Пошел он ко князю Владимиру на почестен пир.
Приходил в палаты белокаменные,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все на четыре стороны,
Солнышку Владимиру в особину:
Здравствуй, солнышко Владимир стольнокиевский!
Скажи, где есть наше место скоморошское?»
Говорил ему Владимир стольнокиевский:
«Ай ты гой еси, удалый скоморошина,
Ваше место скоморошское
На той на печке на муравленой».
Вскочил Добрынюшка на ту печку муравленную,
Натягивал струночки золоченые,
Начал он по струночкам похаживать,

Начал голосом поваживать:
«Ох вы, гусли мои, гуслицы,
Гусли мои звончатые!
Вы лежали со ряду шесть лет,
А еще лежали шесть лет,
На тринадцатом году играть стали!»
Уж он песни ведет от Царя-града,
А припевочки ведет от Нова-града.
Тут все на пиру игры заслушались,
Все на пиру призамолкнули,
Сами говорят таково слово:
«Этакой игры на свете не слыхано,
На белом не видано».
Говорит тут Владимир стольнокиевский:
«Ай ты гой еси, удалый скоморошина!
Не твое место сидеть на печке муравленой,
За твою игру за великую
Садись-ка с нами за белодубов стол.
Хочешь, садись ты подле меня,
Хочешь, садись супротив меня.
Без мерушки пей зелена вина,
Без расчета получай золоту казну».
Спустился Добрыня с печи муравленой,
Не сел он подле князя Владимира,
Не сел он супротив князя,
А сажился на скамеечку белодубову
Супротив молодой Настасьи Микуличны.
Говорит Добрыня удалый скоморошина:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Благослови налить чару зелена вина».
Дал ему благословение Владимир-князь.
Наливал Добрыня чару зелена вина,
Опустил в чару свой злачён перстень,
Подносит чару Настасьёшке Микуличне:

«Ай же ты, молода Настасья Микулична!
Прими-ка сию чару единой рукой,
Да выпей-ка всю чару единым духом.
Выпьешь до дна – увидишь добра,
А не выпьешь до дна – не видать добра».
Принимала Настасья чару единой рукой,
Выпивала чару единым духом,
Видит в чаре свой злачен перстень,
С Добрынюшкой перстнем тем обручалася.
Сама говорит таково слово:
«Ай же вы, князя и бояре,
Ведь не тот мой муж, что подле меня,
А тот мой муж, что супротив меня».
Тут выскочит Настасья из-за стола белодубова,
Упала Добрыне во резвы ноги:
«Ты прости, прости, Добрынюшка, мою вину.
У нас волос долог, да ум короткий.
Нас куда ведут, мы туда идем,
Нас куда везут, мы туда едем».
Говорил Добрыня таковы слова:
Не диво разуму женскому,
У них волос долог, да ум короткий,
А диво крестному братцу Алеше Поповичу,
У жива мужа жену отнять,
А еще диво князю Владимиру,
Что Владимир у жива мужа жену сватает».
Говорит тут Алеша Попович Добрынюшке:
«Ты прости, прости, братец мой названья,
Прости меня в той вине, в глупости,
Что посидел подле молодой Настасьи Микуличны».
Говорил Добрыня Алешеньке Поповичу:
«А в той вине, братец, тебя Бог простит,
Что посидел ты подле моей Настасьи Микуличны.

А в другой вине, братец, тебя не прощу,
Привозил ты весточку нерадостную,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Убит лежит во чистом поле,
А тогда-то государыня моя матушка
Жалешенько она по мне плакала,
Слезила она свои очи ясные,
Скорбила свое лицо белое, –
Так вот этой вины, братец, не прощу тебе».
Хватал он Алешу за желты кудри,
Стал по терему Алешеньку потаскивать,
Стал гусельками Алешу поколачивать.
«Ай же ты гой еси, мой названный брат,
Алеша Попович млад!
Здравствуй женивши, да не с кем спать!»
Хотел сказнить ему буйну голову.
Удержал у него саблю острую
Старый казак Илья Муромец:
«Оставь ты, Добрыня, Алешу в живности,
Пригодится еще Алеша на поле,
Хоть он силой-то не силен, да напуском смел.
Разойдитесь вы, братья, помирись-ка».
Отпустил Добрыня Алешу из своих белых рук.
Повесил Алеша буйную головушку:
«Всякий на свете женится,
Да не всякому женитьба удавается».
Взял тут Добрыня Настасью Микуличну
И пошел к государыне родной матушке
К Амелфе Тимофеевне.

СТАРИНА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
АЛЕША ПОПОВИЧ И
СЕСТРА БРАТЬЕВ ПЕТРОВИЧЕЙ

Прошло тому сколько-то поры-времени,
И был Алеша на пиру у князя Владимира,
И были на том пиру два брата родимые,
Лука и Матвей, дети Петровичи.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир навеселе,
Наедалися на пиру, напивалися,
Пьяны-веселы порасхвасталися.
Кто хвастает своим добрым конем,
Кто хвастает силою богатырскою,
Умный хвастает старой матерью,
Глупый хвастает молодой женой.
Владимир-князь у столов похаживает,
Золотыми перстнями побрякивает,
Желтыми кудрями потряхивает,
Сам такую речь выговаривает:
«Уж вы гой еси, два брата родимые,
Лука и Матвей, дети Петровичи!
Уж вы что сидите невеселы,
Повеся вы держите буйны головы,
Потупя вы держите очи ясные.
Или нет вам на пиру почести,
Обнесли вас, молодцов, чарою,
Али золота казна у вас потрапилася,
Али добры кони приуезжены?»
Говорят два брата, два родимые:
«Ой ты гой еси, солнышко Владимир-князь!
Достало нам на пиру почести,

Не обнесли нас, молодцов, чарою,
Золота казна у нас не потратилася,
Кони добрые не заезжены.
Есть у нас думушка в ретивом сердце,
Есть у нас сестрица родимая Алена Петровична,
Никто про нее не знает, не ведает,
Сидит она во тереме во высоком
За семью дверьми за железными,
За семью замками за крепкими».
Услышал те речи Алешенька Попович млад,
Вставал из-за стола белодубова:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир-князь!
Не вели казнить, вели слово молвити».
Позволил князь Алешеньке слово молвити.
Говорит тут Алеша братьям Петровичам:
«Уж вы гой еси, два брата, два родимые,
Вы Лука и Матвей, дети Петровичи!
Уж я знаю про вашу сестрицу родимую,
Про Алену Петровичну,
Брал я ее, Алену, за белы руки,
Целовал ее в уста сахарные».
Говорили ему два брата Петровичи:
«Не пустым ли ты, Алеша, похваляешься?»
Отвечал Алешенька братьям Петровичам:
«Уж вы гой еси, два брата, два родимые!
Вы бегите ныне вон на улицу,
Бегите скоро ко своему двору широкому,
Ко своему терему высокому,
Закатайте ком снегу белого,
Бросьте в окошечко косящетое,
Припадите ухом ко окошечку,
Что тут ваша сестрица говорить станет».

Побежали два брата Петровичи на улицу,
Прибежали они на свой широкий двор,
Закатали ком снегу белого,
Бросили Алене во окошечко,
Как припали они ухом ко окошечку,
Говорит тут Алена дочь Петровична:
«Уж ты гой еси, Алешенька Попович млад!
Что ты рано идешь с веселá пирá,
Разве не было тебе на пиру почести,
Разве обнесли тебя, молодца, чарою?»
Тут братьям Петровичам за обиду сталó,
За великую досаду показалось.
«Ссечем сестре голову: обесчестила бороду».
Закричали они зычным голосом:
«Уж вы гой еси, палачи немилостивые!
Вы несите-ка плаху дубовую,
Несите-ка саблю вострую,
Выводите Алену за белы руки,
Рубите Алене буйну голову».
На ту пору говорил Алеша князю Владимиру:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь мне сходить, посвататься,
Да позволь взять во сваты братцев моих названных
Илью Муромца и Добрыню Никитича».
Позволил ему солнышко Владимир-князь.
Садились три богатыря на добрых коней,
Поехали свататься к братьям Петровичам.
Приезжают к ним на широкий двор,
А Алену уж на казнь ведут,
Буйной головой на плаху кладут.
Тут наехал на добром коне удал мóлодец,
Наскочил Алеша Попович млад,

Вызволил Алену из беды лютойей.
Говорит тут старый казак Илья Муромец
Двум братьям Петровичам Луке и Матвею:
«Мы пришли ныне, Петровичи, к вам свататься,
А нельзя ли такое дельце сделать,
А нельзя ли отдать нам сестрицу вашу родимую
Аленушку Петровичну,
Отдать ее за удала молодца Алешеньку Поповича».
Тут повыдали Лука и Матвей, братья Петровичи,
Сестрицу свою родимую
За того за Алешеньку Поповича.
Сажал Алеша Алену к себе на добра коня:
«Поедем-ка, Алена, ко Божьей церкви,
Мы златым венцом повенчаемся,
Златыми перстнями поменяемся».

СТАРИНА ТРИДЦАТАЯ ИВАН ГОДИНОВИЧ

А и другим богатырям в Киеве
За обиду стало, за досаду показалось,
Что они холосты ходят, неженаты гуляют.
Один только Илья Муромец тому противится,
Положил он заповедь великую –
Не жениться, Русь защищать,
Биться-ратиться с силой неверною.
И был у князя Владимира славен богатырь
Молодой Иванушка Годинович.
Заводилось у князя Владимира
Еще пированье-почестный пир.

Красное солнышко на вечере,
Все молодцы пьяны-веселы,
Наедались на пиру, напивались,
Все-то на пиру порасхвастались,
Один только на пиру невесел сидит
Молодой Иванушка Годинович.
И проговорит ему солнышко Владимир-князь:
«Гой еси, Иван ты Годинович!
Уж что же ты, Иванушка, не ешь, не пьешь,
Что сидишь невесел, нерадостен?
Али место тебе не по разуму,
Али чара тебе не по ряду дошла?»
Отвечает князю Иван сын Годинович:
«Место мне, Ивану, по разуму
И чара мне по ряду дошла.
Все у тебя, князь, богатыри поженены,
Братья мои названные,
Добрыня Никитич и Алеша Попович млад.
Благослови, князь, и мне жениться».
Говорит Владимир Красно Солнышко:
«Тебя Бог благословит жениться, Иванушка.
Хочешь в Киеве женись, хочешь в Чернигове».
Говорит тут Иванушка Годинович:
«Не хочу я жениться во Киеве,
Хочу я жениться во Чернигове.
Есть в Чернигове у гостя богатого Дмитрия,
Дочь любимая Марья Дмитриевна, лебедь белая,
Сидит Марья в новой горнице,
Чтобы буйны ветры не завяляли,
Чтобы люди лишние не зázрили.
Хочу ее, лебедь белую, в жены взять».
Говорит ему Владимир Красно Солнышко:

«Бери, Иванушка, золотой казны,
Бери силу ратную,
Поезжай к славному городу Чернигову,
К Дмитрию гостю богатому,
А о добром деле – о сватанье.
А не ты, Иван, поедешь свататься,
Сватом я тебе, Владимир-князь.
Честью не даст – силой бери!»
Отвечал тут Иванушка князю Владимиру:
«Не надобно мне золотой казны,
Не надобно мне и силы ратной,
Уж я силой возьму своей богатырскою».
А Владимир-князь того не слушает,
Посылает с Иваном дружинушку,
Триста удалых добрых молодцев.
Скоро тут Иван Годинович собирается,
Седлает он добра коня,
Берет сбрую богатырскую.
С ним триста добрых молодцев.
И поехали к городу Чернигову.
А и только переехали быстрого Днепра –
Выпала пороха снегу белого.
По той по порохе, по белу снегу
И лежат три следа звериные:
Первый след гнедого тура,
А другой след лютого зверя,
А третий след дикого вепря.
Послал Иван за гнедым туром сто молодцов,
И велел поймать его бережно,
Без той раны кровавья;
И за лютым зверем послал других сто,
И велел изымать его бережно,

Без той раны кровавая;
И за диким вепрем послал третьих сто,
А велел изымать его бережно,
Без тоя раны кровавая,
И привести их во стольный Киев-град
К великому князю Владимиру.
А сам он, Иван, поехал один во Чернигов-град.
И будет Иван Годинович в Чернигове,
Идет он во гридню светлую
К Дмитрию, гостю богатому;
Спасову образу молится,
Дмитрию-гостю кланяется:
«Уж ты здравствуй, Дмитрий, богатый гость!»
Отвечает Дмитрий, гость черниговский:
«Здравствуй и ты, Иванушка Годинович!
Зачем, Иванушка, к нам пожаловал?» –
«Приехал я, Иванушка, свататься,
А сватом мне Владимир-князь.
Есть у тебя дочь любимая Марья Дмитриевна,
Лебедь белая,
Отдай за меня дочь свою любимую».
Отвечает ему Дмитрий, богатый гость:
«Поздно ты приехал, Иванушка,
Поздно ты спохватился в Чернигов-град.
Дочь моя Марья Дмитриевна уж сосватана,
Душа Дмитриевна запоручена
В дальнюю землю ордынскую
За царя Афромея Афромеевича,
Племянника Батыги Батыговича.
За царя отдать – ей царицею слыть,
За тебя, Иван, отдать – холопкой слыть».
А тут у Дмитрия гостя богатого

Сидят мурзы-улановья,
Привезли они платьице цвѣтное
Что на душку Марью Дмитриевну,
Платья того на сто тысячей
От царя Афромей Афромеевича.
А сам царь Афромей Афромеевич
Он от Чернигова в трех верстах стоит,
А силы с ним три тысячи.
Тут Иванушке за обиду стало,
За великую досаду показалось.
«Честью не отдашь – силой возьму».
Пошел он в гридницу светлую
К лебеди белой Марье Дмитриевне;
Сидит Марья, полотенчико вышивает,
На головке у Марьи белы лебеди,
На подножках у Марьи черны вороны.
Брал Иван за белы руки, за златѣ перстнѣ,
Потащил Марью на широкий двор,
Посадил ее на добра коня,
И сам метался в седелечко черкасское.
Тут взговорит ему Дмитрий-гость:
«Гой еси ты, Иванушка Годинович!
Суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь;
Можно тебе взять не гордостью, –
Веселым пирком-свадебкой!»
Только Иван слово выговорил:
«Гой еси ты, славный Дмитрий-гость!
Добром мы у тебя сваталися,
А сватался Владимир-князь;
Не мог ты честью мне отдать,
Ныне беру и не кланяюсь!»

Едет Иван по чисту полю день до вечера,
Настигла Ивана ночь темная,
Расставил он в поле шатер полóтняный,
Лег с Марьей под бел шатер.
Донеслась весть царю Афромею Афромеевичу,
Немного времени миновалось,
Наехал он к белу шатру,
Закричал-заревел зычным голосом:
«Гой еси, Иванушка Годинович!
А и ты суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь!»
А скоро вышел Иван из бела шатра:
«Гой еси, царь Афромей Афромеевич!
Станем мы с тобой биться-ратиться,
Кто верх возьмет – тому Марья достанется».
И схватились они биться-ратиться.
Ударили палицами булатными,
У них палицы поломались.
Разъехались богатыри во второй раз,
Ударились сабельками острыми,
У них сабельки пощербались.
Разъехались богатыри в третий раз,
Ударились копыцами острыми,
У них копыца по яблокам ломались.
Спешились с добрых коней,
Сошлись руками боротися.
Сшиб Иванушка царя Афромея на сыру землю,
Сел ему, царищу поганому, на черны груди.
А и нет ножа булатного,
Нечем пороть груди черные.
Кричит Иванушка зычным голосом:
«Уж ты душечка Марья Дмитриевна, лебедь белая,

Неси-ка мой булатный нож, забыл в шатре».
Несет ему Марья булатный нож.
Говорит ей царь Афромей Афромеевич:
«Уж ты душечка, Марья Дмитриевна, лебедь белая,
Спихни-ка Ивана со моих грудей.
За Иваном ты будешь холопкой слыть,
За мной будешь царицею,
Будут тебе люди кланяться».
Тут Марья призадумалась.
Спихнула Иванушку Годиновича.
Вскочил царь Афромей на резвы ноги,
Хочет у Иванушки пороть груди белые.
Говорит ему Марья, лебедь белая:
«Уж ты гой еси, царь Афромей Афромеевич,
Ты опутай его в путы крепкие,
Брось ты его под сырой дуб».
Опутал он Иванушку в путы крепкие,
Бросил его под сырой дуб,
Сам лег с Марьей в бел шатер.
По утру раным ранешенько
Вышла из шатра Марья лебедь белая,
Видит, сидят над Иваном Годиновичем,
Сидят на дубе голубь со голубкою.
Говорит тут Марья лебедь белая:
«Уж ты гой еси, Афромей Афромеевич!
Подстрели-ка мне голубя со голубкою!»
Выходил поганый царище Афроеище,
Натягивал он свой тугой лук,
Кладет стрелочку каленую,
Хочет стрелять не в голубка с голубкою,
Хочет стрелять он Иванушке в белу грудь.
Возговорил тут Иван Годинович:

«Уж ты матушка калена стрела,
«Лети, стрела, не в богатыря русского,
А лети ты, стрела, в татарина проклятого,
В царя поганого Афроеища,
Повернись ему во черну грудь!»
По его слову тут случилось,
Повернула стрелка каленая,
Падала в грудь царицу Афроеищу,
Пал он мертвый на сыру землю.
Тут Марья прираздумалась:
«От того бережку я откачнулась,
Ко другому бережку не прикачнулась».
Говорит ей Иванушка Годинович:
«Уж ты душечка, Марья Дмитриевна, лебедь белая,
Ты распутай на мне путы крепкие,
Не положу я на тебя никакой вины,
Только дам тебе три поученьица молодецких».
Распутала Марья на нем путы крепкие.
Садился Иван на добра коня,
Сажал Марью позади себя,
Поехал он ко городу Киеву.
Как доехал он до реченьки Смородинки,
Захотелось ему водицы напиться.
Говорит Марье Иван Годинович:
«Ты сойди-ка, Марья, со добра коня,
А сними-ка с ноги сафьян сапог,
Почерпни-ка мне водицы напиться».
Отвечала тут ему Марьюшка:
«Не водицы ведь ты хочешь напиться,
Хочешь ты пролить мою кровушку».
Взял Иван Годинович сабельку вострую,
Начал он, Иванушка, Марью учить:

Первое ученье – отсек ей белы руки,
Сам приговаривает:
«Эти руки мне не надобны, –
Обнимали они поганого Афромея-царя».
Второе ученье – ноги ей отсек:
«А и эти-то ноги мне не надобны, –
Оплетались с царем Афромеем поганыем».
Третье ученье – голову ей отсек с губами и языком:
«Эта голова мне не надобна,
И губы эти не надобны, –
Целовали они царя Афромея поганого,
И язык этот не надобен –
Говорил с царем поганыем,
Сдавался на его слова прельстительные».
Садился Иван на добра коня,
Поехал ко городу Киеву.
Встречают его в Киеве богатыри русские,
Добрынюшка Никитич и Алешенька Попович млад,
Во глаза ему насмехаются:
«Ай же ты, удалой добрый молодец
Иван сын Годинович!
Здорово женился да не с кем спать!»
Говорит им Иванушка Годинович:
«Уж вы гой еси, братцы мои крестовые!
А женилась у меня сабля вострая,
Обвенчалась она у реченьки у Смородинки.
Поедем-ка, братцы, на заставу богатырскую,
Ждет нас старший брат, Илья Муромец,
Ждет он нас, дожидается».

СТАРИНА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ
МИХАЙЛО ПОТЫК

И был у князя Владимира еще славен богатырь
Потык Михайло Иванович.
И было пирование-почестный пир,
И возговорит тут Владимир Красно Солнышко:
«Ай ты гой еси, Потык Михайло Иванович!
Сослужи ты мне службу верную,
Съезди ты ко морю синему,
На теплые тихи заводи,
Настреляй мне гусей, белых лебедей,
Перелетных серых уток
К моему столу княжнецкому,
До любви молодца пожалую».
Скоро садился Потык на добра коня,
Только в Киеве видели,
Как молодец за ворота выехал,
Не видели поездочки богатырской,
Только в чистом поле курево стоит.
Приехал Потык к морю синему,
Настрелял он гусей, белых лебедей
И перелетных серых уток.
Хочет ехать от моря синего,
И завидел он на тихой заводи,
И завидел он белую лебедушку:
Головушка у ней увита красным золотом,
Скатным жемчугом усажена.
Вынимает он, Потык, из налучника свой тугой лук,
Из колчана вынимает калену стрелу,
Клал стрелу на тетивочку шелковую,
Потянул он тугой лук за ухо,
Завыли рога у туга лука богатырского.

Провещала ему тут лебедь белая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
«Ай ты, Потык Михайло сын Иванович!
Не стреляй ты меня, лебедь белую,
В некое время пригожусь тебе!»
Выходила она на крутой бережок,
Обвернулась душой красной девицей.
Брал тут Потык красну девицу за белы руки
Да за златы перстни,
Целовал во уста сахарные.
Говорит ему красна девица Авдотья Лиховидьевна:
«Ай же ты, добрый молодец, Михайло Иванович!
Будем мы во славном городе Киеве
И сходим во матушку Божью церковь,
Поженемся мы с тобой, обвенчаемся,
Обвенчаемся с тобой в золоты венцы.
Только примем мы заповедь великую:
Кто из нас прежде умрет,
Другому за ним живому во гроб идти».
Посадил Потык красну девицу к себе на добра коня,
Поехали они к городу Киеву.
Приехали они на княженецкий двор,
Идут в гридню ко князю Владимиру.
Помолился Потык Спасову образу,
Поклонился Владимиру Красну Солнышку
И на все на четыре стороны:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!
Сослужил я тебе службу верную,
Настрелял гусей, белых лебедей,
Перелетных серых уток.
А себе сговорил красну девицу,
Авдотьюшку Лиховидьевну».
И пошли они во Божью церковь,

Принимали они тут златы венцы,
Закон супружеский.
И принимали они заповедь великую:
Кто из них первый умрет,
Другому за ним живому во гроб идти.
А князь Владимир им свадебный пир завел,
Сажал за столы белодубовые,
Созвал на пир князей и бояр,
И могучих богатырей святорусских,
Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича.
А и тут ели-пили яства сахарные и питья медвяные.
И прожил Потык с молодой женой три года.
В ту пору, в то времечко
Посылает Владимир-князь стольнокиевский
Михайлушку Потыка в службу новую –
Ехать к царю Батыге Батыговичу,
Свезти ему сорок телег злата-серебра,
Не то поднимется опять Батыга на Киев-град
С силой своей поганою татарскою.
Приезжает Михайло в землю проклятую
Ко тому царю ордынскому Батыге Батыговичу:
«Уж ты гой еси, царь Батыга Батыгович!
Послал меня Владимир-князь стольнокиевский
Свезти тебе сорок телег злата-серебра,
Чтобы не грозил больше Киеву.
Проведал я, охоч ты в шахматы играть.
Поиграем-ка с тобой в шахматы,
Я выиграю – мои сорок телег злата-серебра,
И не станешь ты больше грозить граду Киеву,
Ты выиграешь – заклад моя буйная головушка».
Наставили они доску шахматную,
Начали на досочке ходить-гулять.
Первую заступь Михайлушка выиграл,

Другую заступили – опять выиграл,
Третью заступили – Михайлушка выиграл,
Тут и шах и мат, и игре конец.
На ту пору, на то времечко
Садилась на окошечко голубь со голубкою,
Начал голубь по окошечку похаживать,
Языком человеческим выговаривать:
«Ты играешь, молодец, прохлаждаешься,
А над собой невзгодушки не ведаешь:
Твоя молода жена Авдотьюшка лебедь белая
Ведь преставилась».
Вскочил тут Михайло на резвы ноги,
Хватал он ту доску шахматную,
Бросал ту доску о кирпичный пол.
Сотряслися палаты царские,
Оконницы хрустальные посыпались.
Скоро бежал он на широкий двор,
Седлал добра коня, сам приговаривал:
«Ай же ты, конь мой, богатырский конь!
Нес ты меня сюда три месяца,
Неси-ка нынче меня домой во три часа».
Начал его добрый конь поскакивать,
Реки, озера перескакивать,
Темный лес промеж ног пустил.
Прискакал в Киев-град за три часа.
Привез Михайло на санях тело Авдотьино
Попам соборным на отпевание.
Сам закричал он, Михайло, во всю голову:
«Ай же вы, мои братица крестовые,
Крестовые вы братица названные,
Могучие русские богатыри,
Илья Муромец и Добрынюшка Никитич млад,
И Алешенька Попович млад!

Стройте вы колоду белодубовую,
Идти мне во матушку сыру землю
С тем телом мертвым,
С моей лебедью белой Авдотьюшкой Лиховидьевной».
Скорым-скоро, скорешенько
Строили братцы названные колоду белодубовую,
Копали могилу глубокую и великую,
Глубиною-шириною по двадцати сажён,
Погребали тело Авдотьино,
И тут Потык Михайлушка Иванович
С добрым конем и сбруею ратною
Опустился в ту могилу глубокую.
И закрыли его потолком дубовым,
Песками желтыми засыпали.
И стоял он, Потык Михайлушка Иванович,
В могиле той с добрым конем своим
С полудни до полуночи,
Жег свечи воску ярого.
И как пришла пора полуночная,
Собирались к нему все гады подземные,
И пришел в могилу большой Змей.
Обрадовался Змей Змеище:
«Буду я нынче сыт, наемся досыта.
Одно есть тело мертвое,
А другое есть живое добра молодца,
Богатыря русского».
Тут Потык Михайло не промешкался,
Вынимал он саблю вострую,
Отсек Змею Змеищу голову,
Помазал кровью змеиной тело мертвое.
Тело мертвое ожило.
Пробуждалась его молода жена
Авдотьюшка Лиховидьева:

«Ай же ты, Потык Михайлушко Иванович!
Долго же я нынче спала, долго почивала».
Закричал тут Михайлушка из могилы зычным голосом,
Зычным голосом богатырским.
В Киеве терема покачнулися,
У князя Владимира палата зашаталася.
Тогда сидели на пиру сильны-могучи богатыри:
«Видно, тяжело живому с мертвым лежать,
Пойдем, выкопаем Михаила Потыка сына Ивановича!»
Пошли к могиле братцы названные,
Илья Муромец с Добрыней и Алешей Поповичем,
Скоро отрывали могилу глубокую,
Выводили Михайлу с Авдотьей на белый свет.
Стали Михайло с Авдотьей опять жить,
Жить-быть по-старому, по-прежнему.
Тут пошла славушка великая
По всем царствам, по всем землям,
Что есть такая Авдотья лебедь белая,
Лебедушка белая, мудреная, бессмертная.
На ту славу великую, на Киев-град
Приезжает тут царь сарацинский Василий Окулович
Со своею силою несметною,
Посылает к Владимиру посла грозного:
«Ай же ты, Владимир стольнокиевский!
Отдай лебедь белую Авдотью Лиховидьевну,
А не то я мечом возьму,
Киев-град огнем пожгу».
На ту пору, на то времечко
Не случилось богатырей в Киеве,
Не случилось и Михайлушки Пóтыка,
Всех разослал по службам Владимир Красно Солнышко.
Некому защитить красен Киев-град,
Надо отдать Авдотью царю сарацинскому.

Тут лебедь белая Авдотьюшка Лиховидьевна
Сама за ворота вышла к царю неверному.
И увез ее царь Василий Окулович
В свое царство сарацинское.
Вернулись в Киев богатыри русские,
Узнал тут Михайло Потык сын Иванович,
Что нет в Киеве его лебеди белой
Авдотьюшки Лиховидьевны,
Увез ее в свое царство царь Василий Окулович.
Говорит Михайло братцам названным
Илье Муромцу с Добрыней и Алешей:
«Ай же вы, братья крестовые!
Не отдам я моей Авдотьи Лиховидьевны.
Поедьте мы, братья, за ней с погоней!»
Отвечали ему братцы крестовые:
«Ай же ты, Михайлушка Потык Иванович!
Не честь-хвала нам, богатырям русским
Ехать за чужой женой с погоней.
А поезжай ты один, добрый молодец,
Настигнешь их в чистом поле,
Отсеки царю поганому головушку».
Поехал Михайло в след погоней,
Настиг в чистом поле царя Василия Окуловича.
Увидала его Авдотья лебедь белая,
Наливала чару зелена вина,
Подсыпала в чару зелья сонного:
«Ай же ты, Михайло Потык сын Иванович!
Меня силой везет царь Василий Окулович,
Выпей-ка ты чару зелена вина
С той тоски-досады со великой».
Выпил Михайлушка, сонный пал
На матушку на сыру землю.
Говорит Авдотья лебедь белая

Тому царю сарацинскому Василию Окуловичу:
«Ай же ты, славный царь Василий Окулович!
Отсеки ты Михайле буйну голову,
Погуби богатыря русского».

Отвечал царь Василий Окулович:
«Не честь-хвала молодецкая бить сонного».

Повелела тут Авдотья слугам верным
Выкопать яму глубокою,
Бросить Михайлу во сыру землю,
Зарыть Михайлу в песочки желтые.

Прибегал в Киев Михайлов добрый конь,
Увидали коня братцы крестовые,
Илья Муромец с Добрыней Никитичем,
С Алешей Поповичем:

«Нет в живых братца нашего крестового».

Привел их конь к месту во чистом поле,
Отрыли они Михайлушку из ямы глубокой.

Вскочил Михайло на резвы ноги:
«Ай же вы, мои братцы крестовые!
А где же Авдотья, моя лебедь белая?»

Говорили ему братцы крестовые:
«А твоя-то Авдотья лебедь белая
Нынче замуж пошла за царя Василия Окуловича».

Говорит Михайло братьям названным:
«Не отдам я моей Авдотьи Лиховидьевны.

«Поедем мы, братица, за ней с погоней».

Отвечают Михайле братья крестовые:
«Не честь-хвала нам молодецкая
Ехать за твоей женой с погоней.

Поезжай ты один, Михайлушка,
Отсеки царю буйну голову,
Возьми себе Авдотью лебедь белую».

Тут пустился опять Михайло с погоней,

Настиг в чистом поле у креста Леванидова.
Увидала Авдотья лебедь белая
Молодого Михайлу Потыка Ивановича,
Говорила она таково слово:
«Ай же ты, царь Василий Окулович!
Не отсек ты Михайле буйной головы,
Отсечет Михайло тебе головушку».
Наливала опять чару зелена вина,
Подсыпала в чару зелья сонного,
Подносит Михайле, уговаривает:
«А как ясный день не может быть без красна солнышка,
Так я без тебя, молодой Михайло Потык сын Иванович.
Не могу я ни есть, ни пить,
Не могу больше жива быть.
Выпей-ка ныне с тоски-кручинушки,
Выпей-ка чару зелена вина».
Выпил Михайло чару зелена вина,
Пал на матушку сыру землю.
Тут брала Михайлушку Авдотья лебедь белая,
Бросала через плечо левое,
Бросая, приговаривала:
«А где был удалый добрый молодец,
Стань бел горючий камешек».
Столковались братица крестовые,
Илья Муромец с Добрыней Никитичем
Да с Алешей Поповичем,
Сжаловались по Михайлу Потыку.
Поехали искать его в чистом поле.
Нашли в поле бел горюч камешек,
Лежит у того креста Леванидова.
Шел тут мимо калика переходя:
«Ай же вы, богатыри русские!
То лежит бел горюч камешком

Братец ваш крестовый Михайлушка».
Стал Алеша Попович камешек поднимать,
Не может он камешек с места сдвинуть.
Стал Добрыня Никитич камешек поднимать,
Не мог он камешек с места сдвинуть.
Стал поднимать камешек Илья Муромец,
Чуть приподнял, сам в землю увяз.
Тут калика к камешку подхаживал,
Сам камешку выговаривал:
«Где был горячий белый камешек,
Стань тут удалой добрый молодец».
Поднял калика тот бел горяч камешек,
Кинул через плечо правое.
Кололся камешек надвое,
Выходит на Русь добрый молодец,
Молодой Михайла Потык сын Иванович.
А калику только и видели.
Говорит Михайлушка Иванович:
«Ай же вы, мои братцы крестовые!
А где же моя молода жена
Авдотьюшка лебедь белая?» –
«А твоя-то Авдотья лебедь белая
Замуж пошла за царя сарацинского».
Пришел Михайло в царство сарацинское,
Увидала его Авдотья лебедь белая,
Наливала чару зелена вина,
Подсыпала в чару зелья сонного:
«Ай же ты, молодой Михайло Потык сын Иванович!
Силой увез меня царь Василий Окулович.
А как ясный день не может быть без красна солнышка,
Так я без тебя, Михайлушка,
Не могу ни есть, ни пить, ни жива быть.
Выпей-ка с тоски-кручинушки».

Выпил Михайло чару вина сонного,
Пал на матушку сыру землю.
Стащила его Авдотья в глубокий погреб,
Распялила Михайлушку на стену,
Брала четыре гвоздя железных,
Брала молот кузнечный трех пудов,
Прибила руки-ноги Михайловы к той стеночке.
Столковались братья крестовые, богатыри русские,
Илья Муромец с Добрыней Никитичем
Да с Алешей Поповичем,
Схватились они по Михайле Потыке.
Поехали они в царство сарацинское,
Провели про Михайлу во погреб.
Прибили-порубили басурман много-множество,
Шли они во глубокий погреб,
Повыломали замки железные,
Снимали Михайлу со стены в погреб.
Говорил Михайло братьям своим крестовым:
«Ай же вы, братица мои крестовые!
Что-то затекли мои рученьки-ноженьки.
Пойду-ка я погляжу на мою молодую жену,
Авдотьюшку лебедь белую».
Взял Михайлушка саблю острую,
Пошел в палаты белокаменные.
Увидела его Авдотья лебедь белая.
Налила опять чару зелена вина,
Подсыпала в чару зелья сонного:
«Ай же ты, молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не может ясный день быть без солнышка,
Так я без тебя не могу ни есть, ни пить, ни жива быть.
Уста твои ныне печальные,
Печальные уста да кручинные:

А вышей-ка чару зелена вина
Со той тоски, со кручинушки».
Просит Авдотья лебедь белая,
Просит во слезах, во слезах великих.
Взял Михайлушка чару в руку правую,
Стал чару к устам подносить.
Тут подоспел старый казак Илья Муромец,
Толкнул Михайлушку под руку, –
Улетела та чара далехонько.
Сошла тут с Михайлушки сила чародейная,
Взмахнул Михайло своей саблей вострою,
Отсек Авдотьє лебеди белой буйну голову.

СТАРИНА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ

И был у князя Владимира
Любимый племянник Глеб Володьевич.
И было во городе во Корсуни,
А как падала погодушка со синя моря,
Со синя морюшка с Корсúньского,
Заносила три корабля червлєных
В славный Корсúнь город, в гавань Корсуньскую.
А во том городе во Корсуни
Ни царя, ни царевича,
Ни короля, ни королевича,
Тут жила-была Маринка дочь Кайдаловна,
Еретица, безбожница,
Брала она с тех кораблей пошлины,
В гавань вошли – пошлину,
Паруса спустили – пошлину,

Якоря бросали – пошлину,
К мосту приставали – мостовое брала,
В таможеню зашли – таможенное.
Набирала дани-пошлины
Ни много ни мало сорок тысячей.
Взяла она у тех корабельщиков три рукавочки,
Три рукавочки, три перчаточки,
Сшиты перчаточки, не вязаны,
Вышиты красным золотом,
Усажены скатным жемчугом и камнями самоцветными.
Первые перчаточки в пятьсот рублей,
Другие перчаточки в целу тысячу,
Третьим перчаточкам цены нет.
Везены эти перчаточки в подареньице
Князю Глебу Володьевичу в Киев-град,
Любимому племяннику Владимира стольнокиевского.
Забирала себе Маринка те три корабля червлённых,
Прогоняла корабельщиков с тех корабликов,
Ставила свою стражу крепкую.
Ходят корабельщики по городу по Корсуню,
Думают промеж собой думушку единую.
Пишут они ярлыки скорописчатые
Тому же князю Глебу Володьевичу:
«Уж ты гой еси, князь Глеб Володьевич!
Уж как падала погодушка со синя моря,
Заметало нас под тот же городок под Корсунь,
А во том же во городе во Корсуни
Ни царя нет, ни царевича,
Ни короля, ни королевича,
Княжит тут Маринка дочь Кайдаловна,
Еретица, безбожница.
Вошли мы в гавань – брала с нас пошлину,
Паруса спустили – брала пошлину,
По мосту шли – мостовое брала,

В таможеню зашли – таможенное.
Взяла с нас дани-пошлины сорок тысячей,
Да взяла у нас три перчаточки,
Везены были тебе, князю, в подареньице:
Первые перчаточки во пятьсот рублей,
Другие перчаточки в целу тысячу,
А третьим перчаточкам цены нет».
Они скоро писали, запечатали,
Отослали князю Глебу Володьевичу.
А тут скоро пришли ярлыки в Киев-град,
Скоро Глеб Володьевич их просматривал.
Разъярилось сердце богатырское,
Просит благословения у дядюшки своего любимого,
У Владимира Красна Солнышка в поход идти.
Дает ему Владимир благословение в поход идти.
Выходил Глеб Володьевич на свой широкий двор,
Собирал дружину хоробрую:
«Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая!
Седлайте добрых коней, берите сабельки вострые!»
Выезжал князь Глеб Володьевич в чисто поле
Со своей дружиною хороброю,
Триста отборных добрых молодцев,
Рост к росту, голос к голосу, волос к волосу.
Говорил им князь Глеб Володьевич:
«Уж вы поедемте, дружина моя хоробрая,
А ко тому славному городу ко Корсуню,
А ко той Марине ко Кайдаловне,
Еретице, безбожнице,
Вызволять мои кораблики червленые».
Как доехали они до города Корсуны,
Остановил Глеб добра коня:
«Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая!
Сходите с коней, ставьте шатры полотняные,

Держите стражу крепкую,
Пойду я один ко граду Корсуню.
Как услышите, зазвенит моя сабелька,
Заскрипят плечи богатырские,
Поезжайте ко городу Корсуню,
Скачите через стену городовую,
Уж вы бейте по городу и старого и малого,
Ни единого не оставляйте вы на семена.
Подъезжает Глеб под башню наугольную,
Закричал он зычным голосом:
«Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
Ты зачем обрала у меня корабли червленые,
Ты зачем согнала с них моих корабельщиков,
Поставила на них своих караульщиков?»
Услыхала Маринка дочь Кайдаловна,
Говорит ему с городской стены:
«Уж ты гой еси, князь Глеб Володьевич!
Я отдам тебе три твоих корабля червленых,
Только отгадай три мои загадки хитромудрые.
Первая моя загадка хитромудрая:
Что в лете бело, да в зиме зелено?»
Отвечал князь Глебушка Володьевич:
«Не хитра твоя загадка хитромудрая:
В лете-то бело – Господь хлеб дает,
А в зиме-то зелено – ель цветет».
Говорит ему Маринка Кайдаловна:
«Загадаю тебе вторую загадку хитромудрую:
Что без коренья растёт да без лыж катится?»
Отвечал ей Глебушка Володьевич:
«Не хитра и эта твоя загадка хитромудрая.
Без коренья растут белы снега,
А без лыж катятся быстры ручьи».
Ещё говорит Маринка Кайдаловна:

«Загадаю тебе третью загадку хитромудрую:
Есть у вас в Киеве мясная гора,
А на той мясной горе кипарис растет,
А на том кипарисе-дереве сокол сидит».
Отвечал опять князь Глеб Володьевич:
«Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
Не хитра и эта твоя загадка хитромудрая,
Твоих загадок глупее на свете нет.
Мясная-то гора – мой добрый конь,
Кипарисово дерево – мое седельшко,
А сокол сидит – то я, удалой добрый молодец,
Русский могучий богатырь Глеб Володьевич».
Говорит ему Маринка Кайдаловна:
«Уж ты гой еси, князь Глеб Володьевич!
Отгадал ты три мои загадки хитромудрые.
Отворю я тебе ворота, а сама, красна девица,
За тебя замуж пойду».
Шла Маринка на свой широкий двор,
Наливала чару зелена вина,
Насыпала в чару зелья лютого.
Вышла опять на стену городóвую,
Подавала чару Глебушке Володьевичу:
«Уж прими-ка, Глебушка, на приезд
Чару зелена вина!»
Принимал Глеб чару зелена вина,
Хочет пить, к устам поднес.
Тут споткнулся конь его на ноженьку на правую,
Расплескалась чара зелена вина
На гриву лошадиную,
Загорелась грива у добра коня.
Испугался тут Глеб Володьевич,
Бросал чару на сыру землю;
Мать сыра земля загорелась.

А как разъярилось сердце богатырское,
Стегнул Глеб добра коня по крутым бокам,
Перескочил конь через стену городóвую,
Настиг Глеб Маринку посреди двора,
Отсек ей, Маринке, буйну голову.
Поехал он по городу Корсуню,
Стал сабелькой своей помахивать,
Бить-рубить приспешников Маринкиных.
Услыхала тут дружина хоробрая,
Как звенит его сабелька вострая,
Налетела дружинушка на город Корсунь,
Посекла-побила старого и малого,
Ни единого не оставила и на семена.

СТАРИНА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ХОТЕН БЛУДОВИЧ

Был еще у князя Владимира
Славен богатырь Хотен Блудович.
И заводил Владимир князь стольнокиевский
Еще пиrowанье-почестный пир.
Много было на пиру у Владимира
Князей и бояр, и боярских жен,
И были на пиру у него две вдовы:
Одна вдова – Офимья Чусова жена,
А другая вдова – Авдотья Блудова жена.
В ту пору Авдотья Блудова жена
Наливала чару зелена вина,
Подносила Офимье Чусовой жене
И за чарочкой посваталася:
«Уж ты гой еси, Офимья Чусова жена!

Ты прими у меня чару зелена вина.
Есть у тебя девять сыновей,
Девять сыновей, ясных соколов,
И есть у тебя дочь возлюбленная, лебедь белая,
Молода Чайна Чусовична.
А у меня есть сын ясен сокол
Молодой Хотенушко Блудович.
Отдай Чайну за моего Хотенушка».
Те речи Чусовой жене не слюбилися,
Вылиwała чару зелена вина
Блудовой жене во ясны́ очи,
Сама говорила таковы слова:
«Уж ты гой еси, Авдотья Блудова жена!
Моя-то Чайна Чусовична
Во девках – красна девушка,
Во лебедушках – бела лебедушка,
Сидит во тереме высоком,
Ее красно солнышко не обпечет,
Буйные ветры не обвеют,
Частые дождинки не обмочат,
Ест-пьет на злате-серебре.
А твой-то сын Хотен – уродище Блудище,
Он по городу по Киеву шатается,
Стреляет сорок, ворон да за чужим двором,
Что подстрелит – тем и сыт живет,
А не подстрелит – голоден живет.
Не отдам я за твоего уродища Блудища
Дочь мою Чайнушку лебедь белую.
А есть у меня девять сыновей,
Выедут Чусовичи во чисто поле
И полонят Хотенку во чистом поле,
И привяжут Хотенку ко стремяни седельному,
И приведут Хотенку на свой-то двор;

Захочу – его кладу во повары,
Захочу – кладу его во конюхи,
Захочу – продам на боярский двор».
В ту пору Авдотьё за обиду стало,
За великую досаду показалось,
Обесчестила ее на пиру жена Чусова.
Пошла Авдотья с пира невесела,
Буйну голову повесила.
Приходит на свой широкий двор,
Встречает ее Хотенушко сын Блудович:
«Ай же ты, свет государыня моя матушка,
Что ты идешь со честна пира невесела,
Буйну голову повесила?
Али место было тебе не по отчине,
Али чарой зелена вина тебя обнесли?»
Жаловалась ему Авдотья Блудова жена:
«Уж ты гой еси, Хотенушко сын Блудович!
Место мне от князя было по отчине,
И чарою зелена вина меня не обнесли.
А сидела я на пиру с богатой вдовой
Именитого роду княженецкого
Офимьей, женой Чусовой,
Подносила ей чару зелена вина,
Сватала за тебя дочь ее любимую
Чайну Чусовну, лебедь белую,
Те речи Чусовой жене не взлюбилися,
Выливала она чару зелена вина мне в ясны очи,
Говорила слова поносные,
При всем народе на пиру обесчестила».
Тут седлал Хотен Блудович добра коня,
Приезжает к терему Чусову,
Ткнул копьём в ворота широкие,
На копьё вынес ворота середи двора.

Хряснул в терем палицей булатною,
Своротил терем по окошечки.
Закричал Хотен зычным голосом:
«Уж ты гой еси, Офимья Чусова жена!
Здравствуй, ты теща гордливая, теща ломливая!
Ты отдашь ли за меня дочь свою любимую
Чайну Чусовну, лебедь белую?
Добром отдашь – так добром возьму,
Добром не отдашь – возьму силою.
Высылай девять сыновей во чисто поле,
Буду я, Хотен, с ними биться-ратиться».
Испугалась Офимья вдова Чусова,
Посылает девять сыновей своих на Хотенушку:
«Ой же вы еси, сыны добры молодцы!
Подите укротите сына Блудова».
Отвечают ей сыны добры молодцы:
«Ай же ты, свет государыня наша матушка!
Нам ведь у Хотена взять нечего,
А он у всех у нас возьмет наши буйны головы.
Он, Хотен, – сильный, могучий богатырь,
Илья Муромец ему названный брат,
Они с дружиной своей богатырскою
Порубили под Киевом поганых татаровей,
Избавили Киев от беды неминучей».
Осердилась вдова Офимья Чусова:
«Уж я лучше бы родила девять камней,
Бросила бы камни во сине море,
Кабы в море те камешки выросли,
А бежали бы корабельщики по морю,
Набежали бы на ту гряду каменную,
И разбило бы тех корабельщиков, –
Кабы легче было бы моему ретиву сердцу».
Брала она золотой казны много-множество,
Пошла по городу Киеву,

Наняла на ту казну силу ратную,
Силу ратную три тысячи,
Посылала на Хотена в чисто поле,
Воеводами слала трех сыновей своих Чусовичей:
«Убейте Хотена во чистом поле,
Отрубите ему буйну головушку».
Едут сыновья, сами плачут:
«Уж ты, свет государыня наша матушка!
Не побить нам Хотенка на чистом поле,
Потерять нам свои буйны головы.
Ведь когда был обсажен стольный Киев-град,
Побил он злых поганных татаровой».
В ту пору завидел Хотенушко в чистом поле
Силу ратную Чусову,
Поехал к силе, сам спрашивает:
«Уж вы гой еси, сила Чусова!
Вы невольная сила, или наемная?»
Отвечала ему сила Чусова:
«Мы сила вольная всё наемная».
Тут начал Хотен по силе той похаживать,
Сабелькой острой помахивать,
Прибил всю силу до единого.
Трех братьев Чусовых живьем взял,
Живьем взял, волосами связал,
Волосами связал, к стремени привязал,
Привез к своему белу шатру.
Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла она силы дождаться.
Наняла опять силы три тысячи,
Посылает еще трех сыновей воеводами.
Едут сыновья, сами плачут:
«Уж ты, свет государыня наша матушка!
Не побить нам Хотена на чистом поле,
Потерять нам свои буйны головы».

Завидел их Хотенушко в чистом поле:
«Вы вольная сила или невольная?»
Отвечает ему сила Чусова:
«Мы вольная сила всё наемная».
Начал он по той силе похаживать,
Сабелькой острой помахивать,
Прибил всю силу до единого.
Трех братьев Чусовых живьем взял,
Живьем взял, волосами связал,
Привез к шатру своему в чистом поле.
Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла опять силы дожидаться.
Опять пошла с золотой казной по Киеву,
Наняла еще силы три тысячи.
Шлет последних трех сыновей воеводами.
Едут сыновья, сами плачут:
«Уж ты, свет государыня наша матушка!
Не побить нам Хотена, могучего богатыря,
Потерять нам свои буйные головушки».
Завидел Хотенушко и эту силу в чистом поле:
«Вы вольная сила или невольная?»
Отвечает ему и эта сила Чусова:
«Мы вольная сила всё наемная».
Начал Хотен и по этой силе похаживать,
Сабелькой своей острой помахивать,
Прибил и эту силу всю до единого.
Трех братьев Чусовых живьем взял,
Живьем взял, волосами связал,
Свез к своему белу шатру.
Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла она силы дожидаться.
Пошла сама к Хотенку сыну Блудову:
«Уж ты гой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми мою Чайну, лебедь белую,

Ты отдай мне девять сынов моих».
Говорит тут Хотенушко сын Блудович:
«Уж ты гой еси, Офимья Чусова жена!
Мне не надобно твоей Чайны, лебеди белой.
Выкупай-ка ты своих сынов, добрых молодцев,
Ты обсыпь-ка мое копье долгомерное
Златом-сёребром, камнями драгоценными.
А не выкупишь — сынов твоих смерти предам».
Привезла тут Офимья Чусова жена
Сорок телег злата-серебра, скатна жемчуга,
Обсыпала Хотенково копье долгомерное, —
Не хватило у нее одной четверти.
Говорит тут Офимья Чусова жена:
«Уж ты гой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми мою Чайну, лебедь белую,
Ты отдай мне девять сынов моих».
Отвечал ей Хотенушко сын Блудович:
«Мне не надобна твоя Чайна, лебедь белая,
Уж ты всё обсыпь златом-серебром,
Златом-серебром да скатым жемчугом,
Я отдам тебе девять сынов твоих».
Говорит тут Владимир-князь стольнокиевский:
«Уж ты гой еси, Хотенушко сын Блудович,
Славный богатырь русский!
Ты возьми у нее Чайну, лебедь белую».
Отвечал князю Хотенушко сын Блудович:
«Я возьму у нее Чайну, лебедь белую,
Не за себя возьму, за слугу моего, за парубка».
Говорил ему Владимир стольнокиевский:
«Уж ты гой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты ее за себя возьми,
Она ведь, Чайна, не худого роду, княженецкого».
Отдавал тут Хотенушко девять сыновей Чусовых,
Взял за себя замуж Чайну прекрасную.

СТАРИНА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
СТАВР ГОДИНОВИЧ

На ту пору, на то время
Был на пиру у князя Владимира
Заезжий богытырь Ставр Годинович
Из славного Нова-города.
Все на пиру наедались
Все на честнóм напивались,
Все на пиру порасхвастались.
Только молодой Ставр сын Годинович
За столом сидит, ничем не хвастает.
Говорит ему Владимир Красно Солнышко:
«Ай же ты, Ставр сын Годинович!
Что же ты на пиру невесел сидишь,
Невесел сидишь, ничем не хвастаешь?
Али нет у тебя сел с приселками,
Али нет у тебя городов с пригородками,
Али нет у тебя добрых коней,
Али не славна твоя родна матушка,
Али не хороша твоя молода жена?»
Отвечал Ставр князю Владимиру:
«Есть у меня села с приселками,
Есть города с пригородками, —
Да то мне, молодцу, не похвальба;
Есть у меня и кони добрые, —
Да то мне, молодцу, не похвальба;
Есть славна моя родна матушка, —
Да и то мне, молодцу, не похвальба;
Хороша моя молода жена, —
Так и то мне, молодцу, не похвальба:
Она ваш город Киев скупит и спродает,
Князей и бояр всех пообманит,

Тебя, князя Владимира, с ума сведет,
С ума сведет, вокруг пальца обведет».
Владимиру-князю речи те не слюбилися,
Рассердился он, разгневался:
«Уж вы слуги, слуги мои верные,
Вы берите добра молодца за рученьки белые,
Отведите добра молодца во глубок погреб,
Замкните его за замки железные,
Чтобы пустым молодец не хвастался.
Пусть Ставрова молода жена
Меня, князя Владимира, с ума сведет,
С ума сведет, вокруг пальца обведет,
А Ставра пусть из погреба повыручит!»
На ту пору, на то времечко
Молода жена Василиса Микулична,
Дочь младшая Микулы Селяниновича,
Сидела в Нове-граде в своей гриднице светлой.
Прилетает на ее окошечко косящатое
Птица вещая, черен ворон,
Говорит голосом человеческим:
«Что же ты сидишь, молода жена
Василиса Микулична,
Сидишь, прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь;
Супружник ведь твой Ставр Гоудинович
Во том во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Посажен в погреба глубокие».
Скоро Василиса Микулична снаряжается,
Скоро она собирается:
«Ай же вы, служанки мои верные!
Рубите-ка мои косы русые,

Несите-ка мне платице посыльное,
Да седлайте-ка коня мне богатырского!»
Подсекала она по-мужски волосушки,
Надевала она платье мужеское,
Накрутилась послом чужеземным,
Садилась Василиса на добра коня,
Брала доспехи богатырские,
Брала палицу булатную,
Тугой лук и калены стрелы.
Еще брала дружинишку хоробрую,
Сорок молодцов, удалых стрельцов,
Поехала ко городу Киеву.
Не доедучи до Киева
Раскинула в чистом поле бел шатер,
Оставила дружину у бела шатра,
Сама поехала ко князю Владимиру.
Подъезжает к терему княженецкому,
Взошла на красно крыльцо –
Перекладинки шатаются,
Половчинки подгибаются,
Слути удивляются:
Что за чудо-богатырь идет.
Приходит Василиса Микулична к Владимиру,
Не кланяется, челом не бьет,
Говорит грозным голосом:
«Ай же ты, князь Владимир стольнокиевский!
Я посол Золотой орды Василий Микулович,
Послан Батыгой-царем великим татарским
Брать с тебя дани-выплаты,
Немного-немало – за двенадцать лет.
Да еще отдай за меня племянницу свою любимую
Молоду Забаву Путятичну».

Закручинился Владимир, запечалился,
Нечем ему платить дани-выплаты,
Разве что выдать племянницу свою любимую
Забаву Путятичну
За того грозного посла Василия Микуловича,
Так будет отсрочка даням-выплатам.
Идет Владимир к племяннице Забаве Путятичне:
«Ай же ты, любимая племянница
Забаву Путятична!
Приехал к нам грозен посол Золотой орды,
Требует дани-выплаты за двенадцать лет,
А еще берет он тебя в супружницы».
Отвечала ему Забава Путятична:
«Ай же ты, любимый дядюшка Владимир-князь!
Не наделай ты смеху в Киеве,
Выдашь меня, девицу, за женщину.
Походочка у нее ча́стенька,
Она по́ двору идет, будто уточка плывет,
На лавочку садится, коленца жмет,
Коленца жмет – всё добра бережет,
С поволокою глаза поваживает,
Ручки беленьки, пальчики тоненьки,
От перстней дужки не вывелись».
Говорил Владимир Красно Солнышко:
«Я пойду того посла повыпытываю, повывеद्याю».
Приходил Владимир к послу грозному:
«Не угодно ли тебе, Василий Микулович, потешиться,
С моими богатырями поборотися?»
Вышли они на широкий двор,
Посол первого за руку схватил –
Из плеча руку выдернул,
Другого за ногу схватил – ногу выломал,

Третьего схватил поперек хребта,
Об сыру землю ушиб.
Выговаривал Владимир Забаве Путятичне:
«Ай же ты, Забава, глупая, неразумная,
Волос долог, ум короткий,
Называешь ты богатыря женщиною.
Отдам тебя за него замуж».
А Забава Путятична свое говорит:
«Не мужчина тот богатырь – женщина,
У нее задushка взад, да и грудь вперед,
Голос у нее как будто с прóвизгом.
Отдашь меня, девицу, за женщину, –
Наделаешь ты смеху по всему Киеву.
Ты поди еще повыпытывай, повыведавай».
Опять идет Владимир к послу грозному:
«Не угодно ли тебе, Василий Микулович, потешиться,
Из туга лука с моими богатырями стрелять?»
Вышли они в чисто поле,
Стали стрелять в золото кольцо,
Против кольца поставили булатный нож.
Первый богатырь стрелял – не дострелил,
Другой богатырь стрелял – перестрелил,
Третий стрелял – и тот не попал.
Как стал стрелять посол Золотой орды,
Попал сквозь колечко золоченое,
Перерезалась стрелка о булатный нож надвое.
Выговаривал Владимир Забаве Путятичне:
«Ай же ты, Забава, глупая, неразумная!
Называешь ты богатыря женщиною,
Такого богатыря на свете не видано.
Отдам тебя за него в супружество».
А Забава Путятична не покоряется,

Горючими слезами заливается:
«Не мужчина тот богатырь – женщина.
Выдашь меня замуж за женщину –
Наделаешь ты смеху по всей Руси.
Ты поди, дядюшка, еще повыпытай, повыведай».
Опять идет Владимир к послу грозному:
«Не угодно ли тебе, Василий Микулович,
Со мной в шахматы играть?»
Садились они к столу белодубову,
Стали в шахматы играть,
Тавлеями золотыми заступать.
Первую заступь заступили – посол выиграл,
Другую заступь заступили – посол выиграл,
Третью заступили – опять посол выиграл,
Обыграл Владимира в шахматы.
Говорил Владимир Забаве в последний раз:
«Не могу я больше посла грозного выпытывать,
Волей-неволей, пойдешь ты, Забава, за посла в замужество».
Повел Забаву Путятичну послу показать.
Говорит тут грозен посол князю Владимиру:
«Что-то красна девица невесела, нерадостна,
Очи ясные у красной девицы помутилися.
Нет ли у тебя, князь, гусельщиков,
Поиграть во гусельки яровчатые?»
Выпустили играть гусельщиков,
Играют гусельщики да всё невесело.
Говорит Владимиру грозный посол:
«Я слыхал, посажен у тебя, князь, во глубок погреб
Молодой Ставр сын Годинович,
Он горазд играть в гусельки яровчатые».
Говорил себе Владимир Красно Солнышко:
«Выпустить Ставра – не видать мне Ставра,

А не выпустить Ставра – посла разгневить».
Выпустил он Ставра из погреба глубокого.
Стал Ставр играть в гусельки яровчатые,
Сыгрыш сыграл Царя-града,
Танцы навел Ерусалима,
Величал князя со княгинею,
Сверх того играл еврейский стих.
Развеселился грозный посол Василий Микулович:
«Гой еси, Ставр, веселый молодец,
Помнишь ли, Ставр, помятуешь ли,
Как мы малыньки на улицу похаживали,
Мы с тобой сваечкой поигрывали:
Твоя-то сваечка серебряная,
А мое было колечко позолоченное?»
Говорит Ставр сын Годинович:
«Я с тобой сваечкой не игрывал!»
А грозный посол еще речь ведет:
«Ты помнишь ли, Ставр, помятуешь ли,
Мы ведь с тобой грамоте училися:
Моя была чернильница серебряная,
А твое было перо позолоченное?»
Говорит Ставр сын Годинович:
«Я с тобой в грамоты не учивался!»
Говорил тут грозный посол Владимиру:
«Ай же ты гой еси, Владимир стольнокиевский!
Не надобны мне твои дани-выплаты
И племянница твоя Забава не надобна,
Только пожалуй веселым молодцом гусельщиком
Ставром Годиновичем».
Отдавал князь Владимир Ставра с радостью,
Избавился от таковой напастушки.
Поехали Ставр и Василиса во чисто поле,
Приехали к белу шатру, к дружине хороброей.

Скинула Василиса платье мужеское,
Надевала платье женское,
Сама говорила таково слово:
«Теперича, Ставр, меня знаешь ли?»
Посылала гонца сказать князю Владимиру:
«Не грозен посол Золотой орды
Был у тебя, Владимир стольнокиевский,
А была молода жена Ставрова
Василиса Микулична».
И поехали они в славный Нов-город.
А Владимиру-князю к стыду пришло,
Посылает он с гонцом таково слово:
«Ай же ты, молодой Ставр сын Годинович!
За твою великую за похвальбу
Торгуй во Киеве век беспошлинно!»

**СТАРИНА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ
ЗАБАВУ ПУТЯТИЧНУ СВАТАЕТ
ИДОЛИЩЕ**

На ту пору, на то время
Во той ли земле сарацинской
У царя Василия Окуловича был почестен пир.
Говорил тут царь Василий Окулович:
«Уж ты гой еси, Идойло сын Идойлович!
Съезди-ка, Идойло, в стольный Киев-град,
Сосватай за меня Забаву дочь Путятичну,
Племянницу любимую князя Владимира».
Говорил тут Идойло сын Идойлович:
«Уж вы гой еси, колдуны да колдунницы!

Вы сколдуйте, какой мне, Идойлу, путь будет,
Счастливый или несча́сливый».

Сколдовали они и сказали скоро-наскоро:
«Как вперед-то Идойлу путь сча́сливый,
А назад-то Идойлу несчастливый».

Говорил опять Идойло сын Идойлович:
«Уж вы гой еси, колдуны да колдуницы!
Вы сколдуйте мне во второй раз».

Сколдовали они и сказали скоро-наскоро:
«Как вперед-то Идойлу путь счастли́вый,
А назад-то Идойлу несчастливый».

Как сажился тут Идойло на черлен корабль
И поплыл Идойло в стольный Киев-град.
Приплыл он в стольный Киев-град,
Сходит на крут берег,
Идет ко князю Владимиру в гридни светлые,
Богу русскому не кланяется, челом не бьет.
«Уж ты гой еси, Владимир стольнокиевский!
Я не гость пришел, я пришел сватать Забаву Путятичну
За славного царя сарацинского
Василия Окуловича.

Честью отдашь – возьмем с радостью,
Не отдашь честью – возьмем не́честью».

Запечалился Владимир стольнокиевский,
На одно плечо надел шубоньку,
На одно ухо надел шапоньку
И пошел ко своей любимой племяннице
Забаве Путятичне.

«Уж ты гой еси, любимая племянница
Забава Путятична!

Пришел к нам Идойло непрошенный,
Сватает тебя за Василия, царя сарацинского».

Говорила ему Забава Путятична:

«Уж ты гой еси, любимый мой дядюшка!
Снаряжай ты три корабля:
Первый-то кораблик запаса хлебного,
Второй-то кораблик вина заморского, зелья лютого,
Третий-то кораблик силы ратной.
Еще дай Добрынюшку Никитича да Алешеньку Поповича».
Как садилась она да на кораблики,
Выходили кораблики в море синее,
Побросали они якоря железные.
Говорит тут Забава Путятична:
«Уж ты гой еси, Алешенька Попович млад!
Спускай-ка ты лодочку скорую,
Поезжай-ка ты к Идойлу на черлен корабль,
Ты скажи-ка Идойлу таковы слова:
«Рули-то у нас нынче не правятся,
Паруса-то у нас не надуваются,
У Забавы нынче именинный день,
Милости просим хлеба кушати».
Приезжает тут Алеша на черлен корабль,
Говорит Алеша таковы слова:
«Уж ты гой еси, Идойло сын Идойлович!
Рули-то у нас нынче не правятся,
Паруса у нас не надуваются;
У Забавы нынче именинный день,
Милости просим хлеба кушати».
На это Идойло не соглашается.
Вернулся Алеша один без Идойла.
Говорила тут Забава Путятична:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
Съезди-ка ты к Идойлу на черлен корабль,
Зови Идойла на честный пир».
Поехал Добрыня на черлен корабль,
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты гой еси, Идойло сын Идойлович!

Еще милости просим к нам хлеба кушати,
Хлеба кушать, вина заморского пробовать».
На это Идойло соглашается,
Спускает Идойло лодочку скорую,
Ехать к Забаве Путятичне на честный пир,
Заходит он в гридню светлую,
Садился он за дубовый стол.
Подносят тут Идойлу чару зелена вина,
Не малу, не велику – в полтора ведра,
Полтора-то ведра зелья лютого.
Говорит тут Идойло сын Идойлович:
«По середочке чарочки огонь горит,
По краям-то ведь чарки струйки змеятся-извиваются».
От чары той Идойло не отказывался.
Берет он чару единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Стало тут Идойлушку помётывать,
Стало тут Идойлушку посвистывать,
Стал он за снасточки похватываться:
За какую схватится – снастка порвется.
Говорит Алешенька Попович млад:
«Уж ты гой еси, поганое Идолище!
Не тобой ведь снасти-то снащены,
Не тобой были деревца ставлены, –
Не тебе, проклятому, обрывать».
Еще стало тут Идойлушку помётывать,
Еще стало его ведь пуще посвистывать.
За какую снастку схватится – снастка порвется.
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты гой еси, поганое Идолище!
Не тобою были ведь снасти снащены,
Не тобою были деревца поставлены».
Вынимает тут Добрыня саблю вострую,
Отрубает тут Идойле буйну голову.

СТАРИНА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ
СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

А получше-то сватал Забаву Путятичну
Славный заморский гость
Молодой Соловей сын Будимирович.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровския.
Из-за моря, моря синего,
Из глухоморья зеленого,
От славного города Лёденца,
От того ли царя ведь заморского
Выбегали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей един корабль
Славного гостя богатого,
Молода Соловья сына Будимировича.
Хорошо корабли изукрашены,
Один корабль получше всех.
У того было у Сокола-кóрабля
Вместо очей было вставлено
По дорогу камению по яхонту;
Вместо бровей было прибивано
По черному соболу якутскому,
И якутскому ведь сибирскому;
Вместо уса было воткнуто
Два востра копья мурзameцкия,
И два горностая повешены,
И два горностая, два зимния.
У того было у Сокола-корабля
Вместо гривы прибивано

Две лисицы бурнастыя;
Вместо хвоста повешено
На том было Соколе-корабле
Два медведя белыя заморския.
Нос, корма – по-туриному,
Бока взведены по-звериному.
Бегут ко городу Киеву,
К ласкову князю Владимиру.
На том Соколе-корабле
Сделан муравлен чердак,
В чердаке была беседа дорог рыбей зуб,
Подернута беседа рытым бархатом.
На беседе-то сидел купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимирович.
Говорил Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости-корабельщики
И все целовальники любимыя!
Как буду я в городе Киеве
У ласкова князя Владимира,
Чем мне будет князя дарить,
Чем ласкова жаловать?»
Отвечают гости-корабельщики
И все целовальники любимыя:
«Ты славный, богатый гость,
Молодой Соловей сын Будимирович!
Есть, сударь, у тебя золота казна,
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка – узор хитер:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимировича;

На злате, на серебре – не по́гнется».
Прибежали корабли под славный Киев-град,
Якоря метали в Днепр-реку,
Сходни бросали на крут бережок,
Брал Соловей свою золоту казну,
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,
Пошел он ко ласкову князю Владимиру.
Идет во гридню купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимирович,
Спасову образу молится,
Владимиру-князю кланяется
И подносит князю свои дороги подарочки:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц;
Княгине поднес камку белохрущету,
Не дорога камочка – узор хитер:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Иерусáлима,
Замыслы Соловья сына Будимировича;
На злате и серебре – не по́гнется.
Князю дары полюбилися,
А княгине наипаче того.
Говорил ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, богатый гость,
Соловей сын Будимирович!
Займи дворы княженецкия,
Займи ты боярския,
Займи дворы и дворянския».
Отвечает Соловей сын Будимирович:
«Не надобны мне дворы княженецкия,
И не надобны мне дворы боярския,
И не надобны дворы дворянския,

Только ты дай мне загон земли,
Непаханья и неаранья,
У своей, государь, княженицкой племянницы,
У молодой Забавы Путятичны,
В ее, государь, зеленом саду,
В вишенья, в орешенья
Построить мне, Соловью, снаряжен двор».
Отдавал Соловью Владимир-князь
Загон земли, непаханья и неаранья.
Пошел Соловей на свой червлен корабль,
Говорил Соловей сын Будимирович:
«Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите к Забаве в зеленый сад,
Постройте мне снаряжен двор
В вишенья, в орешенья».
С вечера поздним-поздно,
Будто дятлы в дерево пощелкивали,
Работала его дружина хоробрая,
Ко полуночи и двор поспел:
Три терема златовёрховаты,
Да трои сени косящетыя,
Да трои сени решетчетыя.
Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звезды – в тереме звезды,
На небе заря – в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили к заутрени,
Ото сна Забава пробуждалася,
Посмотрела в окошечко косящетое,
В вишенья, в орешенья,

Во свой ведь хороший во зеленый сад.
Чудо Забаве показалось:
В ее хорошем зеленом саду
Стоят три терема златовёрховаты.
Говорила Забава Путятична:
«Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя сенныя девушки!
Подите-тка, посмотрите-тка,
Что мне за чудо показалось
В вишеньё, в орешеньё».
Отвечают нянюшки-мамушки
И сенныя красныя девушки:
«Матушка Забава Путятична,
Изволь-ка сама посмотреть –
Счастье твое на двор к тебе пришло!»
Скоро Забава снаряжается,
Надевала шубу соболиную,
Цена-то шубе три тысячи,
А пуговицы в семь тысячечей.
Пошла она в вишеньё, в орешеньё,
Во свой во хорош во зеленый сад.
У первого терема послушала –
Тут в терему щелчит-молчит:
Лежит Соловьева золота казна;
Во втором терему послушала –
Тут в терему потихоньку говорят,
Помаленьку говорят, все молитву творят:
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны многоразумными.
У третьего терема послушала –
Тут в терему музыка гремит.
Входила Забава в сени косящетыя,
Отворила двери – испугалась,

Чудо в тереме показалось:
На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звезды – в тереме звезды,
На небе заря – в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Подломились ее ноженьки резвые.
В ту пору Соловей он догадлив был:
Бросил свои звончаты гусли,
Подхватывал девицу за белы ручки,
Клал на кровать слоновых костей
Да на те ли перины пуховыя.
«Чего ты, Забава, испугалася,
Мы оба с тобой на возрасте». –
«А и я, девица, на выданье,
Пришла сама за тебя свататься».
Тут они и помолвили,
Целовались они, миловались,
Золотыми перстнями поменялися.
Проведала про то Соловьева матушка,
Свадьбу кончати посрочила:
«Съезди-де за моря синия,
И когда-де там расторгнешься,
Тогда и на Забаве женишься».
Отъезжал Соловей за моря синия.
В ту пору поехал и голый шап Давыд Попов.
Скоро за морями исторгнется,
А скорее того назад в Киев прибежал;
Приходил ко ласкову князю с подарками:
Принес сукно смурое
Да крашенину печатную.
Стал Владимир-князь спрашивать:

«Гой еси ты, голый щап Давыд Попов!
Где ты слышал, где видывал
Про гостя богатого,
Про молода Соловья сына Будимировича?»
Отвечал ему голый щап Давыд Попов:
«Видел я Соловья в городе Леденце,
У того царя заморского
Посажен Соловей в тюрьму таможенную,
А корабли его все отобраны».
Тут Владимир-князь закручинился,
Вздумал отдать Забаву Путятичну
За голого щапа Давыда Попова.
В ту пору пришли ко городу Киеву
Корабли молода Соловья сына Будимировича,
Якоря метали во быстрый Днепр,
Сходни бросали на крут красен бережек,
Выходил Соловей со дружиною,
Из Сокола-корабля с каликами,
Во белом платьѣ сорок калик со каликою.
Пошли ко князю Владимиру на княженецкий двор.
А в тереме у князя пир свадебный,
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою,
Сажали за столы белодубовы,
Велел ласковый Владимир-князь
Подносить им вина заморския и медá сладкия.
Тут Забава Соловья опазновала:
«Гой еси, мой государь дядюшка
Ласковый Владимир-князь!
Тот-то мой обрученный жених,
Молодой Соловей сын Будимирович».
Говорил ей ласковый Владимир-князь:

«Ай ты гой еси, Забава Путятишна!
А ты не скачи, не бесчести столы!»
Взяла Забава Соловья за рученьку белую,
Посадила с собой на большó местó,
Говорила Забава таково словó
Голому шапу Давыду Попову:
«Здравствуй женимши, да не с кем спать!»
В ту пору ласковый Владимир-князь
Отдавал Забаву за гостя богатого
Соловья сына Будимировича,
И затевал он великий почестный пир.

СТАРИНА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

В стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Еще было пированье-почестный пир
На многие князья и бояре
И на русские могучие богатыри.
День клонится к вечеру,
Почестный пир идет навеселе.
Появились тут люди незнаемые,
Сто молодцов, да других сто,
Да третьих сто.
Все они избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьют челом, низко кланяются:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь,
Ты прими, государь, нашу жалобу,

От нас, твоих мужичков-охотничков!
Ездили мы по полю по чистому
У той реки у Сáроги
На твоём государевом займище,
Ничего мы в поле не наезживали,
Не наезживали зверя рыскачего,
Не видали птицы перелетной,
Только наехали во чистом поле
На молодцов неведомых.
Жеребцы под ними латынские,
Кафтанцы на них камча́тные,
Однорядочки-то голуб скурлат,
А колпачки – золоты верхи;
Они соболей, куниц повыловили,
Туров, оленей повыстрелили,
Нас избили-изранили,
Тебе, государь, на стол добычи нет,
А нам, мужичкам-охотничкам, жалованья».
Та толпа со двора сошла,
Другая толпа валит, мужички-рыболовы,
Все избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны,
Челом бьют, низко кланяются:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь,
Ты прими, государь, нашу жалобу
От нас, твоих мужичков-рыболовов!
Ездили мы по рекам, по озерам,
Ничего не поимывали,
А встретили молодцов неведомых,
Всю они белую рыбицу повыловили,
Наши неводы повырывали,
Нас избили-изранили,

Тебе, государь, на стол улова нет,
А нам, мужичкам-рыболовам, жалованья».
Еще та толпа со двора сошла,
Две новые привалили,
Сокольники да кречатники,
Все избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны,
Бьют челом, низко кланяются:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь,
Прими, государь, нашу жалобу
От нас, твоих сокольников, кречатников!
Ездили мы по чисту полю,
По твоему государеву займищу,
На лугах, островах, у реки Сáроги,
Ничего не поймывали,
Не видали ни сокола, ни кречета.
Только наехали на молодцов неведомых,
Всех они ясных соколов повыхватывали,
Белых кречетов повыловили,
А нас избили-изранили, —
Называются дружиною Чуриловою».
Тут Владимир-князь за то слово спохватится:
«Да кто этот Чурила есть таков?»
Выступал тут старый Бермята Васильевич:
«Я, государь, про Чурилу ведаю,
Двор Чурилы не в Киеве, не за Киевом,
Двор Чурилы на Почай-реке,
У чудна креста Леванидова,
У святых мощей у Борисовых;
Двор Чурилы на семи верстах,
Вкруг двора железный тын,
На всякой тынинке по жемчужинке,

Первые ворота вольящетые,
Другие ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные,
Над воротами икон семьдесят,
Подворотенки дорог рыбей зуб.
Во дворе-то у Чурилы семь теремов,
Маковки у теремов золоченые».
Тут Владимир-князь со княгинею,
Со боярами и дружиною
Снаряжается к Чуриле ехать,
Смотреть терема Чурилыны.
И будут они у двора Чурилина,
Вкруг двора железный тын,
На всякой тынинке по жемчужинке,
Над воротами икон семьдесят,
Подворотенки дорог рыбей зуб.
Встречает их Чурилин батюшка
Старый Пленка Сарóженин,
Князю и княгине отворяет ворота вольящетые,
Боярам и дружине отворяет хрустальные,
Слугам, челяди отворяет оловянные.
А двор у Чурилы на семи верстах,
На дворе семь теремов высокиих,
На теремах маковки золоченые.
Тут Чурилин батюшка
Старый Пленка Сарóженин
Повел князя со княгинею в больший терем,
В палаты белокаменные.
Хорошо палаты изукрашены:
На небе солнце и в тереме солнце,
На небе месяц и в тереме месяц,
На небе звезды и в тереме звезды.
Пол-середа одного серебра.

Сажал старый Пленка, Чурилин батюшка
Князя Владимира со княгиней Апраксией
За столы белодубовые,
Несли им слуги яства сахарные и питья медвяные.
Князь со княгинею веселы сидят.
Посмотрел Владимир-князь в окошко косящее
И увидел, едут из чиста поля
Удалы молодцы, больше тысячи.
Жеребцы под ними латынские,
Узды, повода сорочинские,
Кафтанцы на них камчатные,
Однорядочки-то голуб скурлат,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
А и колпачки – золоты верхи.
Добры молодцы плечо в плечо, лицо в лицо,
На конях они соколом сидят,
Будто свечи горят,
Кони у них, как орлы, летят.
Наперед едет купав молодец,
На добром молодце шуба соболья,
Тешится молодец, палицу булатную подбрасывает,
С руки на руку перекидывает.
Испугался тут Владимир-князь:
«Ай же ты, старый Пленка Сароженин!
Идет на нас силушка неверная
Батыги царя проклятого,
Едут татаровья поганые».
Отвечал ему Пленка, Чурилин батюшка:
«Не пугайся, солнышко Владимир-князь,
То едет сынишко мой,
Премладой Чурилушка Пленкович
Со своей дружинушкой хороброю».
Приехал Чурила на свой широкий двор,

Брал Чурила золоты ключи,
Скоро шел во подвалы глубокие,
Взял золоту казну,
Сорок сороков черных соболей,
Да сорок сороков бурнастых лисиц,
Брал еще камку белохрущатую,
Принес он ко князю Владимиру:
«Уж ты, солнышко Владимир стольнокиевский,
А прими ты малые подарочки!»
В ту пору Владимир-князь возрадовался,
Говорил ему таково слово:
«Много было на Чурилу жалобщиков,
Много было челобитчиков,
Да теперь я с Чурилы суд сниму.
Не подобает тебе, Чуриле, в деревне жить,
Подобает тебе, Чуриле, в Киеве жить,
Мне, князю стольнокиевскому служить!»
Чурила тут не ослушался,
Поехали они в стольный Киев-град.
В Киеве все-то бегут на Чурилу взглянуть,
А где девицы глядят, там заборы трещат,
А молодницы глядят, там оконницы звенят,
А старые старушки костыли грызут,
Все глядячи на младого Чурилушку,
На его ли красоту да поднебесную,
На его на кольца золочёные.
Пошел Чурила Владимиру во стольники,
Во стольники, во чашники.
Заводил Владимир-князь почестный пир.
Ходит молодой Чурила по гриднице,
Расставляет столы дубовые,
На столы ставит чаши золоченые,
Вкруг столов Чурила похаживает,
Желтыми кудерками потряхивает,

Золотыми перстнями побрякивает.
Боярские жены любят, дивятся,
На красу Чурилину дивуются.
Молода княгинюшка Апраксия
Рушала лебедь белую,
Глядячись на красоту Чурилину,
Обрезала себе рученьку правую,
Сама говорила таково слово:
«Не дивуйтесь вы, жены боярские,
Что обрезала я руку белую,
Помешался у меня разум во буйной голове,
Помутились у меня очи ясные,
Глядячись на красу Чурилину;
Ему бы, Чуриле, не на этой службе быть, —
А быть бы ему, Чурилушке, во постельниках,
Убирать бы ему в моей спальне
Кроваточку тесовую,
Постилать периночку пуховую,
Сидеть бы ему у изголовья высокого,
Играть бы в гусельшки яровчаты».
Наедались на пиру, напивались,
Все князья и бояре домой разъезжались.
Поутру рано-ранешенько
Зазвонили к заутрени,
Князья и бояре пошли к церкви Божией;
В ту ночь выпадала пороха снегу белого,
И нашли они свежий след, сами дивуются:
Либо зайка скокал, либо бел горноста́й.
А иные усмеваются:
«Знать, это не зайка скокал, не бел горноста́й —
Это шел Чурилушка Плénкович
К старому Бермяте Васильевичу,
К его молодой жене Катерине прекрасная».

СТАРИНА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
ДЮК СТЕПАНОВИЧ

На ту пору, на то время
Из того ли из славного города из Галича,
Из той ли Волыни-земли богатой
Не ясен сокол вылетывал,
Не белый кречет выпархивал,
Выезжал удалый добрый молодец
Молодой Дюк Степанович боярский сын.
А и конь под ним как бы лютый зверь,
Лютый зверь конь, и бур, космат,
Грива на леву сторону до сырой земли.
На коне попона в три строки строчена,
Первая строка красным золотом,
Другая строка чистым серебром,
А третья строка медью казарскою.
И в ту попону пестрядинную
Вплетено еще по камушку по яхонту,
Из под наряду добра коня не видать.
Сам он, Дюк, на коне, как ясен сокол,
Кольчуга на нем красна золота,
На тугом луке полосы серебряны,
А рога у лука красна золота,
А тетивочка у лука шелковая.
А в колчане у Дюка триста стрел,
Да еще в колчане у Дюка три стрелы,
А и тем стрелам и цены нет.
Колоты они из трость-дерева,
Точены они на двенадцать гран,
Точены-позолочены.
Перены они перьями сиза орла,

А сиза орла орловича.
Летал орел над синим морем,
Уронил он перьяца во сине море,
Ехали гости-корабельщики,
Собирали перья на синем море,
Вывозили перья на святую Русь,
Покупал те перья боярский сын
Молодой Дюк Степанович.
У тех стрелок в ушах поставлено
По тирону камню самоцветному,
А еще у тех стрелок подле ушиков
Перевивано золотом аравицким.
В ночи те стрелки, что свечи горят,
На охоте стрелки не потеряются;
Пустит Дюк стрелу в чисто поле –
Где стрела лежит, будто жар горит.
Ездил Дюк из орды в орду,
Везде Дюк бывал, во всех городах, во всех землях,
Не бывал он только в городе Киеве
У славного князя Владимира.
А и едет Дюк чистым полем,
Настиг тридцать калик со каликою,
Кричит он, вопит зычным голосом:
«Али воры вы, али разбойники,
Али вы ночные подорожники,
Али вы церковные грабители?»
Говорят калики перехожие:
«Молодой ты боярский сын Дюк Степанович!
Мы не воры идем, не разбойники,
Не ночные мы подорожники,
Не церковные мы грабители.
Идем мы, калики перехожие
Из славного города из Киева».

Говорил им Дюк таково слово:
«Ай же вы калики перехожие!
Скажите вы мне, поведайте:
А много ли от Галича до Киева расстояньица?»
Говорят калики перехожие:
«Молодой боярский сын Дюк Степанович!
А от Галича до Киева расстояньица:
Пешим идти будет на целый год,
А конем ехать на три месяца,
А прямой дорожкой, дак проезду нет.
На прямой дорожке три заставушки:
Первая заставушка – Горынь-змея,
Горынь-змея да змея лютая,
Змея лютая, змея пещерская;
Другая заставушка великая –
Стоит стадушко черных воронов,
Лютых воронов, вороновичей;
А и третья заставушка великая –
Стоит стадушко лютых гонцов,
Лютых гонцов да серых волков.
Да есть еще четвертая заставушка –
Стоит бел шатер во чистом поле,
Стоит богатырь во белом шатре».
Поехал Дюк во славный Галич-град,
Приходил Дюк к родной матушке:
«Ты свет государыня, моя матушка!
Дай ты мне прощеньице-благословеньице
Ехать мне Дюку во стольный Киев-град.
Во всех градах у меня побывано,
А всех князей да перевидано,
В одном во Киеве не бывано,
Славного князя Владимира не видано».
Говорила Дюку родная матушка:

«Я не дам прощеньица-благословеньица –
Тебе ехать Дюку в стольный Киев-град.
Как ведь ты дитя мое заносливо,
А заносливо да хвостоватое,
Похвастаешь, Дюк, ты родной матушкой,
Похвастаешь, Дюк, ты добрым конем,
Похвастаешь, Дюк, ты золотой казной,
Похвастаешь, Дюк, цветным платицем,
А во Киеве люди всё лукавые,
Изведут тебя Дюка не за денежку».
Говорил Дюк родной матушке:
«Ты свет государыня моя матушка!
Дашь прощеньице – поеду я,
Не дашь прощеньице – поеду я».
Говорила Дюку родная матушка:
«Ай ты дитя, ты мое милое,
Тебя Бог простит, Господь помилует».
Стоял Дюк вечерню в Галиче,
Хочет поспеть в Киев к Христовой заутрени.
Садился Дюк на добра коня,
Простился с родимой своей матушкой.
А видели Дюка, на коня сел,
Не видели Дюковой поездочки,
Только дым стоит в чистом поле.
А и едет Дюк чистым полем,
А и едет Дюк темным лесом.
Налетала на молодца Горынь-змея лютая,
Хочет молодца с конем пожрать;
От Змеи-то добрый конь усакивал,
Добра молодца от смерти унашивал.
Налетела на молодца стая воронов,
Черных воронов, клювы железные;
От воронов-то добрый конь усакивал,

Добра молодца от смерти унашивал.
Налегала на молодца стая серых волков,
Серых волков, лютых гонцов;
От волков добрый конь усакивал,
Добра молодца от смерти унашивал.
Да те три заставушки проехано,
Четвертой заставушки минуть нельзя.
Доезжал Дюк до шатра белополотняного,
В бел шатре богатырь спит,
Храпит богатырь, как порог шумит.
Закричал Дюк зычным голосом:
«Еще что в шатре да за невежа спит,
А идет ли с Дюком побиться-поратиться?»
Отвечает из шатра голос богатырский:
«А я-то, Илья Муромец, с Дюком побьюсь-поратаюсь,
Я отведаю Дюковой-то храбрости».
Тут видит Дюк, беда пришла,
А беда пришла, беда немаленькая.
Падал Дюк с коня Илье в белы ноги,
Говорил Дюк таково слово:
«Едино на небеси солнце красное,
Един на Руси могуч богатырь,
Илья Муромец сын Иванович!»
Прилюбились те речи Илье Муромцу,
Брал он Дюка за белы руки,
Заводил во свой бел шатер:
«Молодой ты боярский сын Дюк Степанович!
Будешь ты мне ныне братцем названным,
Пополнишь нашу дружинушку богатырскую.
А будешь ты, Дюк, теперь в Киеве,
Буду я за тебя печаль держать,
Станут налегать на тебя на молодца,
Некому будет тебя, молодца, повыручить,

Стреляй ты стрелочку каленую,
Летает сизый орел по чисту полю,
Приносит стрелочки мне в бел шатер,
А тут я наеду из чиста поля,
А тут тебя, молодца, повыручу».
Садился Дюк на добра коня,
Приехал Дюк во стольный Киев-град,
Едет улицами торговыми,
А все тут купцы дивуются:
«Век такого молодца не видано».
Говорил Дюк купцам киевским:
«А и где ваш солнышко Владимир-князь?»
Отвечают ему купцы киевские:
«Да наш-то солнышко Владимир-князь
Во Божью церковь ушел
Ко собору пресвятой Богородицы».
Сходил Дюк со добра коня,
Пошел во церковь Божию,
Он крест кладет да по писаному,
Поклон ведет да по ученому,
Бьет челом да на все стороны,
Владимиру князю в особинку:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!»
Отвечал Дюку Владимир стольнокиевский:
«Здравствуй и ты, удалый добрый молодец!
Ты коей земли, да коей орды,
Чьего отца, да чьей матери?»
Отвечал ему молодой Дюк Степанович:
«Буду я из города из Галича,
Из Волыни-земли богатой,
Боярский сын Дюк Степанович».
Говорит Дюку Владимир-князь:
«Да скажи добрый молодец Дюк Степанович,

А давно ли ты из города из Галича?» –
«Да свет государь ты Владимир-князь!
А поехал-то я в страстную субботу,
Да вечерню стоял я в славном Галиче,
А к заутрене поспел к тебе во Киев-град».
Говорит Владимир-князь стольнокиевский:
«Ай же ты, боярский сын Дюк Степанович!
Не пустым ли ты, Дюк, похваляешься;
От Галича до Киева конем ехать три месяца,
А окольной дорогой шесть месяцев.
А зачем ты к нам, добрый молодец, пожаловал?»
Говорит Дюк Владимиру таково слово:
«Ай же ты, Владимир-князь стольнокиевский!
Слава ведь велика идет о городе о Киеве,
О тебе, Владимир Красно Солнышко.
Хочу посмотреть, так ли богат Киев-град,
Как о нем слава идет».
Повел князь Владимир Киев показать,
С ним князья и бояре, и многие богатыри русские.
Идет Дюк по Киеву, головушкой качает:
«Да у вас тут все не по-нашему,
Как у нас-то во городе во Галиче;
У моей-то государыни у матушки,
У собора пресвятой Богородицы
Мосточки мощены все дубовые,
Гвоздочки вбиты шеломчатые,
Расстиланы сукна багрецовые.
Наперед-то пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут метельщики,
Очищают дорогу перед храмом Божиим.
А у вас-то во городе во Киеве
У собора пресвятой Богородицы
Мощены мостишка все сосновые,

Худые мостишка крениватые,
А вбиты гвоздишка деревянные».
А и то князю Владимиру за обиду стало.
Пришли они к широку двору.
Дюк головой качает, приговаривает:
«Хороша же идет слава о Киеве!
Все-то у вас в Киеве не по-нашему,
Как у нас во городе во Галиче.
У моей-то государыни у матушки
Над воротами икон до семьдесят,
А у вас тут одна-то иконка местная».
Зашли они на широкий двор,
Головой качает Дюк, приговаривает:
«Хороша же идет слава о Киеве,
Все-то у вас тут не по-нашему,
Как у нас в городе Галиче.
У моей государыни у матушки
На дворе стоят столбы все серебряны,
Продернуты кольца позолочены,
Расставлена сыта медвяная,
Да насыпано пшена белоярова,
Чтобы добрым коням есть-пить.
У моей государыни матушки
Построены тридцать три терема златоверхие,
Одни сени решетчатые,
Другие сени стекольчатые.
У нас во гриднях во столовых
Полы-то все кленовые,
Стены-потолки все расписаны,
У нас столы кости слоновоей,
Скатерти у нас на столах шелкóвые,
А по углам висят кисти золоченые.
А у вас-то тут и нет ничего».

И это князю Владимиру за обиду стало.
Заходили они во высок терем,
Садились за столы белодубовы,
Принесли им по чаре зелена вина.
Дюк чару в руку брал, а в рот не брал,
Головой качает, приговаривает:
«Хороша же слава идет о Киеве,
Да о тебе, Красно Солнышко Владимир-князь!
Все-то тут у вас не по-нашему,
Как у нас-то во городе во Галиче.
У моей государыни у матушки
Копаны погреба глубокие сорока сажён,
Бочки висят на цепях серебряных,
Проведены в погреб трубы подземельные.
Как повеют буйны ветры из чиста поля,
Пойдут воздуха по погребам,
Бочки на цепях зашатаются,
Загогочут бочки, будто лебеди,
Будто лебеди на тихих заводях,
В бочках зелено вино всколыбается,
Оттого вино у нас не затухается.
Чарку пьешь, другую хочется;
По третьей пьешь, так ведь душа горит.
А у вас тут в Киеве вино затхлое да горькое,
Не могу и в рот взять».
Да и то князю Владимиру за обиду стало.
Принесли им яству – калачики крупичаты.
Взял Дюк калач в руку, а в рот не взял.
«Велика же слава идет о Киеве,
Да о тебе, Красно Солнышко Владимир-князь!
Все-то тут у вас не по-нашему,
Как у нас в Галиче.
У моей государыни у матушки

Печки-то все муравленки,
А поды-то все серебряны,
Помела шелковые,
Калачик съешь, другого хочется.
А у вас-то в Киеве печки кирпичные,
Полы глиняны, помела сосновые,
Калачи сосной пахнут, в рот не взять».
Да и то князю Владимиру за великую обиду стало.
Вставал тут Чурилушка сын Пленкович:
«Ай же ты, государь, Владимир стольнокиевский!
Налетела к нам ворона погуменная,
Животом-богачеством похваляется.
Посади-ка, государь, Дюка во глубокий погреб,
А пошли скорого посла в Галич-град
Описать имение Дюково,
Всему именицу сделать перепись».
Посадил Владимир-князь Дюка во глубокий погреб
За замки железные.
Посылает в Галич Добрынюшку Никитича
Описать имение Дюково,
Всему именицу сделать перепись –
Так ли, как Дюк похваляется.
Садился Добрыня на добра коня,
Поехал он в славный Галич-град.
Подъезжает к городу Галичу,
Видит, город в огне горит:
«Ай, горит-то город Галич, сгорит в огне!»
Как подъехал Добрыня близехонько:
В Галиче-то верхи у теремов золотом горят,
Маковки на церквях самоцветные.
Ай, не Галич город – Индия та богатая!
Приходит на Дюков на широкий двор,
Заходил Добрыня во высок терем,

Он крест кладет да по писаному,
Поклон ведет да по ученому,
А бьет челом на все стороны.
Тут сидит жена старо-мáтерна,
Сидит вся в шелку, вся в золоте.
Говорил Добрыня таково слово:
«Да ты здравствуй, Дюкова матушка!»
Отвечает ему жена старо-матерна:
«А я-то Дюку ведь не матушка,
А я-то Дюкова портомойница».
Да и то Добрыне за обиду стало.
Идет он во другой высок терем.
Тут сидит еще жена старо-матерна,
Сидит вся в шелку, вся в золоте.
Говорил Добрыня таково слово:
«Да ты здравствуй, Дюкова матушка!»
Отвечала жена старо-матерна:
«А я-то Дюку ведь не матушка,
А я-то Дюку ведь калачница!»
Идет Добрыня в третий терем.
Тут сидит еще жена старо-матерна,
Вся в шелку, в золоте.
Говорит Добрыня Никитич сын:
«Да ты здравствуй, Дюкова матушка!»
Отвечала ему жена старо-матерна:
«А я-то Дюку ведь не матушка,
А я-то Дюкова стольница.
Ты поди, добрый молодец, к церкви Божией,
Как первая толпа пройдет метельщиков,
Другая толпа пройдет лопатников,
Третья толпа пройдет подстельщиков,
Расстилают сукна багрецовые,
Пойдут из церкви красны дéвицы,

Понесут зонт подсолнечный,
Тут выйдет из церкви Божьей Дюкова родна матушка». Пошел Добрынюшка к Божьей церкви,
Встал в сторонку у паперти.
Первая толпа прошла метельщиков,
Другая толпа прошла лопатников,
Третья толпа прошла подстельщиков,
Расстилают сукна багрецовые.
Выходит из церкви матера жена,
По обе руки красны девицы,
Под правую руку тридцать девиц
И под левую руку тридцать девиц,
Несут над ней зонт подсолнечный,
Чтобы не запеклось от солнца ее лицо белое.
Заходил Добрынюшка на супротивочку:
«Да ты здравствуй, Дюкова матушка!
Послал меня Владимир-князь стольнокиевский
Именице Дюково описывать».
Повела Добрыню Дюкова матушка во клеть сапожную,
Не мог Добрыня сапогов пересчитать,
Не то что пересчитать, глазами переглядеть.
Привела во клеть седельную,
Не мог Добрыня седел пересчитать,
Не то что пересчитать, глазами переглядеть.
Привела Добрыню во конюшню стоялую,
Не мог Добрыня жеребцов пересчитать,
Не то что пересчитать, глазами переглядеть.
Привела Добрыню в амбары богатые,
Где товары заморские складены;
Не мог Добрыня товары пересчитать,
Не то что пересчитать, глазами переглядеть.
Привела Добрыню в погреба глубокие,

В погребах бочки полны красна золота,
Не мог Добрыня бочек пересчитать,
Не то что пересчитать, глазами переглядеть,
Бочкам тем числа-сметы нет.
Ай, велики верно у Дюка животы.
Писал тут Добрыня грамоту князю Владимиру:
«Ты славный Владимир-князь стольнокиевский!
Пошли ты из Киева бумаги на шести возах,
Да чернил пошли на трех возах,
Да пошли сюда тридцать переписчиков,
В три года Дюково именице будет не описать.
Да продай-ка ты, Владимир, стольный Киев-град
На эти на бумаги на гербовые,
Да на чернила-перья продай еще Чернигов-град,
Да и тогда не сможешь Дюковы животы-имение уписывать».
Получил Владимир-князь грамоту Добрынину,
Выпускал Дюка из погреба глубокого.
Говорил Владимир-князь таково слово:
«Молодой ты боярский сын Дюк Степанович!
Оставайся ты во городе Киеве,
Послужи-ка мне, князю, верой-правдою».
Отвечал Дюк князю Владимиру:
«Ай же ты, Владимир-князь стольнокиевский!
Как ведь с утра солнышко не опекло,
Под вечер солнышко не огреет.
На приезде ты молодца не учествовал,
А теперь на уезде не учествовать».

СТАРИНА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
ДЮК И ЧУРИЛА

И собрался Дюк Степанович ехать из Киева,
Да тут они с Чурилой прираздорили,
Ударили да о велик заклад,
О велик заклад да о пятьсот рублей –
Щапить-басить да им по три годá,
По стольному городу по Киеву,
На каждый день надевать платья сменные.
Поручились за Чурилушку всем Киевом,
Никто за Дюка не ручается.
Выходил Дюк на царев кабак,
А и брал три бочки зелена вина,
Кричал голосом богатырским:
«Ай же вы, голи кабацкие!
Да и пейте вино вы безденежно,
Ручайтесь за Дюка за Степановича».
Поручились за Дюка голи кабацкие.
Шлет Дюк гонца ко своей матушке –
Прислать ему на три года платья сменного.
Стали Дюк с Чурилой щапить-басить,
Прощапили, пробасили они три года,
Пошли в последний день к заутрени.
Снаряжают Чурилушку всем Киевом.
Обувал Чурилушка сапожки зелен сафьян,
Носы шилом, пяты востры,
С носу к пяте яйцо покати,
Под пята воробышко летит,
Воробышко летит, перепуркивает.
Надевал Чурило шубу кунью,
Во пуговках литы добры молодцы,
Во петельках шиты красны девицы,

Застегивает пуговицы вальячные –
Добры молодцы с красными девицами обнимаются.
На голову положил шапоньку соболью,
Ушисту да пушисту, завесисту –
Спереди-то не видно ясных очей,
Сзади не видно шеи белой.
Пошел Чурило во Божью церковь,
Все Чуриле поклоняются.
А Дюк-то один снаряжается.
Обувал он лапотцы из семи шелков,
Вплетено в лапотцы по камешку по яхонту самоцветному;
Надевал Дюк шубу соболью
Под дорогим под зеленым под знаменом,
А во пуговках-то литы люты звери,
Во петельках-то шиты люты змеи,
Да брал Дюк плеточку шелковую.
Пошел Дюк во Божью церковь,
Подернул плеточкой по пуговкам –
Заревели во пуговках люты звери,
Засvistали по петелькам люты змеи,
Да все тут в церкви приужаснулися,
А тут все во церкви оземь пали,
Оземь пали, а иные обмерли.
Говорит Владимир стольнокиевский:
«Ай же ты, Дюк сын Степанович!
Приуйми-тка ты своих змей-зверей лютых,
Весь Киев от них приужаснулся.
Перещипил ты Чурилушку Пленковича».
Отстояли они Христову заутреню,
Вышли из Божьей церкви.
Взял Дюк с Чурилы велик заклад в пятьсот рублей,
Купил зелена вина,

Напоил голей кабацких допьяна.
Говорил Дюк Чуриле таково слово:
«Ай же ты, Чурило сухоногое!
Баси ты, Чурило, перед бабами,
Перед бабами да перед девками,
А с нами молодцами ты и в кон нейди».
Говорил Чурило Дюку таково слово:
«Ударим с тобой еще о велик заклад,
О велик заклад, о свою буйну голову –
Скакать на добрых конях через Днепр-реку,
А Днепр-река ровно три версты».
Поручились за Чурилу всем Киевом,
А за Дюка поручиться некому,
Голи кабацкие во хмелю лежат.
Тут натягивал Дюк свой тугой лук,
Пустил стрелку каленую ко Илье Муромцу.
Подхватил стрелку сизый орел в чистом поле,
Принес Илье Муромцу к белу шатру.
Скоро Илья Муромец снаряжается,
Приезжает он в славен Киев-град,
Поручился он за Дюка Степановича.
Выбирал Чурилушка добра коня,
По чисту полю стал разганивать,
Разганивать, разъезживать.
Скочил Чурило за Днепр-реку;
Назад Чурило стал отскакивать,
Упал Чурило посеред реки.
Садился Дюк на добра коня,
Не разганивал, не разъезживал,
Перескочил Дюк через Днепр-реку.
Назад Дюк стал отскакивать,
Схватил Чурилу за желты кудри,

Кинул Чурилу на крут бережок,
Хочет рубить ему буйну голову.
Едет тут к ним по чисту полю
Старый казак Илья Муромец,
На коне сидит как столетний дуб,
На коне сидит, не шатается,
Седая борода по ветру развевается,
Говорит Ильюшенька Дюку с Чурилою:
«Не дело вы, добры молодцы, затеяли,
То не дело богатырское – губить русский русского,
Дело богатырское – Русь защищать.
Помиритеся-ка вы, обнимитеся,
Крестами вы обменяйтесь,
Назовитесь вы братцами названными».

СТАРИНА Сороковая ЧУРИЛА И КАТЕРИНА

Накануне было праздника Христова дни,
Честного Благовещенья,
Выпадала порошица, снег молодой,
По той порохе, по белому по снежку
Не белый горностаи следы прометывал, –
Ходил, гулял купав молодец
Чурила сын Пленкович,
Ронял он гвоздочки серебряные,
Скобочки позолоченные.
Да вслед ходя, малые ребятушки
Собирали гвоздочки серебряные,
Да тем ребята головы кормят.

Загулял Чурила ко Бермяты высоко терему,
Да Бермяты во дому не случилось,
Одна Катерина прилучилася,
Отворяла окошечко косящето:
«Добрый молодец, премладой Чурила Пленкович!
Пожалуй ко мне во высок терем,
Станем, Чурила, мы во шахматы играть».
Пришел Чурила во высок терем.
Брала Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Начали они играть в шахматы.
Говорила Катерина Микулична:
«Ай же ты, премладой Чурила Пленкович!
Я тебя обыграю – тебя бог простит,
А ты меня обыграешь – тебе сто рублей».
Первый раз сыграли – Чурила выиграл,
Взял с Катерины сто рублей.
Другой раз сыграли – Чурила выиграл,
Взял с Катерины двести рублей.
Третий раз сыграли – Чурила выиграл,
Взял с Катерины триста рублей.
Бросала Катерина доску хрустальную,
Шахматы бросала серебряные,
Брала Чурилу за руки белые:
«Ай же ты, премладой Чурилушка сын Пленкович!
Не могу я играть с тобою в шахматы,
Могу только глядеть на красоту твою,
На твои кудри желтые,
Помешался у меня разум в буйной голове,
Помутились у меня очи ясные,
Глядючись, Чурила, на твою красу».
Вела она Чурилу к себе в спальнку теплую,
На кровать тесовую, на перину пуховую.
Начали они с Чурилой забавляться.

А была у Бермяты девка-чернавка,
Ходит она по терему, журчит-бурчит:
«Хороша ты, Катерина дочь Микулична!
Пойду к Бермяте – на скажу ему».
Да того Катерина не слушает,
На кровати с Чурилой забавляется.
Пошла девка-чернавка во Божью церковь,
Господу Богу помолилася,
Святым иконам поклонилася.
Говорила Бермяте таковы слова:
«Ай же ты, старый Бермята сын Васильевич!
Стоишь ты во церкви, Богу молишься,
Над собой невзгоды не ведаешь, –
У тебя в садах не по-старому,
Заскочил в сады твои чужой конь,
Стоптал у тебя зеленú траву.
А в терему у тебя гость гостит незванный,
С твоей женой забавляется».
Говорил Бермята девке-черनावушке:
«Правду говоришь, девка, – пожалуйю,
А неправду говоришь – срублю голову».
Пошел Бермята ко своему терему высокому,
Застучал во кольцо серебряное, –
Спит Катерина, не пробудится;
Застучал Бермята во второй раз –
Спит Катерина, не пробудится;
Застучал Бермята во третий раз
Во всю силу богатырскую,
Терем-то зашатался весь,
Маковки на тереме покосились.
Услышала Катерина Микулична,
Выбегала в одной рубашечке без пояса,
В одних чулочках без чоботов,
Отпирала ворота широкие.

Говорил Бермята сын Васильевич:
«Что это ты, Катерина, не снарядна идешь?
Ныне у нас ведь честный праздничек,
Христово Благовещенье».
А Катерина умела ответ держать:
«Ай же ты, старый Бермята сын Васильевич!
Мне ныне нездоровится,
Болит от угару моя головушка».
Пришел Бермята во высок терем,
Увидел платье Чурилово:
«Хороша ты, Катерина Микулична!
Я это платье на Чуриле видал».
А Катерина умела ответ держать:
«Это у моего братца любимого
С Чурилой цветным платьицем поменяно,
Они ныне с Чурилой побратались,
Цветным платьицем поменялись».
Берет Бермята саблю острую,
Идет в спальенку теплую.
Лежит Чурила на кровати слоновых костей,
На мягкой на перине пуховой.
Да не красная просветила зорюшка,
Острая промахнула сабелька,
Да не скатная жемчужина скатилась,
Чурилова головушка свалилась,
Падала на пол Чурилова головушка,
Желтые кудерышки по полу рассыпались.
Услышала Катерина Микулична,
Брала Катерина булатный нож,
Выходила она на широкий двор,
Ставила нож черенком во сыру землю,
Бросалась на булатный нож грудью белою.
Так и сгинуло тут две головушки.

СТАРИНА СОРОК ПЕРВАЯ
МИХАЙЛО КОЗАРИН

А еще было в Киеве у князя Владимира,
Как из далеча-далеча чиста поля
Выезжает удалый добрый молодец
Михайло Козарин Петрович млад.
Его род-племя не в любви держал,
Батюшка с матушкой не жаловали,
И ездил он один в поле двадцать лет.
А и едет он ко городу Киеву,
Едет ко ласкову князю Владимиру,
Чудотворцам в Киеве молиться,
И Владимиру князю поклониться,
Послужить верою и правдою.
Как и будет он в городе Киеве,
Среди двора княженецкого,
Скочил Козарин со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному,
Идет во гридню во светлую,
Ко великому князю Владимиру,
Молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны.
Говорил ему ласковый Владимир-князь:
«Гой еси, удалый добрый молодец!
Коей ты земли, коего города,
Еще как тебя, молодца, именем зовут?
А по имени тебе можно место дать,
По отчеству можно пожаловать».
Говорит удалый добрый молодец:

«Я из славного города из Галича,
А зовут меня Михайло Козарин Петрович млад,
Хочу послужить тебе, государь Владимир-князь,
Послужить тебе верой-правдою».
А в ту пору стольный Владимир-князь
Наливал ему чару зелена вина,
Не велика мера – в полтора ведра,
И турей рог меду сладкова в полтретья ведра.
Принимает Козарин единой рукой,
А и выпил единым духом.
Говорил ему ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, Михайло Козарин млад!
Сослужи ты мне службу верную,
Съезди ко морю синему,
Настреляй гусей, белых лебедей,
Перелетных серых уток
Ко моему столу княженецкому, –
Дó люби я молодца пожалую».
Козарин князя не ослушался,
Помолился богу, сам и вон пошел,
И садился он на добра коня,
И поехал ко морю синему,
Что на теплы тихи заводи.
Как и будет у моря синего,
Настрелял он гусей, лебедей,
Перелетных серых уток,
И поехал от моря от синего
Ко стольному городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Наехал в поле сыр крековистый дуб,
На дубу сидит черный ворон,
Черный ворон воронович,
С ноги на ногу переступывает,

Он правільны перушки поправливает,
Ноги у ворона, как огонь горят.
Михайло Козарин дивуется:
«Сколько по полю я езживал,
А такого чуда не наезживал».
Вынимал Козарин свой тугой лук,
Хочет застрелить черна ворона,
Потянул свой тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей.
И завыли рога у туга лука,
Заскрипели полосы булатные.
Провещал ему черный ворон:
«Гой еси ты, удалый добрый молодец!
Не стреляй меня ты, черна ворона,
Черна ворона вороновича,
Моей крови тебе не пить будет,
Моего мяса не есть будет,
Не утешить сердца молодецкого.
Скажу я тебе добычу богатырскую:
Поезжай на гору высокую,
Посмотри в раздолья широкие
И увидишь в поле три черна шатра,
И стоит беседа дорог рыбей зуб,
На беседе сидят три татарина,
Три татарина, три наездника,
Перед ними стоит красна девица,
Красна девица-полоняночка».
Не стрелял Козарин черна ворона,
Поехал он на гору высокую,
Смотрел в раздолья широкие
И увидел в поле три черна шатра,
Сидят три татарина неверные,
Три собаки-наездника поганые,

Перед ними стоит красна девица,
Красна девица-полоняночка.
Поехал Козарин к тем трем шатрам,
Не доехавши, стал выслушивать,
Стал выслушивать, выведывать.
Чесала девица буйну голову, косу плела,
Косу плела, жалобно причитаючи:
«Ты коса моя, коса русая,
Горе-горькое, моя русая косынька!
Как была я девкой малёшенькой,
Чесала маменька мне буйну голову,
Косу плела, сама приговаривала:
«Ты коса, коса девья русая!
Ты кому, коса девья, достанешься, —
Князьям ли, боярам ли, гостю ли торговому?»
Доставалась коса моя русая
Трем татаринам-наездникам».
Утешает девицу первый татарин:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не скорби, девица, лица белого,
Отдам тебя за сына большего».
Плачет девица, не слушает,
Плачет, как река течет.
Утешает ее другой татарин:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Я отдам тебя за сына среднего».
Плачет девица пуще прежнего,
Плачет, как река течет.
Утешает ее третий татарин:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Я тебя за себя в жены возьму,
У меня есть сабля необновленная,
Поженю саблю на твоей шее».

Тут Козарину за обиду стало,
За великую досаду показалось.
Наехал Козарин на черны шатры,
Первого татарина конем стоптал,
Другого татарина копьем сколол,
Третьего татарина саблей посек.
Брал девицу-полоняночку за белы руки,
Ведет ее в шатер полóтняный:
«Уж мы станем, девица, с тобой ночь делить».
Тут расплается красна девица:
«А не честь твоя богатырская, удал молодец,
Не спросил ты не дядины, ни отчины».
Говорит тут Михайло Козарин млад:
«Ты какой земли, душа девица, какого города,
Чьего отца, чьей матери?»
Отвечала душа красна девица:
«Я из города из Галича, дочь гостя богатого,
Молода Марфа Петровична.
Я вечер гуляла в зеленом саду
Со своей сударынею матушкою,
Как издалеча из чиста поля,
Как черны вороны налетывали,
Набегали тут три татарина-наездника,
Полонили меня, красну девицу,
Повезли меня во чисто поле».
И за то слово Козарин спохватывается:
«Уж ты гой еси, душа красна девица,
Молода Марфа Петровична!
Ты по роду мне сестрица родимая,
Мы не можем с тобою ночь делить.
Мы поедem с тобой в стольный Киев-град
К славному князю Владимиру».
Тут Михайло Козарин Петрович млад

Собирает в шатрах злато-серебро,
Кладет во те сумы переметные,
Посадил девицу на своего коня богатырского,
Сам сел на татарского,
Еще двух в поводу повел,
И поехали они к городу Киеву.
И будут они в городе Киеве.
Приходил Козарин в гридню княженецкую,
Кланяется князю Владимиру и княгине Апраксии:
«Здравствуй, государь Владимир-князь
Со душою княгиней Апраксией!
Сослужил я тебе службу верную –
Настрелял гусей, белых лебедей
И перелетных серых уток.
А еще убил в поле трех татарин
И сестру родную у них выручил,
Молоду Марфу Петровичну.
Да привез тебе добычу богатырскую:
Три сумы злата-серебра,
Да привел еще трех добрых коней татарских». Пошли они на широкий двор
Смотреть тех коней татарских.
Говорил тут ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, удалый добрый молодец,
Михайло Козарин Петрович млад!
У меня есть три ста жеребцов
И три любимых есть жеребца,
А нет такого единого жеребца,
Каких ты из чиста поля привел.
Исполать тебе, добру молодцу,
Что служишь князю верою-правдою!»

**СТАРИНА СОРОК ВТОРАЯ
ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН**

Было у князя Владимира
Еще пированье-почестный пир
На многие князья и бояре,
И на русские могучие богатыри.
Был на пиру Илья Муромец с братьями названными
Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем,
Были Иван Годинович и Михайло Потык Иванович,
Были Хотенушка Блудович, Василий Казимирович,
Дюк Степанович, Ставр Годинович,
Были Михайло Скопин и Самсон Колыбанов.
Был еще на пиру Иван Гостиный сын.
Наедались на пиру, напивались,
Все на пиру порасхвастались,
Умный похвастал родной матушкой,
Безумный похвастал молодой женой,
Иной похвастал золотой казной,
Имением-богачеством.
Будет день в половине дня,
Будет пир во полупире,
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князья и бояре
И все русские могучие богатыри!
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на три ста жеребцов,
На три ста жеребцов и на три жеребца похваленные:
Сивогрив жеребец да кологрив жеребец,
Да еще Воронко, что полонен во Большой орде?
Сивогрив жеребец стоит на шести привязях,

Кологрив жеребец стоит на девяти привязях,
А Воронко жеребец на двенадцати привязях.
Пустим коней в урочный день
Из Киева скакать до Чернигова
Три девяноста-то мерных верст
Промеж обедней и заутренею.
Тут больший за меньшего хоронится,
От меньшего ему, князю, ответа нет.
Выступает тут со скамьи богатырской
Иван Гостиный сын,
Да кричит он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, государь, ласковый Владимир-князь!
Я похвалюсь на три ста жеребцов
И на три жеребца похваленные:
Сивогрив жеребец да кологрив жеребец,
Да Воронко жеребец, что полонен во Большой орде, –
Скакать из Киева до Чернигова
Три девяноста-то мерных верст
Промеж обедни и заутрени.
А бьюсь я, Иван, о велик заклад:
Не о ста рублях, не о тысячу –
О своей буйной голове».
За князя Владимира держат поруки крепкие
Все князья и бояре, и гости-корабельщики,
Заклад за князя кладут на сто тысячей;
А за Ивана никто поруки не держит.
Пригодился тут владыка черниговский,
А и он-то за Ивана поруки держит,
Поруки крепкие на сто тысячей.
Подписался молодой Иван Гостиный сын.
Пошел с пира, призадумался,
Призадумался он, запечалился.
Пошел Иван на конюшню белодубову
Ко своему коню доброму,

К бурушке-косматушке троелеточке,
Падал ему в правое копытчко:
«Уж ты гой еси, мой добрый конь,
Мой Бурушко косматенький!
Заложил я, Иван, свою буйну голову.
Бился с князем о велик заклад
На три его жеребца похваленные:
Сивогрив жеребец да кологрив жеребец
И Воронко, что полонен во Большой орде,
Скакать из Киева до Чернигова
Три девяноста мерных верст
Промеж обедней и заутреней».
Провещал ему добрый конь
Бурушко-косматушко троелеточко:
«Гой еси ты, хозяин мой любимый!
Не о чем ты, Иван, не печалуйся:
Сивогрива жеребца того не боюсь,
Кологрива жеребца того не блюдусь,
В задор войду – у Воронка уйду;
Ты води, Иван, меня по три зорі,
Выкупай, Иван, меня во трех росах,
Корми меня пшеном белояровым,
Пои сытою медвяною.
Придет от князя грозен посол
По тебя Ивана Гостиного
Бежать-скакать на добрых конях,
Не седлай ты меня, Иван, добра коня,
Только берись за шелков поводок,
Поведешь меня по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную.
Стану я, Бурушко, передом ходить,
Копытами за шубу поцапывать,
По черному соболю выхватывать,
На все стороны побрасывать,

Князья-бояре подивуются.
И ты будешь жив – шубу наживешь,
А не будешь жив – будто не нашивал». По сказанному и по писанному
От великого князя посол пришел,
А зовет-то Ивана на княженецкий двор.
Скоро Иван снаряжается.
Надевал на себя шубу соболиную,
Повел Бурушку за шелков поводок.
Будет Иван среди двора княженецкого,
Стал Бурушко передом ходить,
Копытами за шубу поцапывать,
По черному соболу выхватывать,
На все стороны побрасывать, –
Князья и бояре дивуются.
Рявкнул Бурушко по-туриному,
Он шип пустил по-змеиному.
Задрожала матушка сыра-земля.
Триста жеребцов испужались,
С княженецкого двора разбежались.
Сивогрив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тот и голову сломил,
Полонян Воронко в Большую орду бежит,
Он, хвост подняв, сам всхрапывает.
А князья-то и бояре испужались,
Окарачь они по двору наползались.
А Владимир-князь со княгинею печален стал,
Кричит сам в окошечко косящется:
«Гой еси ты, Иван Гостиный сын!
Уведи ты зверя люта со двора долой,
Того Бурушку-косматушку троелеточка, –
Все поруки крепкие как бы не были,
Записи все о велик заклад изодраны».

**СТАРИНА СОРОК ТРЕТЬЯ
МИХАЙЛО СКОПИН**

Еще было во стольном во городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Крестили младого князевича,
А Михайло Скопин кумом был,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
Заводил Владимир-князь почестен пир
И звал на пир Скопина сына Михайлова.
И говорила Скопину родна матушка:
«Гой еси, мое чадо милое!
Не ездил бы ты, чадо, ко князю Владимиру,
Славен ты делами богатырскими,
Изведут тебя бояре лукавые,
Наскажут на тебя князю Владимиру.
У Владимира кумой ведь дочь Малютина,
Умышляют они зло на тебя, Михайлушка».
А Скопин матушки не слушался,
Поехал он на пир ко князю Владимиру.
Много было на пиру князей и бояр, и званых гостей,
И много могучих богатырей русских.
И сидела на пиру дочь Малютина,
Сидела она на почестном месте
Супротив князя Владимира и княгини Апраксии.
Они пьют, пируют трое суток,
Все они стали на пиру пьянешеньки,
Все стали они веселешеньки,
Все они на пиру порасхвастались,
Сильный хвастает силою,
Богатый хвастает богатством.
И похвастал тут Скопин добрый молодец:

«Уж я много, Скопин, по землям бывал,
Уж я много, Скопин, городов брал,
Очищал от поганных землю русскую,
Я Малюту-короля во полон взял,
У Малютиных дочерей на грудях лежал».
Услыхала тут дочка Малютична,
Эти речи ей не по разуму,
За великую обиду показались.
Брала она чару серебряную,
Спускалась во погреб глубокие,
Намерила чару зелена вина,
Невелику-немалу – полтора ведра,
Клала коренья зелья лютого:
Загорелось в чаре серебряной,
Посреди чары пламя мечет,
По бокам чары искры сыплются.
Выносит она чару зелена вина правой рукой,
Во левой руке выносит чадо милое,
Чадо милое, князевича.
Подходит она ко столикам дубовым,
Подходит ко Скопину сыну Михайлову,
Низешенько ему кланяется:
«Гой еси, Скопин сын Михайлович!
Уж ты выкушай чару зелена вина,
Поздравить надо нам любима крестника».
Говорит Скопин сын Михайлович:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир-князь!
Выпить мне эту чару – живому не быть,
А не выпить чару – виноватым быть».
И говорит Скопин богатырям русским:
«Уж вы братцы мои крестовые,
Русские могучие богатыри!
Как выпью я чару зелена вина,
Посадите меня вы на добра коня,

Спроводите меня к родной моей матушке». Глядят, смотрят все русские богатыри: Посреди чары пламя мечет, По бокам чары искры сыплются. Понадеялся Скопин на могуту-силу, На свою удачу богатырскую, Пьет ту чару за единый дух. Скоро тут сидит Скопин не по-старому, Не по-старому Скопин сидит, не по-прежнему, Повесил он свою буйну голову. Говорит он дочери Малютине: «Уж ты гой еси, кума ты моя крестовая! Опоила ты меня зельем лютым. Ты злодейка-кума, змея лютая, Змея лютая, дочь Малютина». Вскочил он, Михайло, со скамьи дубовой, Вышел он на широкий двор, Добрый конь его стоит обузданный, Обузданный конь, оседланный. Вышли с ним богатыри русские, братцы крестовые, Илья Муромец с Добрыней Никитичем, Посадили Михайлу на добра коня, Проводили его к родной матушке. Едет Михайло Скопин да не по-старому, Не по-старому едет, не по-прежнему, Доезжает до своего высока терема; Увидала его матушка родимая: «Едет чадо мое милое не по-старому, Едва он, видно, на коне сидит». Металась она вон на улицу, Снимала его со добра коня, Стала Михайлу выпрашивать: «Уж ты гой еси, чадо мое любимое! Что же ты приехал не по-старому?

Или пир тебе не по уму был, не по разуму?
Я тебе, чадо, наказывала
Не ездить ко князю Владимиру,
А ты меня не послушался».
Говорит ей Скопин таково слово:
«Гой еси, матушка моя родимая!
Поди за попами да причетниками,
Надо мне скорее нынче покаяться!»
Скоро привели попов, причетников,
Покаялся Скопин сын Михайлович.
Повалили его на лавку на брусчатую
Под иконы святые.
Немного прошло поры-времени,
Преставился Скопин сын Михайлович,
Сделали ему гроб, вечный дом,
Верх обтянули камкой хрущатой,
Хоронили Скопина сына Михайловича,
В буйну голову клали меч-кладенец,
Во праву руку саблю острую,
А во леву руку клали тугой лук,
А во резвы ноги копьцо бурзамецкое.
Погребли, похоронили добра молодца.
Брала мати книжечку волхóвную,
Посмотрела она книгу волхóвную,
Надевала на себя шубу кунью,
Отправлялась ко солнышку Владимиру.
Говорит она солнышку Владимиру:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир-князь!
Не на пир зовешь ты, не за честный стол,
Зовешь ты нынче богатырей губить-опаивать,
Опоил ты зельем лютым мое чадо милое,
Как того ли Скопина сына Михайловича».

СТАРИНА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

А еще из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова,
Начинали калики наряжаться
Ко святому граду Иерусáлиму,
Сорок калик со каликою.
Становились во единый круг,
Они думали думушку единую,
А единую думушку крепкую;
Выбирали большего атамана
Молоды Касьяна сына Михайлыча.
А и молодой Касьян сын Михайлович
Кладет заповедь великую
На всех тех дородных молодцев:
«А идти нам, братцы, дорога не ближняя –
Идти будет ко городу Иерусáлиму,
Святой святыни помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Иордан-реке искупатися,
Нетленною ризой утеретися,
Идти селами и деревнями,
Городами теми с пригородками.
А в том-то ведь заповедь положена:
Кто украдет или кто солжет,
Али кто пустится на женский блуд,
Не скажет большему атаману,
Атаман про то проведает, –
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю».
И в том-то ведь заповедь подписана,
Белыя рученьки исприложены:
Атаман Касьян сын Михайлович,

Податаманья – брат его родной
Молодой Михайло Михайлович.
Пошли калики в Иерусалим-град.
А идут неделю уже споряду,
Идут уже время немалое,
Подходят уже они под Киев-град,
Сверх той реки Чёреги,
А и вышли они из ра́мения,
Навстречу им Владимир-князь:
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уток,
Лисиц, зайцев всех поганивает.
Завидели его калики перехожая,
Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Скричат калики зычным голосом, –
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окарачился,
А богатыри с коней попадали.
Поклонились калики удалы молодцы
Великому князю Владимиру,
Просят у него святую милостыню,
А и чем бы молодцам душу спасти.
Отвечает им ласковый Владимир-князь:
«Гой вы еси, калики перехожая!
Хлебы с нами завóзные,
А и денег со мною не имеется,
А и езжу я, князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами,
За соболями и куницами,
И стреляю гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уток.

Изволите вы идти во Киев-град
Ко душе княгине Апраксие;
Напоит-накормит вас, добрых молодцев,
Наделит вам в дорогу злата-серебра».
Недолго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Киеву.
А и будут в городе Киеве,
Среди двора княженецкого,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исподвесили,
Подсумочья рыта бархата,
Скричат калики зычным голосом, –
С теремов верхи повалилися,
А с горниц охлупья попадали,
В погребах питья сколыбалися.
Становились во единой круг,
Просят святую милостыню
У молодой княгини Апраксии.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню.
Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом, поклоняются
Молоду Касьяну Михайловичу
Со его товарищами,
Зовут хлеба есть во светлу гридню
К молодой княгине Апраксие.
А и тут Касьян не ослушался,
Пошли во гридню во светлую,
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксия
Ручки поджала, будто турчаночка,
С ней ее нянюшки и мамушки,

Красныя санныя девушки.
Молодой Касьян сын Михайлович
Садился в место большее,
От лица его молодецкого
Как бы от солнышка от красного
Лучи стоят великия.
Помещались тут все добры молодцы
А и те калики перехоžia
За те столы убранныя.
А и стольники-чашники
Поворачивают-пошевеливают
Своих они приспешников.
Понесли яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя.
А и те калики перехоžia
Сидят за столами убранными,
Убирают яства сахарныя,
А и те ведь пьют питья медвяныя,
И сидят они время час-другой,
Во третьем часу подымались,
Поднявшись, они богу молятся,
За хлеб за соль челом бьют
Молодой княгине Апраксие
И всем стольникам и чашникам.
И стоят они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксии,
Наделила б на дорогу златом-серебром,
Сходить бы во град Иерусалим.
А у молодой княгини Апраксии
Не то в уме, не то в разуме:
Шлет Алешеньку Поповича
Атамана их уговаривать
И всех калик перехожиих,
Чтоб не идти бы им сего дня.
И стал Алеша уговаривать

Молода Касьяна Михайловича,
Зовет к княгине Апраксие
На долгия вечера посидети,
Забавныя речи побайти,
А сидеть бы наедине во спальне с ней.
Замутилось сердце молодецкое
У молодца Касьяна сына Михайловича,
Отказал он Алеше Поповичу,
Не идет на долгия вечера
К молодой княгине Апраксие
Забавныя речи байти.
На то княгиня осердилася,
Посылает Алешеньку Поповича
Прорезать у Касьяна суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет.
Алеша-то догадлив был,
Распорол суму рыта бархата,
Запихал чарочку серебряну
И зашивал ее гладехонько.
С тем калики и в путь пошли
С широка двора княженецкого,
С молодой княгиней не прощаются,
А идут калики не оглянутся.
И отошли они верст десяточек
От стольного города Киева,
Молода княгиня Апраксия
Посылает Алешу за ними во погон.
Настиг Алеша калик во чистом поле,
У Алеши вежество нерожденное,
Стал он с каликами заздоровать,
Обличает ворами-разбойниками:
«Вы-то, калики, воры-разбойники,
Бродите вы по миру по крещеному,
Что украдете, своим зовете,

Покрали княгиню Апраксию,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет!»
А в том калики не даются ему,
Не давались Алеше на обыск себе.
Во то же время и во тот же час
Приехал князь из чиста поля
И с ним Добрынюшка Никитич сын.
Посылает княгиня Апраксия
За каликами Добрынюшку.
В ту пору Добрынюшка не слушался,
Скоро поехал он во чисто поле,
Настиг он калик во чистом поле.
У Добрыни вежество рожденое и ученое,
Соскочил с коня, челом бьет:
«Гой еси, Касьян Михайлович,
Не наведи на гнев князя Владимира,
Прикажи обыскать калик перехожиих,
Нет ли промежду вас глупого!»
Молодой Касьян сын Михайлович
Ставил калик во единой круг
И велел он друг друга обыскивать
От малого до старого,
До себя, Касьяна Михайловича.
Нигде та чарочка не явилася,
У молода Касьяна пригодилася.
Тут братец Михайло Михайлович
Принимался за заповедь великую,
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле
Молода Касьяна Михайловича.
Отдавали Добрыне чарочку серебряну.
И будет Добрынюшка в Киеве
У молодой княгини Апраксии,

Привез он чарочку серебряну,
Виноватого назначено –
Молода Касьяна сына Михайловича.
А с того времени-часу
Захворала она скорбью недоброю:
Слегла княгиня в великом гноище.
Ходили калики в Иерусалим-град,
Шли они туда три месяца,
А и будут в граде Иерусалиме,
Святой святыне помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Иордане-реке искупалися,
Нетленною ризой утиралися.
А все-то молодцы отправили;
Служили обедни с молебнами
За свое здравие молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
И идут назад уже три месяца,
И увидели молода Касьяна сына Михайловича.
Выскакивал он из сырой земли,
Как ясен сокол из тепла гнезда;
А все они, молодцы, дивуются
На его лицо молодецкое;
А и кудри на нем до самого пояса,
Стоял Касьян не мало число,
Стоял он в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.
Пошли все вместе ко городу Киеву.
И скоро будут они во городе Киеве.
Позвал их Владимир в свою гридню светлую.
Спрашивает молодой Касьян сын Михайлович:

«Гой еси, государь Владимир-князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксия?»
Владимир-князь едва речь выговорил:
«Лежит княгиня Апраксия шесть месяцев,
Полгода лежит она в великом гноище».
Пошли с князем во спальню к ней.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящетые.
В ту пору княгиня прощенья просит,
Что нанесла она напраслину.
Тут молодой Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На молодую княгиню Апраксию, –
И сошло с нее гноище великое,
Стала княгиня Апраксия опять здрава.
Оградил ее святой рукой,
Прощает ее плоть женскую:
Лежала в сраму полгода.
А и тут ласковый Владимир-князь
Сажал их, калик, за убраны столы,
Стали пить, есть, потешатися.
И вставали калики на резвы ноги,
Спасову образу молятся
Бьют челом князю Владимиру
С молодой княгиней Апраксией
За хлеб за соль его.
Тут прощаются калики с князем Владимиром
И с молодою княгинею Апраксией.
Собрались они и в путь пошли
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и деянье.

СТАРИНА СОРОК ПЯТАЯ
ЦАРЬ СОЛОМОН И ЦАРИЦА СОЛОМАНИДА

На ту пору, на то время
За славным было за синим морем,
Во стольном было во Царе-граде,
У царя ли Василия Окуловича
Заведен был великий почестен пир.
Белый день идет к вечеру,
Почестный пир идет навеселе,
Царь Василий Окулович распотешился,
Похаживал по гридне, выговаривал:
«Уж вы мои князья-бояре,
Вы сильные могучие богатыри,
Все вы у меня в Царе-граде поженены,
Только я, царь Василий, холост хожу,
Холост хожу, неженат гуляю.
Вы не знаете ли мне супротивницы,
Супротивницы, красной девицы,
Кабы станом статна, умом сверстна;
Лицо у ней было б белый снег,
Щеки как бы маков цвет,
Очи были бы ясна сокола,
Брови были бы черна соболя,
Походка была бы лани златорогой».
Тут больший за меньшего хоронится,
От меньшего ему, царю, ответа нет.
Из того ли стола из-за окольного,
С той ли скамейки дорог рыбей зуб
Вставал Таракашка, гость заморянин,
Поклонился низешенько царю Василию:
«Позволь, государь, слово молвить!
Бывал я далече за синим морем,

Во стольном граде Иерусалиме
У премудрого царя у Соломана
Есть прекрасная царица Соломанида,
Станом статна, умом сверстна,
Лицо у ней как бы белый снег,
Щеки как бы маков цвет,
Очи у ней ясна сокола,
Брови у ней черна соболя,
Походка будто лани златорогой.
Не видал я другой такой на белом свете.
Сидит, государь, во высоком во тереме,
Ее красно солнышко не обпечет,
Часты дождички не обмочат,
Добрые люди не обсмеют».
Говорит ему царь Василий Окулович:
«Глуп ты, Таракашка, гость заморянин,
Глупую речь ты молвишь!
Как от жива мужа жену отнять?»
Отвечал царю Таракашка, гость заморянин:
«Ай же ты, государь, Василий Окулович,
Я ведь знаю, как от жива мужа жену отнять:
Построй мне три корабля червлёных,
Носы, кормы взводи по-звериному,
Бока взводи по-змеиному,
Заместо очей – по лисице печерской,
Заместо бровей – по соболу сибирскому,
Поставь по древу кипарисному,
На древо посади птиц райских,
Чтобы пели песенки по-царскому;
Построй кровать слоновых костей,
В заголовье поставь гусельшки,
Чтобы сами гудели, сами танцы вели,
Танцы Царя-града, утехы Иерусалима,

Отпевали ум во буйной головы.
А еще накали бочки зелена вина забыдущего.
Привезу тебе, царь, прекрасную Соломаниду».
Сделал царь Василий Окулович все сказанное.
Скоро Таракашка собирается,
За сине море пускается.
Будет он у града Иерусалима.
В ту пору приходит царь Соломан премудрый
К царице Соломаниде:
«Ай же ты, прекрасная царица Соломанида!
Пришел я к тебе проститься:
Поеду я теперь в чисто поле».
Отвечает ему царица Соломанида:
«Премудрый Соломан царь Давыдович!
Виделось мне во сне ночью:
Кабы распаялся у тебя на правой руке злат перстень».
Говорил Соломан царице Соломаниде:
«Сама ты спала, себе сон видела».
Говорит царица Соломанида царю Соломану:
«Еще, государь, мне во сне виделось:
Кабы из твоего саду из зеленого
Везли твою лебедь белую».
Умеет Соломан сон судить:
«Прекрасная царица Соломанида!
Не сдавайся на прелести мужеские».
Попростился, уехал в чисто поле.
Тут Таракашка заморянин
Приходит к царице во высок терем:
«Ай же ты, прекрасная царица Соломанида!
Принимай от меня дороги подарочки,
Позволь поторговать во граде Иерусалиме
Товарами заморскими.
Посылай ты оценщиков на мои корабли червленые,

Оценить мои товары заморские».
Посылала Соломанида оценщиков.
Приходили оценщики на те корабли червленые,
На первый корабль пришли –
Подносил им Таракашка чару зелена вина забыдущего:
«Выпейте-ка наших напитокочков заморских,
У вас в Иерусалиме нет таких и не водится».
На второй корабль пришли –
И тут подносил им Таракашка чару зелена вина забыдущего.
На третий корабль пришли –
Поднес им Таракашка еще чару зелена вина забыдущего.
Упивались оценщики, кто где стоял, попадали,
Как мертвые лежат.
Приходит Таракашка к царице Соломаниде:
«Ай же ты, прекрасная царица Соломанида!
Над заезжим гостем насмехаешься:
Не оценщиков прислала, пьянь-голь кабацкую:
Упились зелена вина, валяются, кто где пал».
Тут сама Соломанида поднимается –
Оценить те товары заморские.
Приводил ее Таракашка на первый корабль,
Подносил чару вина забыдущего:
«Выпей-ка, царица, наших напитокочков заморских,
У вас в Иерусалиме таких нет и не водится».
Приводил ее Таракашка на другой корабль
И там подносил чару вина забыдущего.
Привел на третий корабль, где кровать слоновых костей,
Поднес чару вина забыдущего.
Тут упилась царица Соломанида,
Ложилась спать на кровать слоновых костей.
Закричал Таракашка зычным голосом:
«Эй вы все, шкипера мои, работники!

Подымайте паруса полотняные,
Уплывайте далече во сине море».
Все тут шкипера-работники заметались,
Подымали паруса полотняные,
Уплывали далече во сине море.
Пробудилась Соломанида от крепкого сна:
«Ай же ты, Таракашка, гость заморский!
Про себя везешь али про друга-товарища?» –
«Ай же ты, царица прекрасная Соломанида!
Не про себя везу тебя,
Везу в Царь-град к царю Василию Окуловичу».
Скоро приплывали они ко Царю-граду,
Встречает царь Василий Окулович,
Берет Соломаниду за руки белые,
Целует во уста сахарные,
Ведет ее в церковь свою басурманскую –
Венчаться по-своему по-басурмански.
В ту пору, в то времечко
Приезжает Соломан премудрый из чиста поля,
Нет в тереме царицы Соломаниды.
Набрал он силы сорок тысячей,
Пошел круг синя моря ко Царю-граду.
Будут они у Царя-града.
Тут наказывал Соломан силе своей:
«Ай же ты, войско мое хороброе!
Один я пойду теперь во Царь-град.
Затрублю я во турий рог первый раз, –
Так вы скоро седлайте добрых коней.
Затрублю я во турий рог во второй раз, –
Так вы скоро садитесь на добрых коней.
Затрублю я во турий рог третий раз, –

Так вы скоро скачите мне на выручку».
Приходит Соломан во Царь-град,
Идет он к палатам царским белокаменным,
Закричал Соломан зычным голосом:
«Ай же ты, прекрасная царица Соломанида!
Подай мне, калике перехожему, милостыню».
Услышала Соломанида прекрасная,
Узнала Соломана по голосу:
«Ай же ты, царь Соломан премудрый!
Прости ты вину мою женскую,
Обманом увезена я из Иерусалима,
Выдана в жены царю Василию Окуловичу.
Возьми меня назад в Иерусалим-град,
Пока он, Василий, в отлучке будет».
Зазвала Соломана в палаты царские,
Поила-кормила питьями-яствами.
Слышит, вернулся из отлучки Василий-царь.
Куда спрятать Соломана премудрого?
«Поди-ка, Соломан, в кован сундук».
Залез Соломан в кован сундук,
А Соломанида на сундук садилася,
Говорила царю Василию Окуловичу:
«Ай же ты, царь Василий Окулович!
Сказали, Соломан-то хитер, мудер,
Ныне Соломана глупее нет,
Сидит Соломан под жопой под женскою.
Предай ты Соломану смерть скорую!»
Выпускали Соломана из сундука кована.
Говорил Соломан царю Василию Окуловичу:
«Ай же ты, царь Василий Окулович!
Ты казни меня не по-вашему,
Ты казни меня по-царскому,
Как у нас в Иерусалиме царей казнят-вешают;

Прикажи ты в чистом поле
Вкопать два столбика дубовые,
Класть на них грядочку кленовую,
Ко грядочке привязать три петельки шелковые:
Первую петельку шелку красного –
Класть буйну голову,
Другую петельку шелку белого –
Класть белы рученьки.
Третью петельку шелку черного –
Класть резвые ноженьки».
Сделал царь Василий все сказанное.
Поехали они к той виселице дубовой;
Едет Соломан царь премудрый,
Едет царь Василий Окулович,
Едет царица Соломанида,
Едет Таракашка, гость заморянин.
Говорил Соломан таково слово:
«Передние-то колеса конь везет,
А задние-то колеса черт несет».
Приехали к виселице дубовой.
Вставал Соломан на первую ступень,
Говорил царю Василию Окуловичу:
«Ай же ты, царь, Василий Окулович!
Пасывал я в малолетстве скотину крестьянскую,
Сделай мне милость последнюю,
Позволь, государь, заиграть во турий рог».
Сделал ему царь Василий милость последнюю.
Затрубил Соломан во турий рог:
Войско его хороброе всколыбалось,
Скоро седлало добрых коней.
Убоялся царь Василий, уполóшился:
«Что за чудо, Соломан, сотворилось,
Что в чистом поле стучит-бренчит?» –

«Не бойся, Василий-царь, не пугайся,
То мои кони в Иерусалиме
Пошли со стойла в темны леса,
Бьют копытами в сыру землю,
Поминают Соломана премудрого».
Вступил Соломан на вторую ступень,
Затрубил в турий рог во второй раз:
Войско хороброе все всколыбалось,
Скоро садилось на добрых коней.
Убоялся Василий, уполошился:
«Что за чудо, Соломан, сотворилось,
Что еще в чистом поле стучит-бренчит?» –
«Не бойся, Василий-царь, не пугайся,
То мои гуси-лебеди в Иерусалиме
Полетели из саду во темны леса,
Бьют крылами о темный лес,
Поминают Соломана премудруго».
Вступил Соломан на третью ступень,
Затрубил в турий рог третий раз:
Налетело войско хороброе,
Будто ясные соколы с поднебесья.
Наехали к виселице дубовой,
Снимали с виселицы Соломана премудрого,
А царя Василия Окуловича
Клали во петлю шелка белого,
Прекрасную царицу Соломаниду
Клали во петлю шелка красного,
Гостя Таракашку заморского
Клали в петлю шелка черного.

СТАРИНА СОРОК ШЕСТАЯ
КАЛИКА-БОГАТЫРЬ

Из-под ельничка, с-под березничка,
Из-под часта молодого орешничка,
Выходил калика перехожая,
Сильный могучий-то Иванище,
Выходил калика на те поля,
На те поля на широкие,
На те луга на зеленые,
У той матушки у Почай-реки.
Тут стоит силушка несметная,
Несметная сила, непомерная,
Серому волку не обрыскать,
Ясному соколу не облететь.
Посереди силы той неверной
Сидит татарище-басурманище,
Он схватил татарища за желты кудри:
«Скажи, татарище-басурманище!
Много ли вашей силы скопилось,
Куда эта сила снарядилась?»
Отвечает татарище-басурманище:
«Нас тут три тьмы силы, по три на десять тысяч
От того царя сарацинского Василия Окуловича,
Снарядилась силушка под Киев-град,
Хотят Киев-град головней катить,
Добрых молодцев под меч склонить,
А добрых коней табунами гнать,
А живот со града вон телегами».
О костыль калика подпирается,
Высоко калика поднимается,
Как повыше лесу стоячего,
Да пониже облака ходячего.

Пришел калика Иванище ко Киеву,
Вставал калика посреди Киева,
Закричал он во всю голову,
С теремов маковки повалилися,
Околенки посыпалися,
На столах питья расплескалися,
Все в Киеве да ужаснулись:
«Еще что это за уродище?»
Выходил Алешенька поповский сын,
Берет палицу булатную,
Не грузна палица – в девяноста пуд,
Бьет калику по головушке,
Каликушка стоит не тряхнется,
Желты кудри не сворохнутся.
Выходил Добрынюшка Никитич сын,
Берет Добрынюшка червлёный вяз,
Не грузный вяз – в девяноста пуд,
Бьет калику по головушке,
Каликушка стоит не тряхнется,
Желты кудри не сворохнутся.
Выходил тут старый казак Илья Муромец,
Говорил он таково слово:
«Уж вы, глупые русские богатыри!
Почто бьете калику по головушке?
У калики надо вестей спрашивать:
Куда шел, калика, что видел, Иванище?»
Говорит калика Иванище:
«Уж я шел, калика, по тем полям,
По тем полям по широкиим,
По тем лужкам по зеленыим,
У матушки у Почай-реки
Уж я видел тут силушку великую,
Серому волку не обрыскать,

Ясному соколу не облететь.
Собралось по три тьмы силы, по три на десять тысячей
От того царя сарацинского Василия Окуловича,
Снарядилась силушка под Киев-град».
Говорит Илья Муромец калике Иванищу:
«Ай же ты, калика Иванище,
А идешь ли с нами во товарищи
На ту силу на великую?»
Отвечает Илье калика Иванище:
«Ай же ты, славный русский богатырь,
Старый казак Илья Муромец!
Я иду с вами во товарищи».
Садились богатыри на добрых коней,
Они с города ехали не воротами,
Скакали прямо через стену городóвую,
Через ту башню наугольную.
А и калика Иванище не отстает,
На костыль подпирается,
Перескочил стену городовую.
Наехали богатыри на ту силу великую,
Илья Муромец правой рукой,
Добрыня с Алешей левой рукой,
Калика пошла середочкой.
Стали рубить, колоть, конем топтать,
А калика Иванище костылем разить,
Прибили они всю силу неверную,
Кого прибили, кого в полон взяли.
Отпустил Илья Муромец полон басурманский,
Говорил им таковы слова:
«Вы поедьте ныне по своим местам,
Вы чините везде такову славу,
Что святая Русь не пуста стоит,
На святой Руси есть сильные, могучие богатыри».

СТАРИНА СОРОК СЕДЬМАЯ
БОГАТЫРИ В ЦАРЬГРАДЕ

У Владимира Красна Солнышка
Было еще пиrowанье-почестный пир.
Говорит Владимир своим богатырям русским,
«Ай же вы, богатыри русские!
«То вам, богатырям, ведомо ли, известно ли:
Напускает на Русь царь сарацинский
Тот ли Василий Окулович
Еще силу свою неверную, басурманскую,
Да сорок своих богатырей царьградских,
Хочет изгнать меня из города Киева,
Побережь бы вам, меня, Владимира,
Побережь бы вам стольный Киев-град».
Заслышали русские богатыри таково слово,
Семь богатырей русских:
Первой богатырь славный Илья Муромец,
Второй богатырь Добрыня Никитич млад,
Третий богатырь Алеша Попович млад,
Четвертый богатырь Самсон Колыбанович,
Пятый богатырь Сухман Сухманович,
Шестой богатырь Потык Михайло Иванович,
Седьмой богатырь Никита Заолешанин.
И говорит князю старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты, государь Владимир стольнокиевский!
Не навыкли мы, князь, сторожами быть,
Только мы навыкли в чистом поле ездить,
Побивать басурман, татаровей поганных;
Поедем мы, государь, в чисто поле,
Не допустим до Киева богатырей царьградских».
Идут же богатыри ко своим добрым коням,
И кладут на себя доспехи крепкие,

Садятся они на своих добрых коней,
Едут богатыри в чисто поле.
И говорит старый казак Илья Муромец:
«Чем нам терпеть ту срамоту великую,
А пойдем мы, братцы, прямо к Царю-граду!»
И как будут они от Царя-града за три версты,
Переезжают они Смугру-реку,
Идут им навстречу калики перехожие,
Семь их, калик, и платье на них калическое.
Посылает Илья Муромец Алешу Поповича,
Чтобы им платьем с каликами меняться.
И приехал к каликам Алеша Попович млад,
А сам говорит таково слово:
«Гой еси вы, калики перехожие!
Давайте вы нам с себя платье калическое,
А у нас берите платье светлое».
И говорят калики таково слово:
«Гой еси ты, Алеша Попович млад!
Не дадим тебе мы своего платья калического».
А у калик атаман, Касьяном зовут,
А родом из села Карачарова.
И приезжает к ним старый казак Илья Муромец,
А сам говорит таково слово:
«Гой еси вы, калики перехожие!
А браниться нам ведь не за что.
Берите вы у нас платье светлое,
А нам давайте платье калическое!»
И говорят калики таково слово:
«С тобою перечиться, Илья, нечего».
Дают калики перехожие
Свое платье с себя калическое,
А богатыри дают с себя платье светлое.
Да спрашивает тут Илья Муромец:

«А что, Касьян, вы видели-то во Царе-граде?»
Отвечал ему Касьян, атаман кáличий:
«Ездят в Царе-граде богатыри сарацинские, хвалятся,
Хотят идти к Киеву – учинить сечу великую,
А князя Владимира изгнать из Киева,
Посадить в Киеве Идолище свое поганое».
И говорит Илья Муромец братцам названным:
«Слышите ли, братцы, таково слово?»
Оставляют они своих добрых коней у Смугры-реки,
И все свои доспехи богатырские,
Берут только по булатной палице,
Несут те палицы под полами долгими.
И пошли они прямо ко Царю-граду.
И спрашивал тут старый казак Илья Муромец:
«Кто у нас, братцы, говорить горазд языком татарским?»
И отвечал ему Никита Заолешанин:
«Всех у нас лучше говорить горазд
Алеша Попович млад».
И как пришли богатыри во Царь-град,
И в те поры идет у царя Василия Окуловича пир навеселе.
И воскричали калики громким голосом
Стоючи против окна царского:
«Ай же ты, славный сарацинский царь
Василий Окулович!
Подай, царь, нам, каликам, милостыню».
Услышал тут царь Василий Окулович,
Велел слугам своим верным
Привести калик к нему в палаты царские.
И привели калик в палаты царские,
Начал царь калик выпрашивать:
«А скажите-ка мне, калики перехожие,
Из которого града вы ходите?»
И говорит тут царю Илья Муромец:

«Ходим мы, государь, из града Киева
От князя Владимира киевского».
А тут сидит в палате Идолище поганое.
И говорит Идолище царю Василию Окуловичу:
«Государь ты, сарацинский царь!
Спроси их о богатырях русских,
Сколько их ныне у Владимира киевского?»
И говорит тут царю Илья Муромец:
«В Киеве, государь, триста богатырей.
И есть еще славный богатырь Илья Муромец,
Он-то будет помогутней всех».
Спрашивает царь сарацинский Василий Окулович:
«А каков он, Илья Муромец, ростом будет?»
И отвечает царю Илья Муромец:
«Ростом-то он только с меня будет».
А Идолище поганое усмехается:
«Хорош же богатырь на Руси Илья Муромец,
Я его на долонь посажу, а другою приложу –
Овсяной блин станет».
И говорит царю Идолище поганое:
Отпусти нас, царь, скоро ко граду Киеву;
Учиним мы в Киеве сечу великую,
А князя Владимира изгоним из Киева,
А княгиню Апраксию привезем тебе в постельницы».
Не стерпел такова слова Алеша Попович млад,
И говорит он Идолищу поганому:
«Как ты приедешь к городу Киеву,
И не узнаешь ты, Идолище поганое,
Дороги от Киева,
Живу тебе, поганому, от Киева не отъехать!»
Спрашивает их еще царь Василий Окулович:
«А видали вы в Киеве лошадей богатырских?»
Говорит тут опять Илья Муромец:

«По все дни в Киеве водят сто коней богатырских».
И воскричал тут Идолище поганое:
«Государь ты, сарацинский царь Василий Окулович!
Не пустым ли калики похваляются.
Вели показать наших коней богатырских!»
И скоро ведут коней богатырских, сарацинских:
Одного коня ведут двести слуг на двух золотых цепях,
А другого коня ведут триста слуг на трех серебряных цепях,
И ведут еще многих коней могучих на железных цепях.
И говорит старый казак Илья Муромец:
«Сверху, царь, мы ведь не умеем смотреть;
Вели, государь, нам на земле посмотреть».
Идут калики из палаты на широкий двор,
Говорит Илья Муромец братьям названным:
«Теперь-то нам, братцы, пора пришла –
Готовьте-ка вы свои булатные палицы».
И скоро кинулись калики перехожие,
Отняли по добру коню богатырскому,
Начали рубить головы басурманские.
Сели на добрых коней басурманских,
Приехали ко Смугре-реке,
Начали богатыри русские наряжаться,
Класть на себя доспехи крепкие,
Берут свою сбрую ратную.
И скачут поганые басурмане-татарове
От Царя-града погонею великою.
А Илья Муромец встречает их в полуверсте,
И за ним все богатыри русские.
И скоро богатыри съехались,
Сорок богатырей сарацинских,
И семь богатырей святорусских.
И ударились копьями острыми;
Испробили на себе все доспехи крепкие

Теми копыями вострыми,
По присадкам копыя поломалися.
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же вы, братцы названные!
Бейте поганных, всех до единого,
Не оставляйте и на семена».
И побили тут всех сорок богатырей царьградских,
А Идолищу поганому
Срубили по плеч буйну голову.
Отпустили одного только богатыря сарацинского
Ко тому царю Василию Окуловичу,
Чтобы положил царь заповедь великую:
Не ходить на Киев-град во веки вечные.
И поехали русские богатыри к городу Киеву.
И будут они в Киеве у князя Владимира.
Говорит Владимиру-князю Илья Муромец:
«Ай же ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Были мы, государь, во Царе-граде
И побили во Царе-граде сорок богатырей,
Отпустили одного только богатыря
Ко тому царю сарацинскому Василию Окуловичу,
Чтобы положил царь заповедь великую:
Не ходить на Киев-град во веки вечные.
И заводил Владимир-князь почестный пир,
И чествовал он на пиру славных русских богатырей
Илью Муромца со товарищи.
И были на пиру князя и бояре,
И были гости богатые, люди торговые,
И различные люди приходящие,
И были гусельщики со всей Руси,
И был у него на пиру Садко, гусельщик из Нова-города,
Пел Садко песни-скоморошины.

**СТАРИНА СОРОК ВОСЬМАЯ
САДКО ПОЕТ ПЕСНЮ
«ВАВИЛО И СКОМОРОХИ»**

У честной вдовы да у Ненилы
А у ней было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати;
Родну матушку хочет кормити.
А ко той вдове да ко Нениле
Пришли люди к ней веселые,
Веселые люди, не простые,
Не простые люди – скоморохи.
«Уж ты здравствуй, честна вдова Ненила!
У тебя где ныне чадо Вавило?» –
«А уехал Вавилушка на ниву
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати:
Родну матушку хочет кормити».
Говорят тут люди скоморохи:
«Мы пойдем к Вавилушке на ниву:
Не идет ли он с нами скоморошить?»
А пошли к Вавилушке на ниву:
«Уж ты здравствуй, чадо Вавило!
Тебе нивушку твою орати,
Еще белую пшеницу засевати,
Родну матушку тебе кормити!» –
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куда идете по дороге?» –
«Мы пошли, Вавило, скоморошить,

Мы пошли на иноземно царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.
А пойдем, Вавило, с нами скоморошить».
Говорил-то им чадо Вавило:
«Я ведь песен петь да не умею,
Я в гудок играть да негоразден».
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатый во переладец:
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил –
У того ведь чада у Вавилы
А было в руках-то погоняльце,
А и стало тут погудальце;
Еще были в руках у него ведь вожжи,
А и стали шелковые струнки.
Видит – люди тут да не простые,
Не простые люди-то – святые:
Он пойдет да с ними скоморошить.
Приводил Вавило их ко дому.
Еще стала тут вдова Ненила их кормити.
Понесла она хлебы-то ржаные,
А и стали хлебы те пшенные;
Понесла она куру-то варену,
Еще кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Видит Ненила – люди тут да не простые,
Не простые люди-то, святые,

Отпустила Вавилу скоморошить.
А идут скоморохи по дороге,
На гумне мужик горох молотит:
«Тебе Бог помощь, крестьянин,
На бело горох да молотити!» –
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куда идете по дороге?» –
«Мы пошли на иноземно царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу».
Говорил да тут ведь им крестьянин:
«У того царя да у Собаки
Около двора да тын железный,
А на каждой тут да на тычинке
По человечьей-то сидит головке,
А на трех-то ведь да на тычинках
Еще нету человечьих-то головок;
Тут и вашим-то да быть головкам». –
«Уж ты гой еси, мужик крестьянин!
Ты не мог добра нам тут ведь сдумать,
Ты ведь нам не сказывал бы лиха.
Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А Кузьма с Демьяном припособил –
Полетели голубята-то стадами,
А стадами тут да табунами;
Они стали у мужика горох клевати,
Он ведь стал их молотилом сшибати;

Зашибал, он думает, голубяток,
Зашибал да всех своих ребяток.
«Согрешил я ведь тяжко, крестьянин,
Это люди-то шли не простые,
Не простые люди-то, святые, –
Еще я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороге.
Навстречу им идет мужик горшками торговати.
«Тебе Бог помощь, крестьянин,
Ай тебе горшками торговати!» –
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куда идете по дороге?» –
«Мы пошли на иноземно царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу».
Говорил да тут ведь им крестьянин:
«У того царя да у Собаки
Около двора да тын железный,
А на каждой тут да на тычинке
По человечьей-то сидит головке;
А на трех-то ведь да на тычинках
Нет человечьих-то да тут головок;
Тут и вашим-то да быть головкам». –
«Уж ты гой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра да нам ведь сдумать,
Ты ведь нам не сказывал бы лиха.
Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатый да переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек

А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил –
Полетели куропцы с рябами,
Полетели пеструхи с чюхарями,
Полетели марьюхи с косачами;
Они стали по оглоблям-то садиться.
Он ведь стал их бить и в свой воз их класть.
А наклаал он их да ведь возочек.
А поехал мужик да в городочек,
Становился он да во рядочек,
Развязал да он да свой возочек –
Полетели куропцы с рябами,
Полетели пеструхи с чюхарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел ведь во своем-то он возочку –
А и тут у него одни да черепочки.
«Ой, я тяжко тут да согрешил ведь:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-то, святые, –
Еще я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороге.
А тут красная девица холсты да полоскала.
«Уж ты здравствуешь, красна девица,
На бело холсты да полоскати!» –
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куда идете по дороге?» –
«Мы пошли на иноземно царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Прекрасу».
Говорила красная девица:

«Пособи вам Бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу». –
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил –
А у той у красной у девицы
А были у ней холсты-то ведь холщовы,
А тут стали атласны да шелковы.
Говорит красная девица:
«Тут ведь люди шли да не простые,
Не простые люди-то, святые, –
Еще я ведь им да не молилась».
А идут скоморохи по дороге.
А идут на иноземно царство.
Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек
А во звончатый во переладец –
Еще стала вода да прибывати:
Он водой их хочет потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил –
И пошли быки-то тут стадами,

А стадами тут да табунами,
Еще стали воду да упивати,
Еще стала вода да убывати.
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил –
Загорелось иноземно царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушку на царство,
Он привез ведь тут да свою мать.

СТАРИНА СОРОК ДЕВЯТАЯ САДКО И НОВГОРОДЦЫ

По пирам ходил-играл Садко гусельщик,
Не было у Садка золотой казны,
Одни были гусельки яровчаты.
Захотелось Садку побывать в Нове-городе,
Давно он в Нове-городе не бывывал,
Ни много ни мало, двенадцать лет.
Пришел Садко в славный Ново-град,
Принес поклон от Днепра-батюшки,
Да принес он поклон от Волги-матушки
Братцу Волхову да братцу Ильмень-озеру.
По пирам Садко ходил-играл,
Потешал купцов новгородских.
День не зовут Садка на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир

И третий не зовут на почестен пир.
От того Садко соскучился.
Пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел горяч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут в озере вода всколыбалася,
Испугался Садко,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
От того Садко соскучился.
Пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел горяч камень
И начал играть во гусельки яровчаты.
Как тут в озере вода всколыбалася,
Испугался Садко,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
От того Садко соскучился.
Пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть во гусельки яровчаты.
Как тут в озере вода всколыбалася,
Показался из воды царь морской,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты Садко, гусяр новгородский,
Не знаю, чем тебя, Садко, пожаловать
За твои за утехы великия,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?

А не то ступай ты, Садко, во Новгород,
Ударь с купцами о велик заклад,
Заложи свою буйну голову
За лавки товара красного.
Спорь о том, что в Ильмень-озере
Есть рыба – золоты перья.
Забросишь невод в Ильмень-озеро,
Дам три рыбины – золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь». —
Пошел Садко от Ильмень от озера.
Приходил Садко во свой во Новгород.
Позвали Садко на почестен пир.
Стал Садко играть в гусельки яровчаты,
Стали Садку поднашивать, поपाивать.
Стал тут Садко похвастывать:
«Ай же вы, купцы новгородские,
Знаю я чудо чудное в Ильмень-озере, —
Есть в Ильмень-озере рыба золоты перья». —
Говорят тут купцы новгородские:
«Не знаешь ты чуда чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы золоты перья». —
«Ай же вы, купцы новгородские!
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного».
Три купца тут вызвались,
Заложили по три лавки товара красного.
И пошли они к Ильмень-озеру,
Закинули невод в Ильмень-озеро:
Добыли рыбку золоты перья;
Закинули другой раз —
Добыли рыбку золоты перья;
Третий раз закинули —

Добыли третью рыбку золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие,
Стал Садко богатый гость.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко все по-небесному:
На небе солнце и в палатах солнце,
На небе месяц и в палатах месяц,
На небе звезды и в палатах звезды.
Зазвал он к себе на почестен пир
Тех богатых купцов новгородских
И тех настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева,
Еще сотского Ставра, боярина знатного,
Все-то на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись:
Кто хвастает бессчетной золотой казной,
Кто хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
«Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садко ничем не похвастает,
Что у нас Садко ничем не похвается?»
Говорит Садко-купец богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,

Чем мне, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать – не похвастать бессчетной золотой казной –
На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю я товары новгородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
Золотой казны тридцати тысячах:
Как повысить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-городе товаров в продаже боле не было.
Ставал Садко на дрúгой день ранím ранó,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны,
Распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повысить товары новгородские,
Худые товары и добрые.
На другой день ставал Садко раным рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны,
Распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На ту на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые.
На третий день ставал Садко раным рано,

Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено
На ту на великую на славу новгородскую.
Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Еще повыкуплю товары новгородские,
Подспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский, —
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он настоятелям новгородским
Денежек тридцать тысячей.

СТАРИНА ПЯТИДЕСЯТАЯ САДКО И МОРСКОЙ ЦАРЬ

Построил Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать червлёных;
На те на корабли на червлёные
Свалил товары новгородские,
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско озеро,
А со Ладожска озера во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как по морю, по морю синему
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, един сокол-корабль
Самого Садка, гостя богатого.

Поехал Садко торговать за сине море.
Продавал он товары новгородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород.
А на синем море расходилась погодушка,
Волной бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики червлёные;
Нейдут корабли с места на синем море.
Говорит Садко дружине своей хоробряя:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю езживали,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует.
Берите бочку-сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во сине море».
Тут дружина его хоробрая
Брала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики червлёные;
Нейдут корабли с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брала бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики червлёные;
Нейдут корабли с места на синем море.
Говорит Садко дружине своей хоробряя:
«Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Режьте, братцы, жёребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном золоте,

Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребий ко дну пойдет,
Тому идти во сине море».

Резали они жеребья вольжаны,
Сам Садко делал на красном золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
У всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка ключом ко дну.

Говорит Садко дружине хоробрыя:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Эти жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном золоте,
А я сделаю жеребий вольжанный».

Делали они жеребья на красном золоте,
Сам Садко сделал жеребий вольжанный,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
У всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка ключом ко дну.

Говорит Садко своей дружине хоробрыя:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка во сине море.

Больше мне в гусельки не игрывать,
Возьму я гусельки с собой во сине море».

Спустили на воду доску дубовую,
Сошел Садко на ту доску с гусельками.
Тут утихла на море погодушка,
Полетели корабли по синю морю.

Остался Садко один-одинешенек,
Заснул Садко на доске дубовой.
Проснулся он во синем море на самом дне.
Сквозь воду увидел красное солнышко,
Вечернюю зарю, зарю утреннюю.
Увидел Садко: во синем море
Стоит палата белокаменная,
Заходил Садко в палату белокаменную.
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя, как куча сѣнная,
Говорит царь таковы слова:
«Ай же ты, Садко, богатый гость!
Век ты, Садко, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А ныне весь пришел ко мне в подарочек.
Говорят, мастер ты играть в гусельки яровчаты:
Поиграй же мне, Садко, в гусельки».
Как начал играть Садко в гусельки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Расплясался царь морской, распотешился.
Играл Садко сутки, играл и другие,
Да играл Садко еще и третьи,
А все пляшет царь во синем море.
Всколебалось сине море, стало корабли разбивать,
Стало много тонуть народу корабельщиков.
Видит Садко, тонут корабли многие,
Гибнут люди неповинные.
Порвал Садко струны на гусельках яровчатых.
Перестал плясать царь морской:
«Ай же ты, Садко, купец новгородский!
Что же не играешь в гусельки яровчаты?»
Отвечает царю морскому Садко:
«Не могу я, царь морской, играть в гусельки,

Порвались у меня на гусельках струночки». Говорит морской царь таковы слова:
А разбери-тко ты, Садко, рассуди-тко ты,
Рассуди ты наш спор со царицею:
Что у вас на Руси есть дорого?
Злато-серебро на Руси дорого,
Или булат-железо дорого?»
Отвечал ему Садко, богатый гость:
«Я скажу тебе, царь, поведаю –
У нас злато-серебро на Руси дорого,
А булат-железо дороже того,
Потому булат-железо дороже того,
Что без злата-серебра сколько можно жить,
А без булату-железа жить-то невозможно».
И говорит царь морской Садку:
«Не хочешь ли, Садко, жениться во синем море
На душечке на красной дѣвице?
Есть у меня триста красных девиц,
И друго триста красных девиц,
И третье триста красных девиц,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Тронуло тут Садка в плечо правое,
Обернулся – стоит старик седатый:
«Ай же ты, Садко новгородский!
Пропусти, Садко, тех триста красных девиц,
И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти;
Будет позади всех девица Чернавушка,
Бери ту Чернаву за себя замуж.
Как ляжешь спать во перву ночь,
Не твори с женой блуда во синем море,
Останешься навеки во синем море.
Будешь, Садко, во Нове-граде –
На свою бессчетну золоту казну

Построй церковь соборную Миколы Можайскому». Видит Садко, идут девицы-красавицы, Он перво триста девиц пропустил, И друго триста девиц пропустил, И третье триста девиц пропустил; Позади идет девушка Чернавушка. Брал ту Чернаву за себя замуж. Ложился спать Садко во перву ночь, Не творил с женой блуда во синем море. Как проснулся Садко во Нове-граде, У реки Чернавы на крутом кряжу. Видит, бегут его корабли червленые по Волхову. Встречал он дружину свою хоробрую, Бессчетну золоту казну с кораблей повыгрузил, Построил церковь соборную Миколы Можайскому. Не стал больше ездить Садко на сине море, Стал поживать Садко во Нове-граде.

СТАРИНА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ

Еще было в славном великом Нове-городе,
А и жил Буслай до девяноста лет,
С Новым-городом жил, не перечился,
С мужиками новгородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи Буслай состарился,
Состарился и преставился.
Оставалась у Буслая матера вдова
Офимья Александровна,
И оставалось чадо милое,

Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Васенька семи годов,
Отдавала матушка родимая
Матера вдова Офимья Александровна
Учить его грамоте,
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному,
Петьё Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова певца
Во славном Нове-граде
Супротив Василья Буслаева.
Стал Васенька на улицу похаживать,
Водиться со пьяницы, со безумницы,
С веселыми удалыми молодцами,
А и ходя в городе, уродует:
За руку возьмет – рука прочь,
Из плеча руку выдернет;
За ногу возьмет – нога прочь,
Из гузна ногу выломит;
Которова хватит поперек хребта, –
Тот кричит-ревет, окарачь ползет.
А и мужики новгородския,
Посадския, богатия
Приносили жалобу великую
Матерой вдове Офимье Александровне
На того на Василья Буслаева.
Стала матушка его журить-бранить,
Журить-бранить, на ум учить.
А журьба Василию не взлюбилася,
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчат стул,

Писал ярлыки скорописчаты,
От мудрости слово поставлено:
«Кто хочет есть и пить из готового,
Валися к Ваське на широкий двор,
Тот ешь и пей готовое
И носи платье разноцветное!»
Рассылал те ярлыки со слугой своим
На те улицы широкия
И на те частыя переулочки.
Поставил Васька чан среди двора,
Наливал чан полон зелена вина,
Опускал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Нове-граде,
Грамотны люди ярлыки прочитывали,
Пошли к Ваське на широкий двор,
К тому чану зелена вина.
Вначале был Костя Новотóрженин,
Пришел он, Костя, на широкий двор,
Василий тут его опробовал:
Стал его бить червленым вязом,
В тот вяз было налито
Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд;
А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит Костя, не шелóхнется,
На буйной голове кудри не трéхнутся.
Брал Костя чару зелена вина в полтора ведра,
Выпивал чару за единый вздох.
Говорил Василий сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
А и будь ты мне названный брат
И паче мне брата родимого!»

А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Мосей, дети боярские.
Еще пришел Потанюшка хроменький,
Еще Хомушка горбатенький,
Еще и Гаврила долгополый,
Еще тут пришли семь братóв Сбродóвичей
И Сухман-богатырь из Киева,
Пришли шильники, мыльники, игольники.
Еще пришел Никита Заолешанин,
Принес поклон Волхову от Днепра батюшки,
От Волги матушки,
От Волха Всеславьевича,
От старого казака Ильи Муромца,
Да поклон славному Нову-городу,
А Василью Буслаеву в особину.
Всех Василий кряду опробовал:
Бил червлёным вязом по буйной голове.
Стоят молодцы, не шелохнутся,
На буйной голове кудри не тряхнутся.
Берут чару зелена вина в полтора ведра,
Выпивают чару за единый вздох.
Собиралися-соходилися
Тридцать молодцов без единого,
Сам Василий тридцатый стал.
Какой зайдет – убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Васенька Буслаевич
У мужиков новгородских
Канун варен, пива яшныя, –
Пришел со дружиною во братчину в Никольшину,
Платил за всякого брата по пяти рублев,

А за себя Василий дает пятьдесят рублей.
А и тот-та староста церковной
Принимал их во братчину Никольшину.
А и зачали они тут канун варен пить
А и те-та пива яшныя.
А и будет день ко вечеру,
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От той от борьбы от ребячия,
От того бою от кулачного
Началася драка великая.
Поскокали молодцы, дружина Васильина,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое-втрое перековеркали,
Руки-ноги переломали, –
Кричат-ревут мужики посадския.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новгородския.
Бьюсь с вами о велик заклад:
Напускаюсь я на весь Нов-город битися-дратися
Со всею дружиною хороброю –
Вы меня с дружиною побьете Новым-городом,
Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
На всякой год по три тысячи;
А буде же я вас побью,
То вам платить мне такову же дань!»
И в том-то договор они подписывали.
Сходились все мужики новгородския
Утром ранешенько на Волхов мост.
Напускались на Василия со дружиною,
И началась у них бой-драка великая.
Дерутся они день до вечера,

Прибил Василий с дружиною
Многих мужиков новгородских до смерти.
Пошли мужики с дорогими подарками
К матерой вдове Офимье Александровне:
«Ай же ты, матера вдова Офимья Александровна!
Прими у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое
Василья Буслаевича!»
Тут матера вдова Офимья Александровна
Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку-чернавушку
По того Василия Буслаева.
Прибежала девушка-чернавушка,
Хватала Ваську во белы руки,
Притащила к матушке родимосей.
Тут Офимья Александровна
Посадила Васеньку в погребы глубокия,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замками булатными.
А его дружина хоробрая
Со теми мужиками новгородскими
Бьются-дерутся день до вечера.
А и та девушка-чернавушка
На Волхов-реку ходила по воду,
Взмолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не оставь нас у того часу смертного!»
И тут девушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисное,
Коромыслом тем стала она помахивать
По тем мужикам новгородским,

Прибила уж многих до смерти.
Запыхалась девка коромыслом махать,
Побежала за Василием Буслаевичем,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
«А и спишь ты, Василий, не пробудишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь,
Твою дружину хоробрую на мосту Волховском
Мужики новгородские всех прибили-переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василий пробуждается,
Выскочил он на широкий двор,
Не попала палица железная,
А попала ему ось тележная.
Побежал Василий по Нову-городу,
По тем по широким улицам.
Стоит тут старец-пилигримище,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд,
Кричит тот старец-пилигримище:
«А стой ты, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь, не полетывай!
Из Волхова воды всей не выпити,
Во Нове-граде людей не повыбити;
Есть молодцы супротив тебя,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем!»
Говорил Василий таково слово:
«А и гой еси, старец-пилигримище,
А и бился я о велик заклад
С мужиками новгородскими,
Опричь тебя, старца-пилигримища,
Во задор войду – тебя убью!»

Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною —
Стоит старец, не шелохнется.
Заглянул Василий старцу под колокол —
А и во лбу глаз уж веку нету.
Пошел Василий по Волхову-реке,
По той по Волховой улице.
Завидела его дружина хоробрая,
Идет к ним, молодцам, на выручку
Молодой Василий Буслаевич,
У ясных соколов крылья отросли.
Стал Василий по Волхову мосту похаживать,
Стал он осью тележною помахивать,
Прибил он многих мужиков до смерти,
Лежат мужики увалами,
Увалами лежат, перевалами,
Набило мужиков, как погодою.
Тут мужики новгородския покорилися,
Насыпали чашу чиста серебра,
А другую чашу красна золота.
А и будут платить Васильюшке Буслаевичу
На всякий год по три тысячи;
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодежи повенечное,
С девиц повалечное,
Со всех людей ремесленных,
Опричь попов и дьяконов.

СТАРИНА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильмену
Плавает-поплавает сер селезень,
Как бы ярый гоголь поныривает,
А плавает-поплавает червлен корабль
Как бы молода Василия Буслаевича,
А и молода Василья со его дружиною хороброю,
Тридцать удалых добрых молодцов:
Костя Новоторженин корму держит,
Маленький Потаня на носу стоит,
А Василий-то по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Ай же ты, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставайте молодцы к Нову-городу!»
А и тычками к берегу притыкались,
Сходни бросали на крутой бережок.
Приходит Василий Буслаевич
Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Офимье Александровне,
Просит благословение великое:
«Ай же ты свет, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Офимья Александровна!
Дай мне благословение великое –
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хороброю,
Господу Богу помолитися,
Святой святыни приложитися,

Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера Офимья Александровна:
«Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевич!
Коли ты пойдешь на добрыя дела,
Дам тебе благословение великое,
А коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
Не дам благословения великого,
А не носи Василья сыра земля!»
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материно сердце размягчается,
И дает она Василью запасы хлебныя,
И дает оружие богатырское:
«Побереги ты, Василий, буйну свою голову!»
Скоро молодцы собираются,
Снаряжали они червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по озеру Ильменю.
Бегут они уж сутки другия,
А бегут уже неделю другую,
Встречу им гости-корабельщики:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?»
Отвечает Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-корабельщики!
А мое-то ведь гулянье неохотное:
Смолоду бито, много граблено,
Под старость надо душу спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямой путь
Ко святому граду Ерусалиму».
Отвечают ему гости-корабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!

Прямым путем в Ерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой – полтора года:
На славном море Каспицкием,
На том острове на Куминском
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачия,
Не много, не мало их – три тысячи;
Грабят бусы-галеры,
Разбивают червлёны корабли».
Говорит тут Василий Буслаевич:
«А не верую я, Васюнька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червлёный вяз.
А бегите-ка, ребята, вы прямым путем!»
И завидел Василий гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Приходил Василий сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним вся его дружина хоробрая.
Будет Василий в полугоре,
И лежит тут пуста голова,
Пуста голова – человечья кость.
Пнул Василий ту голову с дороги прочь.
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич!
Ты почто меня, голову, побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Берег Русь, бился с погаными татарами,
Да нынче валяюсь тут на горе Сорочинския.
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
Лежать тут и голове Васильевой!»
Плюнул Василий, прочь пошел:

«Или, голова, в тебе враг говорит,
Или нечистый дух!»
Пошел на гору высокую,
На самом верху тут камень стоит,
В вышину три сажени печатная,
А и через него только топор подать,
В долину три аршина с четвертью.
И на камне надпись написана:
«А кто-де станет у камня тешиться,
А и тешиться-забавляться,
Вдоль скакать по камню, —
Сломить тому буйну голову».
Василий тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю,
Стали молодцы забавляться,
Поперек того камню поскакивати,
А вдоль-то него не смеют скакать.
Пошли они со горы Сорочинския,
Сходят они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полóтняны,
Побежали по морю Каспицкому
На ту на заставу корабельную,
Где стоят казаки-разбойники,
На пристани их стоят сто человек.
А и молодой Василий к пристани приставал,
Сходни бросали на крут бережок,
Соскочил Буслаевич на крут бережок,
Червленным вязом подпирается,
Тут казаки-караульщики испужались,
Побежали к тем атаманам казачиям.
Атаманы сидят, дивуются:
«Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великого.

Это-де идет Василий Буслаевич:
Знать-де полетка соколиная,
Видна-де поступка молодецкая!»
Пришел Василий со дружиною,
Где стоят атаманы казачия.
Пришли они, стали во единой круг,
Тут Василий им поклоняется:
«Здравствуйте, атаманы казачия!
А скажите вы мне прямой путь
Ко святому граду Ерусалиму».
Говорят атаманы казачия:
«Гой еси, Василий Буслаевич!
Милости просим за единой стол хлеба кушать!»
В ту пору Василий не ослушался,
Садился с ними за единой стол.
Наливали ему чару зелена вина в полтора ведра,
Принимает Василий единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
И только атаманы тому дивуются,
Сами не могут они полведра пить.
Собирается Василий на свой червлен корабль,
Просит до Ерусалима провожатого.
Тут атаманы Василию не отказывали,
Дали ему молодца провожатого.
А Василий с дружиной своей хороброю
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспицкому.
Будут они во Ердань-реке,
Бросали якоря крепкия,
Сходни бросали на крут бережок.
Приходил тут Василий Буслаевич
Со своей дружиною хороброю в Ерусалим-град,
Пришел во церковь соборную,

Служил обедню за здоровье матушки
И за себя, Василия Буслаевича,
И обедню служил с панихидою
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему.
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцев,
Что смолоду бито, много граблено.
И ко святой святыни он приложился,
И в Ердане-реке искупался,
Нагим искупался он, Василий, в Ердане-реке.
И купалась с ним дружина его хоробрая,
Купались молодцы во рубашечках.
Приходила к ним баба залесная:
«Почто вы купаетесь во Ердане-реке?
Во Ердане-реке крестился
Сам Господь Иисус Христос;
Потеряете вы атамана своего
Василия Буслаевича,
Почто он нагим купался в Ердане-реке».
Отвечают ей молодцы, дружина хоробрая:
«Наш Василий тому не верует,
Не верует Васенька ни в сон, ни в чох».
И малое время поизойдучи
Приказал Василий выводить корабль из Ердань-реки,
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому к Нову-городу.
А и едут они неделю спóряду,
А и едут уже другую,
И завидел Василий гору высокую Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать.
Приставали к той Сорочинской горе.
Пошел Василий со дружиною на гору,

И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова, человечья кость.
Пнул Василий ту голову с дороги прочь.
Провещится пуста голова:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич!
Почто меня, голову, попинываешь,
Почто побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Берег Русь, бился с погаными татарами,
Да нынче валяюсь тут на горе Сорочинския.
Где лежит пуста голова,
Лежать тут и Васильевой голове!»
Плонул Василий, прочь пошел.
Взошел он на ту гору высокую Сорочинскую,
Где стоит камень, а на камне написано:
«Кто у камня станет тешиться,
А и тешиться-забавляться,
Вдоль скакать по камню, —
Сломить тому буйну голову».
Василий тому не верует,
Стал со дружиною тешиться-забавляться,
Поперек камню поскакивати,
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по камню —
И не доскочил только четверти,
И тут убился он под камнем,
Где лежит пуста голова.
Там Василия схоронили.
Побежала дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали ко Нову-городу.
И будут они в Нове-городе,

Пошли к матерой вдове Офимье Александровне,
Сказали ей про Василия.
Заплакала Офимья Александровна,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня вам ныне делать нечего.
Подите в подвалы глубокия,
Берите золотой казны не считаячи».
Брали они казны по малу числу:
«Спасибо, матушка Офимья Александровна,
Что поила-кормила,
Обувала и одевала добрых молодцов!»
В ту пору матера вдова Офимья Александровна
Подносила им по чаре зелена вина.
А и выпили они, поклонилися,
И пошли добры молодцы, кому куда захотелся.

СТАРИНА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ СУХМАН СУХМАНОВИЧ

И пришли добры молодцы в стольный Киев-град
Ко славному князю Владимиру,
Костя Новоторженин,
Лука и Мосей, дети боярские,
Потанюшка хроменький и Хомушка горбатенький,
Пришел еще и Сухман-богатырь.
И было у князя у Владимира
Еще пированьице, почестен пир
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир идет навеселе,

Наедалися на пиру, напивалися,
Все на пиру порасхвасталися:
Кто хвастает золотой казной,
Кто хвастает своей силою богатырскою,
Силою, ухваткой молодецкою.
За тем за столом за белодубовым
Сидит богатырь Сухман Сухманович, –
Ничем он, молодец, не хвастает.
Солнышко Владимир стольнокиевский
По гридне столовой похаживает,
Желтыми кудерьками потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Сухман Сухманович!
Что же ты у меня не ешь, не пьешь,
Что же ты у меня ничем не хвастаешь?
Али чара тебе не по ряду шла,
Али место тебе не по отчине?»
Говорит князю Сухман Сухманович:
«Ай же ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Чара мне по ряду шла,
И место мне по отчине.
Я ведь тем разве тебе похвастаю,
Что привезу тебе лебедушку белую,
Живу лебедушку, не ранену, не кровавленну,
Привезу завтра по утру раннему».
Садился Сухман на добра коня,
Уезжал Сухман ко синю морю,
Ко тем теплым, тихим заводям.
Как приехал к первой тихой заводи –
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко другим ко тихим заводям –
И там не плавают ни гуси, ни лебеди,

Ни серые малые утеныши.
Ехал ко третьим тихим заводям –
И там пусто, не плавают гуси, лебеди.
Тут Сухман Сухманович призадумался:
«Эко горюшко мне теперь да добру молодцу!
Не найти мне, молодцу, белой лебедушки.
Как поехать мне ко ласкову князю Владимиру?
Поеду в Киев – живым не быть.
Не поеду я в красен Киев-град,
А поеду я ко матушке Днепре-реке.
Приезжает он ко матушке Днепре-реке –
Матушка Днепра-река течет не по-старому,
Не по-старому течет, не по-прежнему,
Матушка Днепра-река помутилася.
Стал Сухмантыюшка ее выпрашивать:
«Что же ты, матушка Днепра-река,
Течешь не по-старому, не по-прежнему,
Что же ты, матушка, помутилася?»
Проговорила матушка Днепра-река:
«Уж ты гой еси, добрый молодец,
Сильный богатырь со святой Руси
Сухман Сухманович!
Как же мне течь по-старому, по-прежнему,
За мной, за матушкой Днепррой-рекой,
Стоит сила татарская, неверная,
Сорок тысяч татаровой поганных;
Мостят они мосты калиновы, –
Днем мостят, а ночью я повырою:
Из сил я, матушка Днепра-река, повыбилася».
Раздумался Сухман Сухманович:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарскойей,
Татарской силы неверной».
Направил Сухман своего добра коня

Через матушку Днепру-реку,
Стал он побивать силу татарскую,
Конем топтать, сабелей рубить.
Притупилась сабеля вострая.
Выдергивал Сухман сыр-дуб кряковист,
Стал он дубинушкой помахивать,
Махнет Сухмантьюшка – там и улица,
Отмахнется – переулочек.
Прибил всю силу татарскую.
Сам изранен стрелами калеными.
Сорвал Сухман листочки маковые,
Обкладывал листьями все раны свои кровавые.
Приезжает Сухман ко князю Владимиру.
Говорит Владимир-князь таковы слова:
«Ай же ты, Сухман Сухманович!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Живу лебедушку, не ранену, не кровавленну?»
Отвечал Владимиру Сухман Сухманович:
Ай же ты, солнышко князь стольнокиевский!
Было ведь мне, князь, не до лебедушки, –
За матушкой за Днепр-рекой
Стояла сила татарская, неверная,
Сорок тысяч татаровей поганых,
Шла та сила на красен Киев-град,
Напустил я своего добра коня
На ту силу на татарскую, неверную,
Побил я всех татаровей поганых,
Не оставил их силы ни единого».
А Владимир-князь Сухману не верует:
«Ай же вы, мои слуги верные!
Посадите-ка добра молодца во глубок погреб,
Пусть молодец пустым, напрасным не хвастает».
Говорит тут князю Владимиру Илья Муромец:
«Ай же ты, Владимир-князь стольнокиевский!

Ты почто Сухману богатырю не веруешь,
Он нам, богатырям, названный брат,
Пустым, напрасным Сухман не хвастает.
Пошли ты Добрыню ко матушке Днепре-реке,
Разыскать, рассмотреть силу битую».
Посылает Владимир Добрынюшку Никитича:
«Уж ты съезди, Добрынюшка Никитич млад,
Съезди, съезди ко матушке Днепре-реке,
Разыщи-ка, рассмотри силу битую».
А приехал Добрынюшка к Днепре-реке,
Намощены тут мосты, мосты калиновы;
Да прибита вся силушка татарская,
Да нашел еще Добрыня дубинушку обломанную,
Привез князю Владимиру на посмотреньице.
Говорил Добрыня князю Владимиру:
«Правдой хвастал Сухман Сухманович, –
За матушкой Днепррой-рекой
Лежит сила татарская побитая,
Сорок тысяч татаровой поганных,
Сила Батыги-царя проклятого.
Привез я еще дубинушку Сухманову,
Весит дубинушка девяносто пуд».
Говорит тут Владимир-князь стольнокиевский:
«Ай же вы, слуги мои верные!
Скоро идите во глубок погреб,
Приводите ко мне Сухмантыюшку Сухмановича,
Буду его, молодца, миловать-жаловать
За его услугу великую,
Одарю его городами с пригородками,
Да селами с приселками,
Да бесчисленной золотой казной дóлюби».
Скорехонько приходят слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Отмыкают замки железные:

«Уж ты гой еси, богатырь святорусский,
Сухман свет Сухманович!
Выходи со погребя глубокого, –
Хочет тебя наш солнышко Владимир миловать-жаловать
За твою услугу великую,
Хочет одарить тебя городами с пригородками,
Да еще селами с приселками,
Да бессчетной золотой казной долюби».
Говорит тут Сухман свет Сухманович:
Не умел ведь Владимир-князь меня миловать,
Не умел ведь меня жаловать.
Я теперича поеду во чисто поле».
Садился Сухман на добра коня,
Поехал далече, далече во чисто поле,
Выдергивал листочки маковые
Со тых ран со кровавых,
Сам к ранам приговаривал:
«Уж вы гой еси, мои раны кровавые,
И кровь моя горячая богатырская!
Протеки из ран моих Сухман-река,
Из ран бедного добра молодца,
Протеки из крови моей горячей богатырской!»
Протекала тут из ран его Сухман-река,
Выбегала кровью его горячеей.
Наказал еще своему коню доброму:
«Уж ты конь, конь, моя лошадь добрая!
Ты не стой, не плачь у тела богатырского,
Ты поди, конь, беги, куда хочется,
Во луга ступай-поди да во зеленые,
Ты кормись, конь, травой шелковою,
Ходи пить ключеву воду из матушки Сухман-реки».
Тут Сухман, богатырь русский, преставился,
Приставился он, прикончился.
Тут Сухману славу поют, в старинах скажут.

СТАРИНА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА С СЫНОМ

Насказали бояре кособрюхие,
Владимиру-князю стольнокиевскому
Про старого казака Илью Муромца:
Печалится-де Илья по Сухмане богатыре,
Умышляет зло на него, князя Владимира.
И отослал Владимир-князь Илью Муромца
На заставу дальнюю, на Сафат-реку,
И уехал Илья на ту заставу дальнюю,
А с ним и все побратимы, богатыри русские.
Далече-далече в чистом поле
Стоял бел шатер, застава богатырская;
Стояли на заставе богатыри русские,
Стерегли-берегли они красен Киев-град,
Веру христианскую, церкви Божии,
Стерегли-берегли землю русскую, –
Самсон Колыбанович,
Добрыня Никитич,
Алеша Попович,
Василий Игнатьевич,
Иван Годинович,
Михайло Потык Иванович,
Дюк Степанович,
Хотен Блудович,
Никита Заолешанин,
Потанюшка хроменький,
Гаврила долгополый,
Михайло Дородович
Да братья Петровичи
Лука и Матвей,

Да два брата суздальцы,
И еще многие могучие богатыри,
Семьдесят богатырей святорусских,
Братьев названных, крестовых.
А старший в дружине хороброй богатырской
Старый казак Илья Муромец.
Как по утречку было по раннему,
На заре утренней, на восходе красна солнышка
Выходит Илья Муромец из бела шатра,
Умывается он ключевой водой,
Утирается белым полотенчиком;
Крест кладет, Господу Богу поклоняется,
А и молитву творит Иисову.
Смотрит он в подзорную трубочку
На все на четыре стороны.
Во первой-то стороне горы высокие,
Во второй-то стороне леса темные,
В третьей-то стороне сине морюшко,
Во четвертой-то стороне чисто полюшко.
Во поле чистом не дым стоит,
Едет удалой добрый молодец,
Прямо едет он в красен Киев-град,
Не приворачивает он на заставу крепкую.
Едет молодец, потешается,
Мечет палицу тяжелую в поднёбесье,
Мечет одной рукой, другой схватывает.
Впереди бегут два серых волка,
На правом плече сидит ясен сокол,
На левом плече сидит бел кречет,
У стремени прикована змея горынская.
У добра коня изо рта пламя пышет,
Из ноздрей искры сыплются,
Из ушей дым столбом валит.

У богатыря шишак на голове как огонь горит.
Вернулся Илья в бел шатер,
Говорит он дружине богатырской:
«Уж вы гой еси, удалы добры молодцы,
Братцы мои названные, крестовые!
Наехал на нас велик богатырь незнаемый,
Прямо едет он в красен Киев-град,
Не приворачивает на заставу крепкую.
Кого же послать нам за тем богатырем?
И посылали они Алешеньку Поповича.
И говорил Алеше Илья Муромец:
«Поезжай-ка, Алеша, за тем богатырем незнаемым,
Да буде русский богатырь – побратайся,
А неверный богатырь – то на бой зови».
Выходил Алешенька из бела шатра,
Засвистал он коня из чиста поля:
Конь бежит, мать-земля дрожит.
Седлал Алешенька добра коня,
Только видели, молодец на коня скочил,
А поездки богатырской не видели,
Только видели, в поле курево стоит.
Завидел Алешенька молодца в чистом поле,
Взревел Алеша по-звериному,
Засвистал по-соловьиному,
Зашипел по-змеиному.
Удал молодец чужой богатырь
Едет, не оглянется.
Подумал Алешенька Попович млад:
«Едет молодец не моя чета,
Не моя чета да не моя верста».
Повернул коня на заставу к белу шатру.
Говорит Илье Муромцу:
«Едет богатырь да не моя чета,

Не моя чета да не моя верста».
Посылали тут Добрынюшку Никитича.
Седлал Добрыня добра коня,
Только видели, как Добрыня на коня скочил,
А поездки богатырской не видели,
Только видели, в поле курево стоит.
Выезжал на чисто поле на раздольице широкое,
Завидел молодца во чистом поле.
Нагнал Добрынюшка чужого богатыря,
Низко молодцу кланяется:
«Уж ты здравствуй, удаленький добрый молодец!
Уж ты коего города, коей земли?
Еще чьего отца, чьей матери?
А куда же ты едешь, куда путь держишь?»
Удал молодец чужой богатырь
Едет, не оглянется.
Повернул Добрыня на заставу к белу шатру,
Говорит Илье Муромцу:
«Едет богатырь да не моя чета,
Не моя чета да не моя верста».
Загорелось у Ильи Муромца ретиво сердце,
Закипела кровь горячая,
Говорит он братцам своим названным:
«Не сварить вам без меня пивна котла,
Привезу вам голову, вам татарскую!»
Засвистал он коня из чиста поля;
Конь бежит, мать-земля дрожит.
Седлал Ильюша добра коня,
Только видели, как Илья на коня скочил,
А поездки богатырской не видели,
Только видели, в поле курево стоит.
Хоробра поездка да молодецкая,
Хороша побежка лошадиная,

У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламя мечется,
Да и сива да грива да расстилается,
Да и хвост-то трубой да завивается.
Выезжал на чисто поле на раздольице широкое,
Завидел чужого богатыря во чистом поле.
Взревел Илья по-звериному,
Засвистел по-соловьиному,
Зашипел по-змеиному.
Едет чужой богатырь, не оглянется.
Вскричал Илья во всю силу богатырскую:
«Уж ты, собака, поганый татарище,
Почто воротишь заставу караульную!
Нас, богатырей русских ничем считать?
Куда ты, собака, едешь, куда путь держишь?»
Тут повернул коня чужой богатырь,
Отвечал он Илье Муромцу:
«Еду я красен Киев-град в полон взять,
Я соборны Божьи церкви на дым спущу,
Я печатны книги да во грязи стопчу,
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого князя Владимира в котле сварю,
Княгиню Апраксию за себя возьму».
Не две горы столкнулись, два богатыря съехались.
Бились богатыри палицами булатными,
Палицы булатные изломались;
Секлись богатыри сабелями острыми,
Сабельки острые исщербались;
Кололись копьями долгомерными,
Копья долгомерные сокрушились.
Соскочили богатыри со добрых коней,
Сходились бороться рукопашкою.

Первый день водились до вечера
И темну ночь водились до бела света;
На другой день водились до вечера
И темну ночку до бела света;
Да и третий день водились до вечера.
Поскользнулась у Ильи ножка правая,
Пал он на сыру землю.
Тут наскакивал татарин ему на белы груди,
Расстегивал у Ильи латы кольчужные,
Вынимал кинжалище булатное,
Хочет пороть Илье белы груди,
Посмотреть его ретиво сердце.
Тут запечалился старый богатырь Илья Муромец:
«Подписано у меня на рученьке на правой,
Что на бою смерть не писана,
А лежу я теперь на сырой земле
Под ножом у татарина неверного!»
Посмотрел Илья на свою руку правую с надписью,
Тут у Ильи вдвое силы прибыло,
Смахнул татарина со белых грудей,
Сам насел ему на черны груди.
Расстегивал латы его кольчужные,
Вынимал из нагалища кинжальный нож,
Хочет пороть его черны груди,
Хочет посмотреть его ретиво сердце.
Увидал Илья крест серебряный,
Именной свой крест Ильи Муромца,
Да и стал тут Илья выспрашивать:
«Уж ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты коей земли, коего города,
Чьего отца, чьей матери?»
Говорит ему богатырь татарин:
«Когда бы я у тебя на белых грудях был,

Я не спрашивал бы ни роду, ни племени,
Уж я прямо порол бы белы груди
И смотрел бы я твое ретиво сердце».
Тут Илья Муромец спросил во второй раз,
И в третий раз спросил татарина.
На третий раз ответил ему татарин:
«Еду я от грозного Батыги царя,
От поляницы его преудалой бабы Латыгорки,
Еще имя мне – Сокольник,
А по чистому полю я наездничек,
Ищу я своего батюшку Илью Муромца,
А от роду мне двенадцать лет».
Тут брал его Илья Муромец за белы руки,
Поднимал тут его на резвы ноги,
Целовал во уста, называл сыном любимым:
«Съезжались мы с твоей матерью во чистом поле,
Матерью твоей Латыгоркой, поляницей преудалою,
Бились-ратились, да я тогда верх взял,
Да и тут ведь мы, чадо, тебя прижили.
Ныне будешь ты в Киеве-граде первый богатырь,
Не будет тебе у нас поединщика».
А и тут Сокольнику за обиду стало,
За великую досаду показалось:
«Уж ты, старая собака, седатый пес!
Породил ты меня в чистом поле,
Чтобы называли меня выблядком, заугольником.
Не поеду я с тобой в Киев-град,
Не буду я служить князю Владимиру,
Не буду я богатырем на Руси,
Не буду я звать тебя своим батюшкой».
Да и тут богатыри разъехались.
Да и едет Сокольник ко своему двору,
Ко своему двору, к высокому терему,

К высокому терему в Большой орде,
Да встречает его матушка родимая:
«Уж ты, чадо ли, чадо мое милое,
Уж дитя ты мое, дитя сердечное!
Уж ты что же едешь не по-старому,
Повеся ты держишь буйну голову?»
Говорит Сокольник таковы речи:
«Уж я был нынче во чистом поле,
Видел старого казака Илью Муромца,
У него борода седа и голова бела,
Под ним добрый конь как бы снегу белого,
Хвост-то грива у добра коня черная».
Говорит ему Латыгорка родна матушка:
«Уж ты чадо мое, чадо милое!
А ведь это был твой родимый батюшка,
Съезжались мы с ним на чистом поле,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили».
А и тут Сокольнику за обиду стало,
За великую досаду показалось,
Схватил он матушку за черны кудри,
Поднял ее выше могучих плеч,
Кинул ее о кирпичат пол,
Да и тут Латыгорке смерть случилась.
У поганого сердце-то заплывчиво,
Да заплывчиво сердце, разрывчиво,
Да подумал он промежду собой думушку:
«А поеду я теперь убью Илью Муромца».
Повернул коня на заставу богатырскую.
Никого тут на заставе не случилось,
Спит Илья один во белом шатру,
Храпит Илья, как порог шумит.
Соскакивал Сокольник со добра коня,
Заходил он во бел шатер,

Ударил Илью копьем в ретиво сердце,
Попало копье в золот чуден крест.
Тут Илья от сна просыпается,
Вскочил старый на резвы ноги,
Хватал Сокольника за черны кудри,
Вытащил из шатра в чисто поле,
Поднял его выше могучих плеч богатырских,
Ударил со всего маху о сыру землю,
Да и тут Сокольнику смерть случилася.
Да и руки, ноги его Илья оторвал,
Раскидал по чисту полю,
Да и тулово привязал к добру коню,
Черным воронам на расклевань,
Серым волкам на растерзанье.

СТАРИНА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ БОЙ ИЛЫИ МУРОМЦА С ЖИДОВИНОМ

Еще было на заставе богатырской,
На тех на степях на Цыцарских,
Ездил Добрыня Никитич ко синю морю,
Ко синю морю ездил за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою;
На охоте стрелять гусей, лебедей,
Кормить дружинушку богатырскую, братцев названных.
Едет Добрыня из чиста поля,
В чистом поле увидел скопыть великую,
Скопыть велика – пол-печи.
Начал он скопыть досматривать:
«Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския

Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цыцарския!»
Приехал Добрыня на заставу богатырскую,
Прибирал свою братию наборную:
«Ой вы гой еси, братцы ребятушки!
Мы что на заставушке устояли?
Что на заставушке углядели?
Мимо нашу заставу богатырь ехал».
Стали они думу крепкую думати:
Кому ехать за нахвальщиком?
Положили на Ваську долгополого.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет-атаман сын Иванович:
«Неладно вы, ребятушки, положили:
У Васьки полы длинные:
По земле ходит Васька, заплетается,
На бою, на драке заплетется,
Погинет Васька по-напрасному».
Положились на Гришку на боярского:
Гришке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистом поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет-атаман, сын Иванович:
«Неладно вы, ребятушки, удумали:
Гришка роду боярского,
Боярские роды хвастливые,
На бою-драке призахвастается,
Погинет Гришка по-напрасному».
Положились на Алешу Поповича:
Алешке ехать за нахвальщиком,
Побить нахвальщика в чистом поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет-атаман, сын Иванович:

«Неладно вы, ребяташки, положили:
Алеша роду ведь поповского,
А поповского роду он задорного,
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата-серебра,
Злату Алеша позавидует,
Погинет Алеша по-напрасному».
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшке ехать за нахвальщиком,
Побить нахвальщика на чистом поле,
По-плечь отсечь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается,
Пошел Добрыня на конюший двор,
Берет Добрыня добра коня,
Уздает в уздечку тесмяную,
Седлал в седельшко черкаское,
В торока вяжет палицу боёвую –
Весом та палица девяноста пуд,
На бедро берет саблю вострую,
В руки берет плеть шелкóвую,
Приезжает на гору сорочинскую.
Посмотрел из трубочки серебряной,
Увидел на поле чернизину,
Поехал прямо на чернизину,
Кричал богатырским, зычным голосом:
«Уж ты, вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь?
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братию наборную?»
Услышал нахвальщина зычен голос,

Поворачивал нахвальщина добра коня,
Напуцался на Добрыню Никитича:
Сыра мать земля всколыбалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленца пал.
Добрыня Господу Богу возмолится
И мати Пресвятой Богородице:
«Унеси, Господи, от нахвальщика!»
Приехал Добрыня на заставу богатырскую,
Встречает его Илья Муромец
Со братиею богатырскою.
Говорит большой богатырь Илья Муромец:
Малое большим заменяется,
Большему нечем заменится,
Заменится своей старой буйной головой,
Видно, ребяташки, ехать атаману самому!»
Пошел Илья на конюший двор,
Берет Илья добра коня,
Уздает в уздечку тесмянную,
Седлает в седельшко черкасское,
В торока вяжет палицу боёвую –
Весом та палица девяноста пуд,
На бедро берет саблю вострую,
Во руки берет плетъ шелковую.
Приезжает на гору сорочинскую,
Посмотрел из кулака молодецкого:
Увидел на поле чернизину.
Поехал прямо на чернизину,
Вскричал богатырским, зычным голосом:
«Уж ты, вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь, –
Мне, атаману Илье Муромцу, челом не бьешь?
Податаманью Добрыне Никитичу?

Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братию наборную?»
Услышал вор-нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Напушался на Илью Муромца.
Не оробел Илья Муромец,
Съехался Илья с нахвальщиком.
Наперво палицами ударились,
У палиц цевья отломались,
Друг дружку они не ранили;
Саблями вострыми ударились,
Востры сабли приломались,
Друг дружку они не ранили;
Вострыми копьями кололися,
Копья по насадкам свернулися,
Друг дружку они не ранили;
Бились-дрались рукопашным боем,
Бились-дрались день до вечера,
С вечера бьются до полуночи,
С полуночи бьются до бела света.
Поскользнулась у Илейки ножка левая,
Пал Илья на сыру землю;
Сел нахвальщина на белы груди,
Вынимал кинжалище булатное,
Хочет вспороть груди белые,
Хочет закрыть Илье очи ясные,
По-плеч отсечь ему буйну голову.
Еще стал нахвальщина наговаривать:
«Старый ты старик, старый, матерый!
Зачем ты едешь на чисто поле?
Будто некем тебе, старику, заменитьсь?
Ты поставил бы себе келейку

При том пути, при дороженьке,
Сбирал бы ты, старик, во келейку,
Тут бы ты, старик, сыт, напитан был».
Лежит Илья под богатырем Жидовином,
Говорит Илья таково слово:
«Да неладно у Святых Отцов написано,
Неладно у Апостолов удумано:
Написано было у Святых Отцов,
Удумано было у Апостолов:
Не бывать Илье в чистом поле убитому,
А теперь Илья под Жидовином лежит!»
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнул нахвальщину в черны груди,
Вышибал выше дерева стоячего.
Пал нахвальщина на сыру землю,
В сыру землю ушел до пояса.
Вскочил Илья на резвы ноги,
Сел нахвальщине на черны груди.
Недосуг Илюхе много спрашивать,
Скоро спорол груди черные,
Скоро затмил очи ясные,
По-плеч отсек буйну голову.
Воткнул на копье на булатное,
Повез на заставу богатырскую.
Встречает Илью Муромца Добрыня Никитич
Со всей братьей богатырскою.
Бросил Илья голову о сыру землю,
Говорит братьи своей богатырской:
«Ездил я, братцы, во поле тридцать лет,
Этакого чуда не наезживал».

**СТАРИНА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ
БРАТЬЯ ДОРОДОВИЧИ**

Еще было на заставе богатырской,
Посылал Илья Муромец в дозор добра молодца,
Добра молодца Михайлу Дородовича.
Поехал Михайло Дородович в чисто поле,
И выехал Михайло на гору высокую,
Развертывал трубку подзорную,
Глядел-смотрел во чисто поле.
Увидел он там три знаменья:
Первое знамя белым-белó,
Другое знамя красным-красно,
Да и третье знамя черным-черно.
Как поехал Михайло Дородович
Ко тем ко трем он ко знамечкам,
Начал его бурушко поскакивать,
Из-под копыт доли выметывать.
Приехал ко тем ко трем ко знаменьям:
Первое знамя стоит – бел шатер,
Другое знамя – на шатре маковка,
Третье знамя стоит – ворон конь.
Сходил Михайло со добра коня,
Давал коню пшена белоярова,
Сам зашел он во бел шатер,
Во белом шатре удалой добрый молодец,
Многими ранами молодец раненый.
И спросил он удала добра молодца:
«Уж ты удалой добрый молодец,
Где ты бит, где ранен был?»
Говорит ему удалой добрый молодец:

«Был я во лугах во Кургановых,
Бился там с погаными татарами,
У туга лука тетивка порвалась,
Булатная палица поломалась,
Копье в древке переломилось,
Сабля вострая притупилась.
Тут обступили поганые татарове,
Секли, кололи меня, изранили».
Выходил Михайло из бела шатра,
Садился Михайло на добра коня,
Развертывал трубку подзорную,
Смотрел во луга Кургановы.
Да и сколько стоит лесу темного –
Да и столько поганых татаровей,
Сколько в чистом поле ковыль-травы,
А того боле поганых татаровей.
Призадумался добрый молодец:
«Куда мне ехать, куда коня гнать?
Ехать в луга – убиту быть,
А на заставу ехать – нечем хвастать, не честь молодцу».
И поехал он в луга во Кургановы,
И наехал на силу поганую,
И уж стрелами перебил силы – сметы нет,
Да и палицей перебил силы – сметы нет,
Да и саблей порубил силы – сметы нет.
У туга лука тетивка порвалась,
Булатная палица поломалась,
Копье в древке переломилось,
Востра сабелька притупилась.
Обступили поганые татарове,
Хотят добра молодца с коня стащить.
Скочил Михайло с добра коня,

Хватал поганого татарина за ноги,
Начал он татаринoм помахивать:
Куда махнет – там и улица,
Назад отмахнет – перулочек.
Прибил всех татар до единого,
Сказал сам себе таково слово:
«Ты родись-ка, головушка, уда́лая,
А худа голова бы лучше не была».
Садился Михайло на добра коня,
Поехал Михайло ко белу шатру,
Давал коню пшена белоярова.
И заходит Михайло во бел шатер,
И спросил Михайло добра молодца:
«Уж ты, удалой добрый молодец!
Ты какого отца, какой матери?
Я твоему бы отцу поклон отвез».
И сказал ему удалой добрый молодец:
«Как по имени зовут меня Федором,
А по отчеству Федор Дородович,
А больше я с тобой говорить не могу».
И того часу молодцу смерть пришла.
Говорит тут Михайло Дородович:
«Да и видно, ты родимый мой брателко,
Старший брателко Федор Дородович».
Предал он тело сырой земле,
А родителям в Киев поклон отвез.

СТАРИНА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ
СУРОВЕЦ-СУЗДАЛЕЦ

Посылал Илья Муромец с заставы богатырской
Еще в дозор Суровца богатыря,
По роду города Суздаля,
Сына гостя богатого.
Ездит Суровец-Суздалец день до вечера,
Не увидел ни конного, ни пешего.
Наехал во чистом поле на сырой дуб,
Сырой дуб, не простой – корокольчатый:
На том на дубу сидит черный вран,
Черный вран, птица вещая;
Он, Суровец, брал свой тугой лук,
Клал калену стрелу на тетивочку шелкову,
Хочет стрелять черна ворона,
Черна ворона, птицу вещую.
Возговорит ему черный вран,
Черный вран, птица вещая:
«Гой еси ты, Суровец молодец,
Суровец богатырь, Суздалец!
Тебе меня убить, – не корысть получить:
Мясом моим не накушатся,
Кровью моей не напиться,
Перьями моими не тешиться.
Скажу я тебе весточку радостну:
Как далече-далече во чистом поле,
А дале того во зеленых лугах,
Как стоит там Курбан-царь,
Курбан-царь Курбанович
Со всею силою своей могучею,
Со всеми воями удалыми,
Стои т он, широкими рвами окопавшись,

Земляным валом оградившись». Молодецкое сердце не утерпчивое, Разгоралась кровь богатырская, Он бьет коня по крутым бокам, Подымается его добрый конь Выше дерева стоячего, Выше облака ходячего, Горы и доли между ног пускает, Быстрые реки перескакивает, Широкие раздолья хвостом устилает, По земле бежит – земля дрожит. Наехал он на Курбана царя, Курбановича. Первый ров его бог перенес, Другой ров его конь перескочил, В третий ров он обрушился, Его добрый конь набрюшился. А тут взяли-прискакали татаровья, Под левую руку двадцать взяли, Под правую руку взяли сорок, Повели к Курбану-царю, Курбану-царю, Курбановичу. Молодецкое сердце разъярилося, Богатырская кровь разыгралася, Как взял он татарина за волосы, Как начал татарин помахивать, Куда побежит, там улица лежит, Где повернется, там площадью. Брал Суровец саблю татарскую, Пробился он, молодец, до бела шатра, До бела шатра, до Курбана-царя. Как взмолится ему Курбан-царь: «Ты гой еси, Суровец молодец, Суровец богатырь, Суздалец!

Погляди-ко ты, что в книге написано:
 Что не велено вам князей казнить,
 Что князей казнить и царей убивать».

И говорил ему Суровец-Суздалец:
 «Ай же ты, собака, Курбан-царь!
 Не про тебя, поганого, в книге написано.
 Разорял ты, поганый царь, землю русскую,
 Пролил ты, поганый царь, много кровушки,
 Не щадил ни мужей, ни жен, ни малых детушек;
 Срублю я тебе, поганому, буйну голову».

Тут срубил он царю Курбану буйну голову,
 Поднял голову на востро копье,
 Привез на заставу богатырскую,
 Показать братьяцам названным.

СТАРИНА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ КНЯЗЬ РОМАН И БРАТЬЯ ЛИВИКИ

А и тут еще беда надвигается,
 Надвигается со западной со сторонушки,
 От той ли от земли от литовской,
 А и тут ратовал, берег Русь
 Князь Роман Митриевич.

И прошла про него слава великая
 По всем землям, по всем украинам.
 Как на панове да на уланове
 Жили-были там два брата, два Ливика,
 Королевские два племянника.

Говорят два брата, два Ливика:
 «Ай ты дядюшка наш, Чимбал-король,
 Чимбал, король земли литовской!»

Дай ты нам благословеньице на Русь ехать
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир,
Не можем боле терпеть славы его великия,
Славы его богатырския,
Почествуем князя Романа саблей вострою».
Говорит Чимбал, король земли литовской:
«Ай же вы, два брата, два Ливика,
Королевские два племянника!
Не дам я вам благословеньице на Русь ехать
Ко князю Роману Митриевичу.
Сколько я на Русь езживал,
А счастлив с Руси не выезживал.
А ныне у меня с князем Романом
Заповедь великая положена,
Кто заповедь нарушит –
Тому ноги отрубить и глаза выкопать.
Князь Роман знает хитрости-премудрости
От того Волха Всеславьевича киевского,
А повадку богатырскую от Ильи Муромца.
Поезжайте-ка вы во землю во Левонскую.
Там молодцы по спальням заспалися,
А добры кони по стойлам застоялися,
Цветно платье в сундуках залежалось,
Золота казна по погребам запасена.
Там получите добрых коней,
Там получите цветно платье,
Там получите бессчетну золоту казну».
Не послушали они своего дядюшку,
Обкольчужились, облатились,
Садились на добрых коней,
Поехали на Русь ко князю Роману Митриевичу.
Не доедучись до князя Романа Митриевича,
Приехали ко перву селу ко Славскому:
В том селе было три церкви соборные;

Они то село пограбили и огнем сожгли,
Разорили церкви соборные,
Черных мужичков повырубили.
Ехали они ко втору селу Корачаеву:
В том селе было шесть церквей соборных;
Они то село пограбили и огнем сожгли,
Разорили церкви соборные,
Черных мужичков повырубили.
Ехали они ко третьему селу самолучшему,
Самолучшему селу Переславскому:
Во том селе было девять церквей,
Они то село пограбили и огнем сожгли,
Разорили церкви соборные,
Черных мужичков повырубили,
Полонили они полоняночку
Молоду Настасью Митревну
С тем с младенцем двумесечным.
Выезжали во далече-далече чисто поле,
На то раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Тут-то молодцы опочив держат,
А не много ли не мало, шесть-то дней.
Как из далеча-далеча из чиста поля
Налетала мала птица певчий жавороночек,
А садился он ко князю во зеленый сад.
А в саду поет он выговаривает:
«Ай ты, молодой князь Роман Митриевич!
Ешь ты, пьешь да прохлаждаешься,
Над собой ведь ты невзгодушки не ведаешь:
Во твою-то во святую Русь
А приехали-то два поганных, два Ливика,
Королевские да два племянника,
Они три твоих села пограбили и огнем сожгли,
Разорили церкви соборные,

Черных мужичков повырубили,
Полонили сестрицу твою родимую
Со тем младенцем двумесячным,
Увезли-то ведь далече во чисто поле,
За быстру реку за Смородину».
Закручинился тут князь Роман да запечалился
Еще той тоской-печалью он великою.
А хватал-то он ножище да кинжалище,
Кинул он ножище во дубовый стол;
Пролетело тут ножище сквозь дубовый стол.
«Ай же вы, щенки, Ливики поганые,
Вам ли щенкам надо мной насмехаться!»
Собирал он силы три тысячи,
Приезжает с дружиной своей хороброю
Далече-далече во чисто поле.
Первая дружина-тысяча едят, пьют нападкою,
Вторая дружина-тысяча – шеломом раскатным,
Третья дружина-тысяча ели столом-скатертью.
Приезжает князь Роман Митриевич
Ко быстрой реке ко Смородине;
Вырезывал он три жеребья, три липовых;
Пускал он первые жеребья на быстру реку Смородину;
Те, что ели, пили нападкою;
Те жеребья – камнем ко дну, –
Той дружине убитой быть.
Пускает он вторые жеребья на быстру реку Смородину;
Те, что ели шеломом раскатным,
Те жеребья – вниз быстрин пошли, –
Та дружина будет в полон взята.
Пускал он третьи жеребья,
Те, что ели столом-скатертью,
Те жеребья – встречу быстрин пошли, –
Та дружина весьма храбра.
Брал он ту третью дружину хоробрую,

Поехали они в чисто поле.
Князь Роман дружине своей наказывал:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
А и делайте вы дело повеленное:
Как заграет черный ворон на сыром дубу,
На сыром дубу да во первый раз,
Вы седлайте скоро добрых коней;
Как заграет черный ворон на сыром дубу,
На сыром дубу да во второй раз,
Вы садитесь скоро на добрых коней;
Как заграет черный ворон на сыром дубу,
На сыром дубу да во третий раз,
Тут поезжайте вы к шатрам полотняным,
Берите Ливиков, королевских племянников».
Обвернулся князь Роман серым волком,
Побежал к тем шатрам полотняным,
У добрых коней головы пооторвал,
У тугих луков тетивочки пооткусывал,
Сабельки булатные повыщербал.
Обвернулся белым горностаюшкой,
Прибегал он во бел шатер;
Увидел его младенчик двумесячный:
«Маменька, маменька, не мой ли то дяденька
Князь Роман Митриевич
По белу шатру бегают?»
Услыхали те речи два брата, два Ливика,
Начали горностаю по шатру поганивать,
Соболиной шубой прикидывать.
Повыскочил он из-под шубы соболиной на окошечко,
Обвернулся черным вороном,
Садился он на сырой дуб,
Загрял он во первый раз.
Говорят ему два брата, два Ливика:
«Ай не кричи-тка ты, черный ворон да на сыром дубу!

Возьмем-то мы ныне туги луки,
Застрелим тебя, черна ворона,
А мы кровь твою-то прольем по сыру дубу,
А мы перья твои-то распустим по чисту полю».
Загрял ворон во второй раз.
Говорят два брата, два Ливика:
«Ай не кричи-тка ты, черный ворон да на сыром дубу!
Возьмем-то мы ныне туги луки,
Застрелим тебя, черна ворона,
А мы кровь твою-то прольем по сыру дубу,
А мы перья твои-то распустим по чисту полю».
Загрял ворон во третий раз.
Тут два брата, два Ливика поганые
Хватились они за туги луки,
У тугих луков тетивочки повыкусаны.
Хватились они за сабли острые,
Сабли острые повыщербаны.
Хватились они добрых коней,
У добрых коней головы поотворваны.
Тут наехала дружинушка Романова,
Большему брату глаза выкопали,
А меньшему брату ноги выломали,
Посадили меньшего на большего
И послали к дядюшке Чимбалу-королю,
Чимбалу, королю земли литовской.
Сам же князь Роман приговаривал:
«Ты безглазый, неси безногого,
А ты безногий ему дорогу показывай».
Говорят тут себе братья Ливики:
«Не дай Бог да не дай Господи
А бывать больше на святой Руси
Нам, да нашим детям, да нашим вну́чатам!»

СТАРИНА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ САУР ЛЕВАНИДОВИЧ И ЕГО СЫН

А в ту пору, в то времечко
Жил-был на Руси князь Саур Леванидович.
Собрался он в поход на Большую орду, проклятую землю,
Провожала его молода жена,
Провожала она его за три рубежа,
Сама князю кланялася:
«Гой еси ты, князь Саур Леванидович!
А кому меня, княгиню, приказываешь,
А кому меня, княгиню, наказываешь?
Остаюсь я, княгиня, чреватая».
Молвил слово князь Саур Леванидович:
«А и гой еси, княгиня Азвяковна,
Молода Елена Александровна!
Никому я тебя, княгиню, не приказываю,
Не приказываю и не наказываю,
А коли тебе Господь сына даст,
Вспои, вскорми и за мной пошли,
А коли тебе Господь дочь даст,
Вспои, вскорми, замуж отдай,
А любимого зятя за мной пошли:
Поеду я на время неведомое».
Входила княгиня на холм высокий,
Становилась на бел-горюч камень,
Глядела-смотрела в чисто поле:
Далеко ли едет князь Саур Леванидович.
Из того ли из-под белого камешку
Выползала змея лютая,
Кидалась она княгине на белую грудь,

Бьет хоботом по белу лицу.
Молодая княгиня испугалася, —
Во чреве дитя встрепенулося.
Вскоре после того княгине Бог сына дал,
Назвали Константинушкой Сауровичем.
Поила, кормила княгиня Константинушку,
Грамоте учила, читать, писать.
Будет ему, Константинушке, десять лет,
Спрашивает он у княгини матушки:
«Гой еси ты, матушка родимая
Елена Азвяковна,
Есть ли у меня на роду батюшка?»
Говорила ему княгиня Елена Азвяковна:
«Гой еси, мое чадо милое,
Константинушка Саурович!
Есть у тебя на роду батюшка,
Князь Саур Леванидович,
Поехал он в Большую орду, в проклятую землю,
А поехал он на время неведомое,
Я осталась чревата на тех порах,
Мне же он слово вымолвил:
«Коли тебе, княгиня, Господь сына даст,
Вспои, вскорми и за мной пошли».
Выходил тут княжич на крылечко на красное,
Вскричал зычным голосом:
«Эй вы, конюхи-приспешники!
Седлайте скоро мне добра коня
Под то седелечко черкесское,
А в задней лукé и в передней луке
Вставьте по тирону камню самоцветному,
Не для басы-красы, для крепости богатырской,
Чтобы видеть путь-дороженьку ночью темною».

Садился Константинушка на добра коня,
Только он в ворота выехал, –
В чистом поле дым столбом.
И наехал часовню в чистом поле,
Зашел Богу помолиться.
А от той часовни три дороги лежат:
У первой дороги написано:
Кто этой дорогой поедет,
Конь будет сыт, самому – смерть;
А другою дорогой поедет,
Сам будет сыт, коню – смерть;
А средней дорогой поедет,
Убит будет молодец смертью напрасною.
Поехал Константинушка Саурович
Дорогою среднею.
Доезжает до реки Смородины,
А у реки Смородины струя течет кровавая.
А в ту пору Кунгур-царь перевозится
С теми ли татарами погаными,
Послан на Русь Батыгой-царем проклятым.
Тут Константинушка Саурович
Начал татар с краю бить
Тою палицею тяжкою,
Он бьется-ратится целый день,
Не пиваючи, не едаючи,
Ни на малый час отдыхаючи.
Прибил всех татар до единого,
Кунгуру-царю в шатре голову срубил.
И поехал Константинушка в Большую орду.
Подъезжает он к Большой орде,
Закричал громким голосом богатырским:
Дали бы ему в поле поединщика,

А не то он всю орду пожжет, повырубит.
Возговорят тут татарове поганые
Батыге-царю проклятому:
«Есть у нас, царь, полоненочек-затюремщикек,
Пошлем мы его в поле поединщиком
Против того богатыря грозного».
Приходили татарове поганые,
Приходили они к земляной тюрьме:
«Гой еси ты, полоненщикек,
Гой еси ты, затюремщикек!
Сослужи ты нам службу великую,
Выйди-ка в поле поединщиком
Против богатыря наезжего».
Возговорит князь Саур Леванидович:
«Ой вы гой еси, собаки татарове!
Давайте мне коня доброго,
Давайте мне сбрую богатырскую».
Сел князь Саур на добра коня
И полетел на поединщика в чисто поле.
Съехались богатыри в чистом поле,
И бились они день до вечера –
И один другого одолеть не мог.
И воззрел князь Саур на́ небо:
«Помоги ты мне, Господи,
Молодого богатыря из седла выладить».
И помог ему Господь выладить из седла.
Пал молодой богатырь на сыру землю.
Сел князь Саур ему на белу грудь,
Стал спрашивать-выведывать:
«Ой ты гой еси, добрый молодец!
Чьей ты земли, чьей орды,
Какого ты, молодец, роду-племени?»

Отвечал ему Константинушка Саурович:
«Не моя в поле Божья помочь:
Не стал бы я много спрашивать,
Срубил бы я тебе буйну голову
По самые могучие плечи.
Был у меня родной батюшка
Князь Саур Леванидович,
Пошел он в Большую орду, в проклятую землю –
Там и пропал».
Тут заплакал князь Саур Леванидович,
Поднял Константинушку за белые руки:
«Ой ты гой еси, добрый молодец!
Ведь я твой родной батюшка!»

СТАРИНА ШЕСТИДЕСЯТАЯ КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

А еще было на святой Руси:
Из того ли из города из Крякова,
Из того ли села из Березова,
С той ли улицы Рогатицы,
С подворья богатырского
Выезжал удалой добрый молодец
Петр Петрович королевский сын;
Выезжал он в раздольище чисто поле
Пострелять гусей, лебедей,
Малых перелетных утенышей.
Весь день он ездил с утра до вечера,
Не наехал он ни гуся, ни лебедя,
Ни малого перелетного утеныша.

Подъезжает он ко сыру дубу крякóвисту,
Сидит на дубе черный ворон,
Крыльица у ворона черным-черны,
Перьяица у ворона белым-белы,
Распущены перьяица до матушки сырой земли;
Эдакой птицы на свете не видано, не слыхано.
Брал Петр Петрович свой тугой лук,
Накладывал стрелу каленую,
Хочет стрелять черна ворона.
«Подстрелю эту птицу черна ворона,
Кровь расточу по сыру дубу,
Перьяице распушу по чисту полю».
Провещал ему черный ворон языком человеческим:
«Ай же ты, удалой добрый молодец
Петр Петрович королевский сын!
Ты слыхал ли поговорку на святой Руси:
В кельи старца убить – то не спáсение,
Черна ворона подстрелить – то не корысть.
Убить меня, черна ворона –
Не утешить сердца богатырского.
Поезжай-ка ты раздольищем чистым полем
Ко славному ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
У ласкова князя у Владимира
Хорош честен пир-пированьице,
Над собой он, князь, невзгодушки не ведает:
Ездит в чистом поле под Киевом
Сильный могучий богатырь татарин,
Кличет, выкликает себе поединщика.
А ныне нет богатырей в Киеве».
Поехал Петр Петрович королевский сын
Ко славному городу ко Киеву,

Наехал он на богатыря татарина.
Кличет богатырь татарин себе поединщика,
А не даст ему поединщика Владимир-князь,
Разорит он славный Киев-град,
Чернедь-мужичков всех повырубит,
Божьи церкви все на дым спустит,
Самому князю Владимиру голову срубит.
Съехались богатыри на добрых конях
Силушки друг у друга отведати,
Приударили во палицы булатные,
У них палицы в руках поломались,
Ударились они саблями вострыми,
У них сабли в руках переломились.
Соскочили богатыри с добрых коней,
Стали они руками биться.
Сшиб Петр Петрович татарина на сыру землю,
Садится татарину на черну грудь,
Вынимает ножище-кинжалище,
Хочет пороть ему грудь черную,
Вынимать его ретиво сердце,
Сам у татарина выпрашивает:
«Ай же ты, богатырь татарский!
Ты какой орды, какой земли,
Какого ты роду, какого племени?»
Говорил ему богатырь татарский:
«Ай же ты, славный богатырь святорусский!
Кабы я сидел на твоих белых грудях,
Я не спрашивал бы ни роду, ни племени,
Я порол бы твои белые груди,
Вынимал бы твое ретиво сердце.
Родом я из города из Крякова,
Из того села из Березова,

С той улицы Рогатицы,
С того подворья богатырского,
Молодой Лука Петрович королевский сын.
Как наехали татары на наш Кряков-град,
Батюшку Петра смерти прёдали,
А меня дите малое в полон увезли,
В полон увезли в Большую орду
К Батыге царю татарскому.
Возрастили меня до возраста,
Услышал я в себе силушку великую,
Избрал себе коня богатырского,
Поехал я на святую Русь,
Поехал искать себе поединщика».
Тут Петр Петрович королевский сын,
Ставил добра молодца на резвы ноги,
Брал молодца за белы руки,
Называл братцем своим родимым.
Сели они на добрых коней, поехали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу ко Березову,
Да ко той улице Рогатице
К матушке своей родимой.
«Здравствуй, матушка честна вдова,
Честна вдова Марфа Федоровна!
Я привез тебе с поля гостя любимого,
Ставь-ка ему яствушки сахарные,
Ставь ты ему напитокки медвяные!»

**СТАРИНА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ
АВДОТЯ, ЖЕНА РЯЗАНОЧКА**

Подступал тут царь Батыга проклятый,
И разорял он старую Рязань подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увел весь полон во свою землю.
Оставалася во Рязани одна жонка Рязаночка,
Стосковалася жонка, сгоревалася:
У ней полонил Батыга три головушки:
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального,
Свекра любезного.
И думает жонка умом-разумом:
«Пойду я во землю татарскую
Выкупать хотя единые головушки
На дороги хорошие на выкупы.
А царь Батыга проклятый,
Идучи от Рязани от города,
Напустил все реки-озера глубокие,
По дорогам поставил он всё разбойников,
Во темных лесах напустил лютых зверей,
Чтобы никому не пройти, не проехать.
Пошла жонка путем да дорогою:
Мелкие-то ручейки бродом брела,
Глубокие реки пловом плыла,
Широкие озера кругом обошла,
В чистом поле разбойников о полночь прошла –
О полночь разбойники опочив держат.
Она так прошла да путем да и дорогою,
Пришла да во землю татарскую
К царю Батыге проклятому,
Принезешенько ему поклонилася:

«Ты, батюшка царь Батыга татарский!
Когда ты разорял старую Рязань-город подлесную,
Полонил ты народа сорок тысячей,
У меня полонил три головушки:
Милого-то братца родимого,
И мужа венчального,
Свекра любезного.
И пришла я к тебе выкупати хотя единой головушки
На дороги ли хоть на хорошие на выкупы».
Отвечал ей царь Батыга проклятый:
«Ай же ты, Авдотья, жонка Рязаночка!
Как ты прошла путем да и дорогою?
У меня напущены были все реки-озера глубокие,
И по дорогам были поставлены разбойники,
А во темных лесах были напущены люты звери,
Чтобы никому не пройти да не проехать».
Ответ держит ему Авдотья, жонка Рязаночка:
«Ай же ты, батюшка царь Батыга татарский!
Я так прошла путем да и дорогою:
Мелкие-то речушки бродом брела,
А глубокие речушки пливом плыла,
В чистом поле разбойников о полночь прошла –
О полночь разбойники опочив держат,
Темные леса лютых зверей о полдень прошла –
О полдень люты звери опочив держат,
Я так прошла путем да и дорогою».
Говорит ей царь Батыга проклятый:
«Ай же ты, Авдотья, жонка Рязаночка!
Когда ты умела пройти путем да и дорогою,
Так умей-ка попросить и головушки
Из трех единой.
А не умеешь ты попросить головушки,
Так я срублю тебе по плеч буйну голову».

Стоючись, жонка пораздумалась,
Пораздумалась жонка, порасплакалась:
«Уж ты, батюшка-царь Батыга татарский!
Я в Рязани-то была жонка не последняя,
Не последняя я была жонка – первая.
Я замуж пойду, так у меня и муж будет,
Свекра стану звать батюшкой;
Приживу я себе сына любезного,
Так у меня и сын будет;
Приживу я себе дочку любезную,
Вспою-вскормлю, замуж отдам,
Так у меня и зять будет.
Не видать мне будет единой головушки,
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по́ веку».
Сижучись, да царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался:
«Ай же ты, Авдотья, жонка Рязаночка!
Когда я разорял вашу сторону, Рязань-город подлесную,
Тогда у меня убили милого-то братца родимого:
Не видать будет век да и по веку.
За твои-то речи разумные,
За твои-то слова хорошие
Ты бери полону сколько надобно:
Кто в родстве, в кумовстве, в крестном братовстве».
Начала жонка ходить в земле татарской,
Выбирати полон во свою землю.
Она выбрала весь полон земли татарской,
Привела полон во свою Рязань-город подлесную,
Расселила Рязань-город по-старому,
По-старому, да по-прежнему.

СТАРИНА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ
МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ

На ту пору, на то времечко
Во стольном во городе во Киеве,
Заводил Владимир-князь почестен пир.
Светлый день идет ко вечеру,
Почестен пир идет навёселе,
Все на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися,
Все во хмелю порасхвасталися.
Кто хвастает золотой казной,
Кто хвастает молодой женой,
Иной хвалится добрым конем,
Иной хвалится силой богатырскою.
Тут вставал со скамьи белодубовой
Старый богатырь Данила Игнатьевич,
Сам говорит таково слово:
«Ай же ты, государь Владимир-князь!
Служил я тебе тридцать лет верой-правдою,
А под старость хочу душу спасти,
Благослови меня во старцы постричься,
Схиму принять,
Скинуть платье цвётное,
Одеться в черное платьице спасенное».
Говорит ему Владимир-князь стольнокиевский:
«Ай же ты, старый Данила Игнатьевич!
Не благословлю тебя в старцы постричься
И схиму принять,
Скинуть платье цветное,
Одеться в черное платьице спасенное.
Как проведает нечестивый Батыга-царь,

Что богатыри во старцы постригаются,
И нет боле богатырей в Киеве,
Пойдет он на нас грозой ратною».
Говорил князю старый Данила Игнатьевич:
«Ай же ты, государь Владимир-князь!
Есть у меня сын, Михайло Данилович шести годов,
Пока не проведает нечестивый Батыга-царь,
Будет он девяти годов;
А пока он снаряжается,
Будет он двенадцати годов,
Так будет он сильнее меня и могутнее».
И благословил его Владимир-князь
В старцы постричься и схиму принять.
Прошло поры-времени три года,
Пока снаряжался Батыга-царь и орды его неверные;
Еще прошло поры-времени три года.
Тут собиралась сила несметная
У царя Батыги нечестивого:
Черну ворону не облететь,
Серу волку не обрыскать.
Похвывается Батыга нечестивый
Киев-град со щитом взять,
Народ киевский весь повырубить,
Божьи церкви на дым спустить,
Князя Владимира под меч склонить.
Говорит Владимир-князь стольнокиевский:
«Ай же вы, князья и бояре!
Кто бы ехать мог во чисто поле
Ко тому войску нечестивому,
Пересметывать силу неверную,
Много ли силы идет на Киев-град».
Отвечают ему князья и бояре:
«Ныне, Владимир, нет богатырей в Киеве,

Некому силу неверную пересчитывать,
Некому и отстоять Киев-град,
Илья-то Муромец с богатырями на заставе на Сафат-реке,
Не поспеть ему к Киеву.
Сдай, князь, Киев без кроволития».
Вставал тут из-за стола окольного
Молодой Михайло Данилович,
Поклонился свету князю Владимиру:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Благослови меня ехать во чисто поле
Ко тому войску нечестивому,
Пересчитывать силу неверную,
Много ли силы идет на Киев-град».
Говорил ему Владимир-князь стольнокиевский:
«Уж ты гой еси удалый добрый молодец,
Михайло сын Данилович!
Еще ты молодец, молодешенек,
Тебе, Михайло, от роду двенадцать лет,
Не знаешь ты поездки богатырской,
Потеряешь ты свою буйну голову».
Отвечал князю Михайло Данилович:
«Ай же ты солнышко Владимир-князь!
Знаю я поездку богатырскую,
Горит у меня ретиво сердце
Послужить тебе верой-правдою,
Постоять за Киев-град,
Постоять за веру христианскую».
И благословил его Владимир стольнокиевский.
Стал Михайло Данилович снаряжаться,
Взял из стойла коня батушкина,
Надевал латы родительские, –
Тесноваты ему латы,
Саблю брал родительскую, –

Легковата ему сабля.
Садился он на добра коня и поехал во чисто поле.
Поехал мимо пустыни родителя,
Где родитель Богу молится,
Получить благословение родительское.
И выходил его родитель из пúстыни,
Старый Данило Игнатьевич,
Говорил Михайле таково слово:
«Ты послушай, чадо мое любимое,
Ты послушай наказаньице родительское:
Как будешь у войска нечестивого,
Не заезжай в середку, в матицу,
А руби ту силу с одного края».
И пошел старый богатырь Данило Игнатьевич
В пустыню Богу молитися,
А сам себе приговаривает:
«Ах, ты молодость ты молодость молодецкая!
Улетела моя молодость в чисто поле,
Во чисто поле да ясным соколом,
Прилетела ко мне старость со чиста поля,
Со чиста поля да черным вороном,
А садилась на плеча да богатырские».
А сын его молодой Михайло Данилович
Поехал по чисту полю ко войску нечестивому,
Видит, силы черным-черно,
Не пересметать ту силу великую,
Все равно как вешна вода разливается,
А морска волна да колыбается, –
Как неверная сила ко городу ко Киеву подвигается.
Напустился он на силу неверную
И стал рубить силу с одного края;
Сек-рубил силу три дня и три ночи,
А поганые татарове на ту пору

Копали три рва, три погреба глубокие
И ставили рогатины звериные.
Разгорелось у Михайлы ретиво сердце,
Заезжал он в середку силы нечестивой, в матицу,
Первый подкоп перескочил,
И другой подкоп он перескочил,
А во третий подкоп конь обрушился.
Тут поганых татаровей,
Будто черных ворон, слеталось,
Связали Михайле ручки белые,
Сковали ему ножки резвые во железа булатные,
Привели к Батыге, царю нечестивому.
Говорит Батыга, царище нечестивый:
«Ай же ты, молодой богатырь русский,
Послужи-ка мне верою-правдою,
Как служил ты князю Владимиру:
Награжу тебя золотой казной несметною».
Отвечал Михайлушка Батыге нечестивому:
«Ай же ты, Батыга, царище поганое!
Как была бы у меня сабля острая,
Так служил бы я на твоей шее татарской».
Вскричал тут Батыга, царище поганое
Своим слугам верным и палачам немилостивым:
«Ай же вы, слуги верные, палачи немилостивые!
Сведите вы молодца ко плахе ко липовой,
Отрубите вы ему голову молодецкую».
Взяли Михайлу палачи немилостивые,
Повели ко плахе ко липовой.
Взмолился Михайло ко Господу всевышнему:
«Выдал меня, Господи, поганым на поругание:
Разве не стоял я за веру христианскую,
За церкви Божьи, за вдов и сирот!»
С небес тут Михайле глас гласит:

«Порастяни, Михайло, ручки белые
И порасправь, Михайло, ножки резвые!»
Как порастянул Михайло руки белые,
Порасправил Михайло ноги резвые,
Поразлопались железа булатные.
Схватил Михайло татарина за ноги,
Начал татарин помахивать:
Куда махнет – там и улица,
Назад отмахнет – переулочек,
Сам он говорит таково слово:
«Гнется татарин, не сломится,
Жилист, собака, не порвется».
Вскочил Михайло на добра коня,
Взял саблю острую
И стал сечь силу с одного края;
Сек-рубил силу три дня и три ночи.
На четвертый поехал в Киев-град
Сказать о силе нечестивой князю Владимиру.
Увидал далече во чистом поле:
Не черный ворон летит,
Не белый кречет выпархивает,
Идет-ступает старый Данила Игнатьевич:
Платье у него черна бархату,
Шляпа у него земли греческой,
Клюка у него сорока пудов,
Той клюкой идет-подпирается.
Говорит Данило Игнатьевич Михайлушке:
«Что же ты, чадо мое любимое,
Долго ко мне не являешься?
Иду, чадо, тебе на выручку,
Бить поганых татаровей,
А ты, чадо, уже сам управился».

**СТАРИНА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ
ЕРМАК И БАТЫГА-ЦАРЬ**

Набрал Батыга-царь еще силу поганую,
Опять подступил к городу Киеву.
Посылает посла ко князю Владимиру,
Идет посол в палату белокаменну,
На пятау он дверь поразмахивал,
Креста не клал, не кланялся,
Грозно, собака, выговаривал:
«Ты очисти, Владимир-князь, улицы стрелецкие
И все двory княженецкие,
Чтобы было где жить Батыге царю
Со своею силушкой великою.
А не то людишек твоих повырубим,
Божьи церкви на дым спустим,
Чудны иконы по плавь реки пустим,
Самого тебя с княгинею в полон возьмем».
Закручинился Владимир, запечалился;
Нет в Киеве многих могучих богатырей,
Нет в Киеве Ильи Муромца,
Некого послать за ним на заставу дальнюю.
Насыпал Владимир мису чиста серебра,
Другую мису красна золота,
Третью мису скатна жемчуга,
Посылал Батыге царю нечестивому
Просить сроку три месяца –
Очистить улицы стрелецкие
И все великие двory княженецкие.
В ту пору и в то времечко
Приезжает ко князю Владимиру
Его родный любимый племянничек

Молодой Ермак Тимофеевич:

«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!

Что же ты, Красно Солнышко, невесел сидишь,

Что же ты повесил буйну голову?»

Отвечает ему Владимир-князь стольнокиевский:

«Ай же ты, молодой Ермак Тимофеевич,

Отчего же мне веселым быть?

Когда во Киеве была добра́ пора,

Тогда во Киеве были защитнички,

Защитнички были и заступнички,

А как стала во Киеве зла пора,

Так нет в Киеве защитничков,

Нет заступничков».

Говорил ему молодой Ермак Тимофеевич:

«Ай же ты, солнышко Владимир-князь,

Родной любимый мой дядюшка!

Дай же ты мне благословеньице –

Выехать ко Батыге царю нечестивому

Во ту силу во поганую,

Попробовать своих плеч богатырских».

Отвечает ему Владимир стольнокиевский:

«Ай же ты, родной мой племянничек,

Молодой Ермак Тимофеевич!

Не дам я тебе благословеньице

Выехать ко Батыге царю нечестивому,

Ты, Ермак, еще младшенек,

Тебе, Ермак, двенадцать лет от роду,

Прервешь свою силу богатырскую,

И убьют тебя татары поганые».

Говорит молодой Ермак Тимофеевич:

«Ай же ты, дядюшка мой любимый!

Дай же мне благословеньице

Повыехать в раздольице чисто поле

Посмотреть только на силушку поганую». Дал ему Владимир благословеньице
Посмотреть на силушку поганую.
Садился Ермак на добра коня,
Брал саблю булатную,
Брал острое копьё мурзameцкое
И поехал в раздольице чисто поле.
Посмотрел он на силушку поганую:
Нагнано-то силушки черным-черно,
Черным-черно, как черного ворона;
И не может светить красно солнышко
Через пар лошадиный и человеческий.
Серому волку вкруг силы той не обрыскать,
Ясному соколу три дня и три ночи лететь, не облететь.
Говорит себе молодой Ермак Тимофеевич:
«А поеду я во силу поганую,
Попробую я своих плеч богатырских,
Храбрости своей молодецкой».
Выехал он, Ермак, в силушку великую,
Стал он эту силушку конем топтать,
Конем топтать, копьём колоть,
Копьём колоть, саблём рубить.
Бьёт силушку, как траву косит.
И бился он с утра и до вечера,
Не едаючи и не пиваючи,
Добру коню отдыха не даваючи.
На ту пору и на то времечко
Прознал Илья Муромец о новой беде над Киевом,
Поспешил он к Киеву с богатырями-братьями.
И стояли они на Латынской горе высокой
Двенадцать богатырей святорусских,
Двенадцать без единого,

Илья Муромец во двенадцатых.
Смотрели они на силу на татарскую:
Многим ли им, молодцам ехати,
А двум ли, трем молодцам ехати,
Али всем русским богатырям?
Говорил тут старый казак Илья Муромец:
«Ай же вы, братица мои крестовые,
Славные богатыри святорусские!
Уж давно нам от Киева отказано,
Отказано от Киева двенадцать лет.
Разве больше некому ныне выехать из Киева,
Как повыехал молодой Ермак Тимофеевич.
Прервет он свою силу богатырскую,
Убьют его татары поганые.
Поезжай-ка ты, Алешенька Попович, во чисто поле,
Накидывай ты на него путы крепкие,
Чтобы укротил он свое сердце богатырское,
Да говори ему таковы слова:
«Ты ведь, Ермак, нынче позавтракал,
Оставь нам, богатырям, пообедати».
Выехал Алеша Попович во чисто поле,
Накидывал он путы крепкие
Ермаку на плечики его могучие.
Пооборвал Ермак путы крепкие,
Не хочет укротить свое сердце богатырское,
Еще пуще стал разить силу поганую.
Посылает Илья Муромец Добрыню Никитича:
«Поезжай-ка ты, Добрынюшка, во чисто поле,
Наложи ты на Ермака путы крепкие
На его на плечики могучие,
Чтобы укротил свое сердце богатырское,
Сам говори ему таковы слова:

«Ты ведь, молодой Ермак, позавтракал,
Оставь нам, старым, пообедати».
Поехал Добрыня во чисто поле,
Накладывал он путы крепкие
Молодому Ермаку на плечи могучие.
Пооборвал Ермак и те путы крепкие.
Не укротил сердца своего богатырского,
Храбрости своей молодецкой,
Еще ярее накинудся на силу поганую.
Поехал сам Илья Муромец во чисто поле,
Накинул путы крепкие Ермаку на плечики,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, молодой Ермак Тимофеевич!
Укроти-ка свое сердце богатырское,
Ты нынечко ведь позавтракал да и пообедал,
Оставь ты нам, старым, хоть поужинать».
Тут молодой Ермак Тимофеевич
Припадал на грудь Илье Муромцу,
Не ведал он своих ран глубоких.
От тех ран глубоких многих
Молодой Ермак представился.
Тут старый казак Илья Муромец
Звал свою дружинишку хоробрую,
Двенадцать богатырей без единого,
Сам-то Илья во двенадцатых,
Поехали раздольцем чистым полем,
Порубили всю силу поганую у Батыги царя.
Сам Батыга в улусы свои убежал,
Клялся не ходить больше к городу Киеву.

**СТАРИНА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ
ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ И БАТЫГА**

Как из далеча было из чиста поля,
Из-под той белой березки кудреватой,
Из-под того ли кустичка ракитова
Выбегали четыре тура златорогие,
И бежали они мимо града Киева,
И видели над Киевом чудным-чудно,
И видели над Киевом дивным-дивно:
Ходит по той стене городской душа красна девица,
Держит в руках книгу Леванидову,
Сколько не читает, а вдвое плачет.
Побежали прочь туры от Киева
И встретили турицу, родную матушку:
«Здравствуй, турица, родная матушка!» –
«Здравствуйте, туры, малы деточки!
Где вы ходили, где вы бегали?» –
«Шли мы, бежали мимо града Киева
И видели над Киевом чудным-чудно,
И видели над Киевом дивным-дивно:
Ходит по той стене городской душа красна девица,
Держит в руках книгу Леванидову,
Сколько не читает, а вдвое плачет».
Говорит им турица, родна матушка:
«Ай же вы туры малы детушки!
То не девица плачет, то стена плачет,
Плачет стена городова,
Ведает она невзгодушку над Киевом,
Ведает она невзгодушку великую».

С той ли стороны со восточной

Подымался опять поганый Батыга-царь
С сыном Батыгом Батыговичем,
С зятем Артаком и братом Коршаком,
С силой великою неверною,
Обстала сила бессчетная Киев-град,
А и доброму молодцу проезду нет,
А и серому волку прорыску нет,
А и черному ворону пролету нет.
И пишет Батыга Владимиру-князю со угрозою:
«Ай же ты, старый пес, Владимир стольнокиевский!
Сдай мне Киев-град без бою, без кроволития великого.
Дашь Киев добром – так я добром возьму,
Не дашь добром – так боем возьму,
Божьи церкви все на дым спущу,
Книги печатные во грязи стопчу,
Чудны образы-иконы на поплаве воды.
Самого тебя, Владимира, в котле сварю,
Княгиню Апраксию за себя возьму».
Запечалился Владимир Красно Солнышко,
Богатырей в Киеве не случилось:
Илья Муромец с дружиной богатырскою
Уехал на заставу дальнюю,
На сторонушку на западную,
На ту дорогу на латынскую,
С западной-то сторонушки грозит король ляховинский.
Ни одного богатыря в Киеве не осталось.
Говорит тут княгиня Апраксия:
«Ай ты гой еси, солнышко Владимир-князь,
Ты сходи, ты поди по городу по Киеву,
На царевы ты зайди больша кабаки,
На кружала зайди государевы,
Нет ли там какого русского богатыря».
Пошел Владимир-князь по городу по Киеву,

Навстречу ему голь-подсушина:
«Уж ты, здравствуй, солнышко Владимир-князь!
Уж ты что же идешь не по-старому,
Идешь ты, повеся буйну голову?»
Отвечал подсушине Владимир-князь:
«Ох ты гой еси, голь-подсушина!
Ведь над Киевом невзгодушка великая,
Обступил Киев-град поганый Батыга-царь
С силой своей бессечною.
Ты не знаешь ли какого богатыря в Киеве?»
Отвечал Владимиру голь-подсушина:
«Уж ты солнышко батюшка Владимир-князь!
Ты не с нами думу думаешь – с боярами.
А поди-ка ты, солнышко, по Киеву
На большие кабаки, на кружала государевы.
Есть у нас Василий сын Игнатьевич,
Только он может с Батыгой справиться.
Пропил Васильюшка все жите-бытье свое,
Все жите-бытье и богатство,
Лежит Василий в кабаке на печке-муравленке,
Ни креста у него нету, ни пояса,
Ни рубашечки нет на нем полотняной,
Под одной он лежит рогожиною,
Все-то у добра молодца про́пито,
Все-то у него в кабаке заложено,
Спит он нынче трое суток,
С похмелья у Василия головка болит,
С перепоею у Василия ретивó сердце щемит,
Нечем у Василия опохмелиться».
Пошел Владимир-князь по городу по Киеву,
Заходит на царевы больши кабаки,
Заходит на кружала государевы,
Смотрит он на печку на муравленку,

Увидел удала да добра молодца:
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец,
Молодой ты Василий сын Игнатьевич!
Тебе полно ли спать, да ныне пора вставать,
От великого хмелю да просыпаться;
Уж вставай ты, Василий сын Игнатьевич,
Послужи-ка ты мне верою-правдою,
Выйди на Батыгу-царя поганого».
А на то Василий не слушался.
Кличет солнышко Владимир-князь во второй раз.
И на то Василий не слушался.
Кличет Владимир-князь во третий раз.
А теперь Василий разбужается,
От великого хмелю просыпается,
Сходил с печи, князю кланяется:
«Ай же ты, солнышко наш Владимир-князь!
Уж я рад бы служить, хоть голову сложить.
Не знаешь ты кручины моей великой;
У тебя есть кручина великая,
А у меня горе-печаль еще больше твоей:
Трещит-то болит у меня буйна голова,
Дрожит у меня жильё подколенное,
Нечем мне, Василию, опохмелиться;
Опохмель-ка меня чарою опохмельною,
Тогда я с Батыгой-царем управлюся».
Наливает князь чару зелена вина,
Не большую, не малую – в полтора ведра,
Подает Васильюшке Игнатьевичу.
Берет Василий чару единой рукой,
Выпивает чару на единый дух,
Сам приговаривает:
«Не обмылось у Васьки ретиво сердце,
Не взвеселилась моя буйна головушка».

Наливает Владимир еще чару зелена вина,
Не большую, не малую – в полтора ведра,
Подает Васильюшке Игнатьевичу.
Берет Василий чару единой рукой,
Выпивает чару на единый дух,
Опять приговаривает:
«Не обмылось у Васьки ретиво сердце,
Не взвеселилась у Васи буйна головушка».
Наливает Владимир третью чару зелена вина,
Не большую, не малую – в полтора ведра,
Подает чару в обеих руках.
Берет Василий чару единой рукой,
Выпивает чару на единый дух,
Сам приговаривает:
«Обмылось у Васьки ретиво сердце,
Взвеселилась моя буйна головушка,
Могу тебе, князь, служить верой-правдою, –
Ни креста-то у меня нет, ни пояса,
Ни рубашечки нет у меня полóтняной,
Ни коня доброго, ни сбруи, ни туга лука,
Ни палицы булатной, ни копья бурзамецкого,
Все у меня, у молодца, прóпито,
Все у меня в кабаке заложено».
Приказал Владимир-князь отдать Васеньке все безденежно.
Брал Василий свою сбрую богатырскую,
Заскочил он на стену городóвую,
Натягивает Василий свой тугой лук,
Накладывает калену стрелу,
Стреляет ко Батыге во бел шатер:
И убил три головы лучшие,
Убил сына его Батыговича,
Убил зятя Артака и брата Коршака.
Пишет Батыга князю со угрозою:

«Ай же ты, старый пес, Владимир стольнокиевский!
Ты подай-ка мне из Киева виноватого,
Кто убил сына моего любимого Батыговича,
А еще убил зятюшку моего любимого Артака,
А еще убил братушку моего любимого Коршака».
Садился Василий на добра коня,
Приезжает он к Батыге-царю:
«Прости меня, Батыга, в большой вине:
Убил я три головы твоих лучшеньких.
Опохмель меня чарою похмельною,
Пособлю тебе взять славен Киев-град».
На те речи Батыга понадеялся,
Наливает ему чару полтора ведра,
Первую чару зелена вина,
Другую чару пива пьяного,
Третью чару меду хмельного.
Принимает Василий единой рукой,
Выпивает на единый дух.
Говорит Батыге таково слово:
«Ай же ты, славный Батыга-Царь!
Дай-ка ты мне силы сорок тысячей,
Я пойду, подступлю под стольный Киев-град.
А мы Киев-град огнем пожжем,
А Владимира-князя в полон возьмем».
На те речи Батыга обнадеялся,
Давал ему силы сорок тысячей.
Выезжал Василий во чисто поле,
Начал он по силушке поезживать,
Начал он силушку порубливать
И прибил, прирубил до единого.
Приезжает он ко князю Владимиру,
Заходит во гридню во столовую,
Сажает его Владимир за дубовый стол,

Поит Васи́лия зелёным вином,
Потчует яствами сахарными.
Завидели тут думные бояре толстобрюхие:
«Эка честь Ваське Игнатьеву, горькому пьянице».
Говорит им Васенька сын Игнатьевич:
«Ныне нет в Киеве сильных могучих богатырей русских,
Нет Ильи Муромца, нет и Добрынюшки Никитича,
Нет и Алешеньки Поповича,
Так еще я вам, Васенька-то пьяница, понадоблюсь».
Отвечали ему бояре толстобрюхие:
«Тебе сказано ведь, Васька, отказано!
Ты нам, Васька, горький пьяница, не надобен».
А Владимир-князь слова поперек ведь не вымолвит.
Тут Васеньке Игнатьевичу за обиду стало,
За великую досаду показалось.
Поехал он во чисто поле к Батыге-царю:
Едет Васька ко тем шатрам полотняным,
Заходит он в царский бел шатер:
«Здравствуй ты, Батыга-царь Большой орды!
Дай-ка ты мне силы еще сорок тысячей,
Пойду я с тобой, Батыга-царь, на Киев-град,
Повыбьем мы всех бояр толстобрюхиих.
Только оставь мне князя со княгинею,
Терем княженецкий и церкви Божии».
И пошли они всей силой несметною на Киев-град,
Побили всех князей, бояр в Киеве,
Оставили только Владимира с Апраксией.
Выехали они в чисто поле добычу делить.
Говорит тут собака Батыга-царь:
«Ай же вы, турзы-мурзы, панове-уланове!
В бою, во драке Васька первый был,
А делите ему нынче меньше всех.
У меня есть еще сабелька не кровавлена,

Наделю я по шее по Васькиной».
Тут Василию за обиду стало,
За великую досаду показалось,
Говорил он таково слово:
«У меня, у Васьки есть ведь сабелька запáсная,
Наделю я по Батыговой по шеюшке».
Хватал Васильюшка сабельку вострую,
На правую руку махнет – тут и улица,
На левую махнет – переулочек.
Размахалась у Василия рученька богатырская,
Разгорелось ретиво сердце,
Бил, рубил трое суток,
Прирубил всю силу Батыгову несметную.
Побежал Батыга прочь от Киева
С тою ли со клятвой великою:
«Не дай Бог бывать боле под Киевом,
Ни мне, ни детям моим, ни внучатам, ни правнукам».
Брал Василий Игнатьевич злато-серебро,
Повез в Киев ко князю Владимиру.
Хочет Владимир его жаловать
Городами с пригородками,
Селами с приселками,
Золотой казной бессчетною.
Говорит князю Васильюшка Игнатьевич:
«Ай же ты, Владимир стольнокиевский!
Не надобно мне твоих городов с пригородками,
Не надобно сел с приселками,
Не надобно и твоей золотой казны,
А прикажи в кабаках во всем Киеве,
В кружалах своих государевых
Давать мне зелена вина безденежно».

СТАРИНА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ БУЛАТ ЕРЕМЕЕВИЧ

Было у Владимира-князя в Киеве
Еще пированье, почестный пир.
Да и пир идет уж ко вечеру,
Да и все на пиру пьяны да веселы;
За тем столом за белодубовым
Сидит богатырь Булат Еремеевич,
Один он не ест, не пьет, невесел сидит.
Князюшка Владимир стольнокиевский
По гриднице столовой похаживает,
Сафьянными сапожками потопывает,
Золотыми бубенчиками побрякивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты гой еси, Булат Еремеевич!
Что же ты не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Али чара тебе не по ряду шла,
Или место тебе не по отчине?»
Воспроговорит князю Булат Еремеевич:
«Ай же ты, батюшка Владимир-князь!
Чара мне, молодцу, по ряду шла,
И место на пиру мне по отчине,
Да и есть и пить мне, молодцу, не хочется,
Мне бы сослужить службу богатырскую».
Отвечал ему Владимир-князь стольнокиевский:
«Поезжай ты, Булатушка, во чисто поле,
Поищи в чистом поле богатырей русских,
Илью Муромца со товарищи,
Позови ехать в красен Киев-град,
Подымаются на Русь еще татары поганые».
Скоро встает Булат Еремеевич на резвы на́ ноги,

Выходит Булат на широкий двор,
Седлает он своего добра коня,
Берет палицу тяжкую в сорок пуд,
Берет копьё мурзameцкое да саблю вострую.
Садился Булат на добра коня,
Поехал Булатушка во чисто поле.
Ездил Булат по чисту полю три дня и три ночи,
Нет нигде Ильи Муромца со товарищи.
Приехал Булатушка ко синю морю,
Видит богатырюшка стаю татар поганых, лазутчиков.
Поскакал Булат, прибил всю стаю поганую,
Три татарина бежали по берегу,
Да в сине море с берега бросались.
Хватал Булат Еремеевич татарина за волосы,
Стал татарина выпрашивать:
«Ты скажи, скажи, татарин поганый, неверный!
Сколько вашей силы поганой на Русь подымается,
И когда та сила пойдет на красен Киев-град?»
Отвечал татарин Булату Еремеевичу:
«Великая ныне сила на Русь подымается,
Столько силы на белом свете еще не видано,
Скоро придет та сила на ваш красен Киев-град,
Подымаются на вас сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей,
Народ русский весь повырубят,
Не оставят ни малого, ни старого».
Срубил Булат татарину буйну голову,
Поехал богатырь в Киев ко князю Владимиру.
Приезжает он на двор княженецкий,
Коня к столбу точеному привязывал,
Приходил в гридню столовую да на пир.
Князь Владимир Красно Солнышко
По гридне столовой похаживает,

Да и у Булата богатыря спрашивает:
«Ай же ты гой еси, Булат Еремеевич:
Видал ли ты в чистом поле Илью Муромца со товарищи?
Позвал ли ты богатырей в стольный Киев-град?»
Отвечал Булатушка князю Владимиру:
«Ай же ты, государь батюшка Владимир-князь!
А и не видел я в чистом поле Илью Муромца со товарищи,
Видел я у синя моря татар поганных, лазутчиков,
Порубил я всех татар-лазутчиков,
Одного прежде повыспросил.
Говорил мне поганый татарин-лазутчик:
Подымаются на Русь сорок царей и царевичей,
Да сорок королей и королевичей,
Да с ними сила великая, несметная,
Такой силы на белом свете еще не видано.
Скоро будут на красен Киев-град,
Народ русский весь повырубят,
Не оставят ни малого, ни старого».
Говорит тут Владимир Булату Еремеевичу:
«Ай же ты богатырь, Булат Еремеевич!
Не осталось у меня защитников земли русской,
Послужи хоть ты мне верою-правдою,
Побереги наш красен Киев-град,
Озолочу, осеребрю тебя за выслугу великую».
Отвечал князю богатырь Булат Еремеевич:
«Ай же ты, государь-батюшка Владимир стольнокиевский!
Не надо меня осеребровать да озолачивать,
Я ведь защитник земли русской!»

СТАРИНА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ РАХТА РАГНОЗЕРСКИЙ

А в ту пору да в то времечко
Приезжал ко городу Киеву
Могучий борец татарский от Батыги-царя проклятого,
Борол он многих борцов сильных, матерых,
А других и насмерть убил.
И кричит-зычит он зычным голосом:
«Ай же ты, Владимир стольнокиевский!
Дай-ка мне ты нынче поединщика,
А не дашь мне поединщика,
Батыга-царь ваш Киев огнем пожжет!
Идет он с силой великой, несметною,
С ним сорок царей и царевичей,
Да сорок королей и королевичей,
А меня Батыга-царь вперед послал». Собрал Владимир пированье, почестный пир,
Говорит князьям и боярам:
«Ай же вы, князья и бояре!
В старое-то время, в прежнее
Были у меня в Киеве сильные борцы русские,
Был Никита Кожемяка, был Дунай Иванович,
Был Данило Ловчанин, был Самсон-богатырь,
А нынче нет у меня борцов в Киеве,
Разъехались богатыри по городам, по землям,
Нет в Киеве Ильи Муромца, нет Добрыни Никитича,
Нет и Алеши Поповича,
Некого выставить мне в поединщики
Супротив борца от Батыги-царя проклятого,
Никто не может в Киеве с ним супротивиться». Говорили бояре князю Владимиру:
«Ай же ты, государь наш Владимир стольнокиевский!

Стояли у тебя на дворе мужики балахонники,
Сами меж собой проговаривали:
Кабы наш-то был тут Рахта Рагнозерский,
Этого борца он бы ныне в кучку склал».
Послал Владимир за теми мужиками балахонниками.
Привели к нему тех мужиков незнаемых.
Спрашивает Владимир стольнокиевский:
«Вы откуда будете, мужички балахонники?
Кто такой у вас Рахта Рагнозерский?»
Отвечали Владимиру мужики балахонники:
«Ай же ты, батюшка Владимир стольнокиевский!
Мы-то ведь с озера славного Рагнозерского,
Есть у нас в деревне Рахта Рагнозерский,
Наш-то Рахта этого борца бы в кучку склал».
Повелел Владимир посадить мужиков балахонников
Во погреба глубокие, за замки железные.
Посылал скоро гонца во ту деревню Рагнозерскую.
И приезжает скорый гонец в ту деревню Рагнозерскую,
И говорит гонец жителям деревенским:
«Здесь ли живет Рахта Рагнозерский?
Требует его князь Владимир стольнокиевский –
Побороться с борцом неверным,
Прислал того борца проклятый Батыга-царь».
И отвечает ему молода жена Рахтова:
«Тут живет он, Рахта Рагнозерский,
Ушел он в лес за вязями, за копыльями.
Как придет он из лесу с работушки,
Не серди ты, гонец, его голодного,
Не спрашивай ты его, холодного,
Дай ему вволю хлеба покушать, тогда и спрашивай».
И сидит тут гонец под окошечком,
И смотрит он в леса дикие,
И на то на озерушко Рагнозерское,

И видит он на озерушке –
Как бы остров большой с места движется.
И говорит гонец молодой жене Рахтовой:
«А скажи ты мне, молода жена Рахтова,
Что я вижу здесь на вашем озере,
Будто остров большой с места движется?»
Отвечает ему молода жена Рахтова:
«Это Рахта идет с вязями,
Идет с вязями, со полозьями,
А с полозьями, с копыльями».
И приходил тут добрый молодец
А к своему дому старому,
И скидал он с плеч свою ношицу;
Правой рукой он хату поднимал,
А левой рукой лыжи под пол подсовывал.
И приходит он в свою хату теплую,
И собирала ему обедать молода жена,
Сел Рахта хлеба кушать, наелся он досыта.
Как поел Рахта, тут ему гонец поклоняется:
«Ай же ты, Рахта Рагнозерский!
«Требует тебя, Рахта, князь киевский
С тем борцом неверным боротися.
А послушай-ка ты князя Владимира,
А сходи-ка ты в Киев на бореньице,
А со неверным сходи на состязаньице».
И говорит тут Рахта Рагнозерский:
«Отправляйся ты назад, гонец киевский.
Я послушаю князя вашего Владимира,
Я схожу в Киев на бореньице,
Со неверным на состязаньице».
Вставал тут Рахта на лыжи быстрые,
Наперед гонца в Киев является.
Будет он на широком дворе княженецком.

А тут и гонец в Киев поспел.
Говорит гонец князю Владимиру:
«Ай же ты, государь Владимир стольнокиевский!
Ты держи Рахту сутки голодного,
Голодного держи и холодного,
А тогда и спускай к борцу неверному на бореньице». И держали Рахту сутки голодного,
Не кормили, не поили холодного.
И спускали его на бореньице
На широком дворе княженецком.
Говорит тут Владимиру Рахта Рагнозерский:
«Ай же ты, Владимир стольнокиевский!
Я ведь, князь, неучен бороться-ратиться,
У меня, Рахты, на борьбу нет уменьица,
А и привычка-то у нас женская». И ухватил он борца Бытыгова за могучи плечи,
Кинул на сыру землю да и в кучу смял,
Да и в кучу смял, да и дух вон,
Убил насмерть борца Батыгова.
Говорит тут Владимир стольнокиевский:
«Чем мне тебя, молодец, жаловать
За твою услугу за великую?
Али пожаловать тебя, молодца, золотой казной?»
И отвечал Рахта Рагнозерский Владимиру:
«Ничего мне, князь, от тебя не надобно,
И не жалуй ты меня золотой казной,
А дай-ка ты мне, Владимир, изволеньице,
Чтобы на нашем озере Рагнозерском
Не ловили бы рыбушки, ни большой, ни малоей,
Не ловили бы без моего, Рахты, разрешеньица». И на это князь Владимир дал Рахте изволеньице.

**СТАРИНА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ
С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ**

Ездил Илья Муромец далече, далече во чистом поле,
Ездил он много поры-времени,
Стерег Русь матушку со всех сторонущек,
Ставил заставы крепкие,
А дружине своей богатырской
Наказал в Киеве прежде него быть.
Цветно платье у него истаскалося,
Золота казна истощилася.
Приезжает Илья во Киев-град.
У князя Владимира пир навеселе,
Приходил Илья в княжий терем
На пир ко князю Владимиру,
Стоит Илья у ободверины;
Не опознал его Владимир-князь:
«Ты откуда родом, детинушка, откуда племенем,
Как тебя именем величать,
Именем величать, отцом чествовать?»
Отвечает князю Илья Муромец:
«Свет Владимир Красное Солнышко!
Я Никита Заолешанин из Нова-города,
Из дружины Васильюшки Буслаева».
Еще спрашивает его Владимир князь:
«А зачем ты, Никита Заолешанин, в Киев пожаловал?
Али потерял ты что, Никита, в Киеве?
Ничего мне от Василия Буслаева не надобно».
И отвечал Илья князю Владимиру:
«Не потерял я, Никита, ничего в Киеве,
При мне мой добрый конь и палица булатная,

При мне моя сабля вострая.
Да ведь Василий-то Буслаев потерял свою буйну голову,
Потерял на горе Сорочинской,
Понапрасну сгинула головушка богатырская.
А был бы Буслаев защитник земли русской,
Пригодилась бы его силушка богатырская –
Бить поганых татаровей».

А Владимир-князь Илью не дослушивал,
Красное Солнышко его не почествовал,
Не сажил его Владимир со боярами,
Сажил его Владимир с детьми боярскими.
Говорит тут Илья таково слово:
«Уж ты, батюшка Владимир-князь,
Князь Владимир стольнокиевский!
Не по чину место, не по силе честь:
Сам ты, князь, сидишь со воронами,
Меня садишь с воронятами».

Князю Владимиру то слово не в любовь пришло:
«Есть у меня, Никита, три богатыря;
Выходите-ка вы, самолучшие,
Возьмите-ка Никиту Заолешанина,
Выкиньте вон из гридницы!»

Выходили три богатыря,
Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
Никита стоит – не шатнется,
На буйной главе колпак не тряхнется.

«Ежели хошь, князь Владимир, позабавиться,
Подавай еще трех богатырей!»

Выходило еще три богатыря.
Стали они Никитушку попёхивать,
Стали они Никитушку поталкивать.
Никита стоит – не шатнется,

На буйной главе колпак не тряхнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, потешиться,
Посылай еще трех богатырей!»
Выходили третьи три богатыря:
Ничего не могли сделать с Никитушкой.
Сидел на том пиру Добрыня Никитич сын,
Говорил он князю Владимиру:
«Ай же ты, князь Владимир Красное Солнышко!
Это ведь не Никитушка пришел Заолешанин,
Пришел стар казак Илья Муромец!»
Говорит Илья Муромец князю Владимиру:
«Уж ты, князь Владимир стольнокиевский!
Тебе, князю, охота попотешиться?
Пропадет теперь у тебя охота тешиться».
Стал он, Илья, богатырей попихивать,
Сильных-могучих начал попинывать:
Богатыри по гриднице ползают,
Ни один на ноги не может встать.
Говорит тут Владимир стольнокиевский:
«Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Вот тебе место подле меня,
Хоть по правую руку, хоть по левую,
А третье тебе место – куда хочешь садись!»
Отвечает князю Илья Муромец:
«Уж ты, батюшка Владимир-князь,
Князь Владимир стольнокиевский!
«Не умел ты, Владимир, гостя на приезде учествовать,
На отъезде гостя не учествуешь!
Сам ты сидел со воронами,
А меня сажал с воронятами!»»

СТАРИНА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

Собирался у князя у Владимира
Еще славный почестен пир
На многих князей и бояр,
И сильных могучих богатырей;
А не позвал-то он на пир Илью Муромца.
Показалось то Илье Муромцу
За досаду за великую.
Берет Илья свой тугой лук разрывчатый,
Из колчана берет стрелу каленую,
Стал по граду Киеву он похаживать,
Стал из туга лука постреливать,
На церквах кресты все повыломал,
Маковки золочены все повыстрелял.
Закричал Илья во всю силу свою богатырскую:
«Ай же вы пьяницы, голи кабацкие!
Обиравите, голюшки, маковки золоченые,
Несите в кабаки, пейте зелена вина досыта!»
Пошел Илья по кабакам, по кружалам киевским,
Брал он в кабаке бочку-сороковку под одну руку,
Другую бочку под другую руку,
Третью ногой катит.
Выходил Илья на зеленый луг,
Закричал во всю силу свою богатырскую:
«Ай вы братцы мои, голи кабацкие,
Вы пожалуйте ко мне на зеленый луг,
Да вы пейте у меня зелена вина допьяна!»
Собирались пьяницы, голи кабацкие
К Илье Муромцу на зеленый луг,
Пили зелена вина допьяна.

Голи тут да засумлялися:
«Что-то будет нам от князя Владимира».
Говорит Илья таковы слова:
«Пейте вы, голи, не сумлевайтесь:
Я завтра сяду князем во Киеве».
Скинул Илья с себя шубу соболиную,
Князем Владимиром подаренную,
Обливал ту шубу зеленым вином,
Волочил по лужку зеленому,
Сам к шубе приговаривал:
«Упивайся ты, шуба, зеленым вином,
Уж мне так бы волочить собаку князя Владимира
По этому лугу зеленому».
Услышали о том бояре кособрюхие,
Насказали князю Владимиру:
«Уж ты, батюшка Владимир стольнокиевский!
А ты ешь да пьешь на честном пиру,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
А как старый-то казак Илья Муромец
В Киеве кресты на церквах все повыломал,
Маковки золочены все повыстрелял,
Кабаки-кружала твои разорил,
Напоил допьяна всех голей кабацких в Киеве,
Сам он, Илья, распотешился,
Волочит твою шубу соболиную,
С плеч твоих подаренную,
Поливает он шубу зеленым вином,
Сам к шубе приговаривает:
«Уж мне так бы волочить собаку князя Владимира
По этому лугу по зеленому».
Хвалится завтра сам сесть князем в Киеве».
Разгневался тут Владимир-князь стольнокиевский,
Воскричал своим слугам верным:

«Посадить Илью Муромца во глубоок погреб,
Во глубоок погреб сорока сажень,
Не дать ему ни пить, ни есть
Три года и три месяца,
Пусть он, собака, помрет с голоду».
Взяли слуги Илью в хмельном сне,
Ему руки-ноги путами опутали,
Посадили Илью во глубоок погреб,
За замки крепкие, железные,
Засыпали песками желтыми,
Завалили дуб-колодьями.
Прознали богатыри русские,
Что их старший брат названный Илья Муромец,
Посажен во глубоок погреб,
Оставили они князя Владимира,
Уехали все из Киева во чисто поле.

**СТАРИНА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И БАТЫГА-ЦАРЬ.
ВЕЛИКОЕ ПОБОИЩЕ**

Как Владимир-князь да стольнокиевский
Поразгневался на старого казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во глубокий,
Во глубокий погреб, во холодный,
Да на три-то года поры-времени,
Три года и три месяца.
И подымался тут злой Батыга-царь
Со своею силою поганою,
Собирал он силы много-множество,
Сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей,

За всяким царем и за всяким королем по сто тысячей,
А всего за Батыгой войска счету не было.
Из-за тех же гор, из-за высоких,
Из-за тех лесов темных,
Из-за той же сторонешки восточной
Не темная туча подымалася,
Орда великая надвигалася,
Мать сыра земля потряслася от топота-топища
От той орды великой, несметной;
Хочет Батыга разорить стольный Киев-град,
Народ русский весь повырубить,
Божьи церкви все огнем спалить.
Не дошед он до Киева за семь верст
Становился Батыга у быстра Днепра;
Собралось с ним силы на сто верст
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от кониного
Солнце красное померкнуло,
А от духу от татарского
Не можно нам живым быть.
Как от покрику татарского,
Как от ржанья лошадиного,
Унывает сердце человеческое.
Садился Батыга-царь на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты
Ко славному князю Владимиру.
Выбирал татарина выше всех
А мерою тот татарин трех сажён,
Голова у татарина с пивной котел,
Который котел сорока ведёр,
Промеж плечами косая сажень,

Дает ему ярлыки скорописчаты,
А в ярлыках тех написано:
«Ай же ты, Владимир стольнокиевский!
А наскоро сдай ты мне Киев-град
Без бою, без драки великия
И без того кроволития напрасного.
А не то я, Батыга-царь, Киев силой возьму,
Народ русский весь повырублю,
Божьи церкви все огнем спалю,
Тебя, Владимира, велю тянуть очи косицами,
А язык-то теменем, – с живого кожу драть!»
И послал его в Киев наскоро.
Садился татарин на добра коня,
Поехал ко городу ко Киеву.
А и будет он, татарин, в Киеве
Среди двора княжenceцкого,
Скочил татарин со добра коня,
Не вяжет коня, не приказывает,
Бежит он во гридню во светлую,
На пята он дверь поразмахивал,
А Спасову образу не молится,
Владимиру-князю не кланяется,
Бросал ярлыки на золот стол
Перед великого князя Владимира.
Владимир-князь ярлыки распечатывал,
Распечатывал, просматривал,
Глядячи в ярлыки запечалился,
Запечалился, порасплакался:
По грехам над князем учинилося –
Богатырей в Киеве не случилось,
А Батыга-царь под стеною стоит,
А с ним силы на сто верст,
Во все во четыре стороны.

Говорит Владимир княгине Апраксие:
«Разогнал я сильных могучих богатырей,
Все богатыри у меня поразъехались,
Некому постоять за Киев-град,
Постоять за веру, за отечество».

Говорит тут Владимиру княгиня Апраксия:
«Есть у тебя, князь, могуч богатырь Илья Муромец,
Сидит он в погребке глубокоем.
Копала я подкопы под те погребы,
Кормила-поила его три года и три месяца.
Один только он может постоять за Киев-град,
Постоять за веру, за отечество».

Тут Владимир-князь стольнокиевский
Скорешенько берет золоты ключи,
Идет он в погреба глубокие,
Отмыкает решетки железные:
«Ай же ты, русский богатырь, Илья Муромец!
Наш-то Киев-град в полону стоит,
Пришел собака Батыга-царь с силою великою.
Не гневайся ты, Ильюшенька, прости вину мою,
Постой-ка ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки Божьи церкви,
Да постой за веру, за отечество,
Послужи мне, Владимиру, верою-правдою».

Еще нет от Ильи ответу,
Сидит Илья, очи в землю низвел,
Побелела его головушка,
Поседела его бородушка.

Опять просит-винится Владимир-князь.
На третий раз отвечал ему Илья Муромец:
«Ай же ты, Владимир стольнокиевский!
Я иду служить за веру христианскую
И за землю русскую,

За вдов, за сирот, за бедных людей,
А не для тебя, князя Владимира».
Выходил Илья из погреба глубокого,
Шел он в конюшню стоялую,
Выводил своего коня богатырского,
Стал добра коня он заседлывать,
На коня накладывал потничек,
А на потничек накладывал войлочек,
А на войлочек подкладывал подпотничек,
На подпотничек клал седельшко черкасское,
И подтягивал двенадцать подпруг шелковых,
И шпилечки он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал железные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества,
Ради крепости богатырской:
Шелковы подпруги тянутся, не рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки красна золота мокнут, да не ржавеют.
И садился тут Илья на добра коня,
Брал доспехи крепкие богатырские:
Брал палицу булатную да копье бурзамецкое,
А еще брал свою саблю вострую.
И поехал он из города Киева.
Едет стар по чисту полю,
По тому раздолью широкому.
Голова бела, борода седа,
По богатырской груди расстилается,
Как скатен жемчуг рассыпается.
Да под старым конь наибел-белой,
Да ведь хвост и грива наичёр-черна́.
Выехал Илья во чисто поле
Посмотреть на полчища татарские:

Нагнано тут силы много-множество.
Как от покрику от татарского,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческое.
Тут поехал Илья по раздольицу чисту полю,
Не мог конца краю силушке наехати.
Повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на четыре стороны,
Конца-краю силы насмотреть не мог.
Посмотрел под восточную сторону,
Насмотрел он там шатры белые,
И у тех шатров кони богатырские.
Спустился он с той горы высокой,
Приезжает ко шатрам ко белым,
Идет Ильюшенька во бел шатер,
В том шатре богатыри всё святорусские,
Они сели обедать, хлеб-соль кушать.
Говорит Илья таковы слова:
«Хлеб да соль, богатыри святорусские,
А и крестный ты мой батюшка, Самсон Самойлович!
Вы седлайте-ка добрых коней,
Поезжайте-ка во раздольице чисто поле
Под стольный Киев-град.
Стоит под городом Киевом собака Батыга-царь,
Стоит он с силою великою,
Хочет он разорить стольный Киев-град,
Народ православный повырубить,
Божьи церкви все огнем спалить.
Постойте за веру христианскую,
Постойте вы за нашу святую Русь!»
Отвечает ему старый богатырь Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый, Илья Муромец!
А не будем мы коней седлать,

Не поедem мы во чисто поле,
Не будем мы стоять за веру и за святую Русь,
Не будем мы стоять за стольный Киев-град
И за матушки Божьи церкви,
Не будем мы беречь князя Владимира с княгиней Апраксией.
У него есть много князей, бояр,
Кормит их, поит, и жалует,
А нас, богатырей русских, прогнал из Киева,
Ничего нам не надо от князя Владимира».
Три раза звал богатырей Илья Муромец
Постоять за веру за отечество,
Не хотят богатыри коней седлать,
Не хотят брать мечи булатные.
Говорит тут старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
Самсон да ты Самойлович,
И все вы богатыри, братцы мои названные,
Это дело у нас будет нехорошее!»
Выходил Илья со бела шатра,
Садился он на добра коня богатырского,
Один напустился на силу татарскую.
Не ясен сокол с-под облак спускается
На гусей, лебедей, малых уточек –
Святорусский богатырь Илья Муромец
Напускается на силу татарскую,
Заезжает прямо в середочку.
Стал татаровой конем топтать,
Стал поганых копьem колоть, саблей рубить,
Бьет силушку великую, будто траву косит.
Провещал его добрый конь языком человеческим:
«Ай же славный богатырь Илья Муромец,
Не побить тебе той силушки великоюй:
Нагнано у собаки Батыги царя

Силы много-множество, сметы нет.
Сделаны у Батыги подкопы глубокие,
Как просядем мы в подкопы глубокие,
Так из первых подкопов я повыскочу
И тебя на себе вынесу,
Как просядем мы в подкопы другие,
И оттуда я повыскочу
И тебя на себе вынесу.
Еще просядем во третьи подкопы во глубокие.
А вот тут-то я повыскочу,
Да тебя-то на себе не вынесу,
Останешься ты в подкопах глубоких».
Рассердился старый казак Илья Муромец,
Стегнул коня плеткой по крутым бокам:
«Ай же ты, конище изменное,
Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить в подкопах глубоких!»
И поехал Илья по раздольицу чисту полю,
Бьет Илья силушку великую татарскую,
Топчет конем, колет копьем, саблей рубит,
А он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила не уменьшится.
И просел он в подкопы глубокие.
Его добрый конь оттуда повыскочил,
Повыскочил, Илью на себе выносил.
И попал Илья в подкопы-то во другие;
Его добрый конь оттуда повыскочил,
Повыскочил да Илью на себе выносил.
И попал Илья во подкопы-то во третьи,
Он просел с конем в подкопы те глубокие;
Его добрый конь да богатырский
Еще с третьих подкопов-то повыскочил,
Повыскочил да Илью-то на себе не выносил,

И остался Илья в подкопе во глубоком.
Тут навалились татары поганые,
Связали Илье руки-ноженьки,
Привели к собаке Батыге-царю.
Говорил собака Батыга-царь Илье Муромцу:
«Ай же ты русский богатырь Илья Муромец,
Где-то тебе одному побить мою силу великую!
Силы у меня припасено у Батыги-царя –
Сколько в лесе лесу, на лесу листу.
Садись-ка ты со мной за единый стол,
Ешь-ка яствушку мою сахáрную,
Да и пей-ка мои питьица медвяные.
И одень-ка ты мою одежду драгоценную,
И держи-ка мою золоту казну,
Не служи ты князю Владимиру,
Служи ты мне, Батыге-царю».
Говорит Илья Батыге-царю:
«Не сяду я с тобой, собака, за единый стол,
Не буду есть твоих яствушек сахарных,
Не буду пить твоих питьицев медвяных,
Не буду носить твои одежды драгоценные.
Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду служить тебе, собаке Батыге-царю.
Клал я заповедь великую
Не царям-князьям службу служить,
А защищать Русь святую, сирот и вдов,
Беречь церкви Божии».
Понатужился Илья, порвал путы на руках-ногах;
Набежали татары, стали Илью теснить.
Хватал он татарина за ноги,
Стал татаринომ помахивать,
Куда махнет – там и улица,
Отмахнет – переулочек.

И прошел он сквозь всю силушку татарскую.
Свистнул Илья свистом богатырским,
Прибежал его добрый конь из чиста поля.
Садился Илья Муромец на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю.
Видит, едут в чистом поле
Богатыри русские ему на выручку,
Все семьдесят богатырей, братья названные,
Наперед крестный батюшка Самсон Самойлович,
С ним Добрыня Никитич и Алеша Попович.
Говорит им старый казак Илья Муромец:
«Уж вы удалы добры молодцы, братцы названные!
Не дорого нам, братцы, злато-серебро,
А дорога наша любовь молодецкая:
Злато-серебро минуется,
Дорога наша любовь не позабудется.
Постоим-ка мы за веру христианскую,
И за те же за храмы Божии,
Постоим за Русь нашу кровью своей горячею!»
А как едут богатыри по чисту полю,
Мать сыра земля потрясается,
В реках, озерах вода колыбается.
Метали богатыри жеребий промеж себя:
Кому из них ехать в руку правую,
Кому из них ехать в руку левую,
Кого поставить в середку силы, в матицу.
Доставалась Самсону рука правая,
Добрыне с Алешей рука левая,
Илье Муромцу доставалась середка, матица.
Говорит богатырям Илья Муромец:
«Уж вы гой еси, богатыри русские!
Кому же из нас съездить в рать татарскую, великую,
К тому Батыге поганому поздороваться,

Срубить собаке буйну голову?»
Говорит за всех старый богатырь Самсон Колыбанович:
«Уж ты гой еси, Илья Муромец!
Кому ж ехать, как не тебе, в силу татарскую, великую,
Срубить Батыге проклятому буйну голову,
Тебе-то, Илья, в бою смерть не писана».
Говорил тут могуч богатырь Илья Муромец:
«Уж вы братцы мои названные, крестовые,
Слушайте же меня, своего атамана!
Как зазвенит-то моя сабля вострая,
Заскрипят-то мои плечи богатырские,
И затрублю я во турий рог,
А тогда вы разъезжайте по силушке той великой татарской,
Рубите силу со краю на край,
Не оставляйте силы ни старого, ни малого».
И поехал Илья Муромец в силушку великую татарскую,
Топчет конем богатырским силу поганую,
Пробился Илья до черна шатра Батыгина:
«Уж ты здравствуй, безбожный Батыга-Царь!
Я не дам тебе разорить города Киева,
Я не дам тебе разорить Русь нашу,
Я не дам тебе церквей Божьих под конюшни пустить!
Я не дам тебе слезить вдов и сирот!
Выезжай, собака, на честный бой!»
Махнул Илья саблей своей вострою,
Рассек Батыгу-царя надвое до седлышка.
Начал Илья по силе поганой поезживать,
И засвистала его палица булатная,
И зазвенела его сабелька вострая,
Заскрипели под доспехом плечи богатырские.
Вперед махнет – там и улица,
Назад отмахнет – переулочек.
Затрубил Илья в турий рог.

Услыхали богатыри, дружина хоробрая,
И наехали удалы добры молодцы,
Те же в поле быки кормленные,
Те же сильные могучие богатыри,
А как начали ездить по силушке татарской,
Рубить силушку татарскую со края на край,
Кое бьют, кое конями топчут.
Били-рубили, немного-немало, шестеро суток,
Не пиваючи, не едаючи,
Коням отдыха не даваючи.
И текла тут рекой кровь горячая,
Пар шел от трупья под облаки.
Прибили они эту силушку великую всю до единого.
Утомились белы руки саблей махать,
Чуть сидят-то на добрых конях съезжаючись;
Добры кони идут ступью бродовую.
Как доехали они ко белым шатрам,
Караульщиков у шатров не случилось,
Тех двух братьев Петровичей Луки и Мосея.
Погнались они за татарами погаными.
Вот едут они обратно оба да похваляются:
«Уже что же нам, удалым молодцам, сила эта татарская!
Кабы была тут лестница на́ небо,
Взобрались бы мы на небо по той лестнице,
Прибили бы мы всю силу небесную».
Тут от их слова восстала вся сила татарская,
Восстала сила поганая больше впятеро,
Кого рубили надвое, из того встает еще два,
Кого рубили на трое, из того встает еще три.
Пустились богатыри опять рубить силу татарскую,
И рубили они шестеро суток с утра до вечера.
А кого секут надвое – из того встают еще два,
А кого секут натрое – из того встают еще три.
Сколько ни рубят – все сила татарская не убавляется,

Встает силы больше прежнего.
И говорит тут Илья Муромец:
«Ай же вы, братцы названные, богатыри русские!
Уж полно, братцы, живым с мертвыми биться-ратиться.
Ты прости нас, Господь, за вину нашу,
За те слова дерзкие братьев Петровичей».
И тут пала, повалилась вся сила татарская,
И от того великого побоища
Протекала река кровью горячею,
И не могла вместить мать сыра земля ту силу кроволитную.
И начали богатыри копать мать сыру землю,
Хоронить во сыру землю тело мертвое,
И ушла кровь в мать сыру землю.
Садилась тут удалы молодцы на добрых коней,
Поехали богатыри-побратимы ко городу Киеву.
Говорил тут стар могуч богатырь Илья Муромец:
«Да будет вовек жива на Руси сила богатырская,
Не переведутся богатыри у нас на святой Руси!»
Заехали богатыри в красен Киев-град,
Во те же во честны монастыри,
Во те же пещеры во киевские,
Тут богатыри окаменевать стали.
Какой въедет в пещеру тут и окаменеет.
И взмолился тогда Илья Муромец:
«Рано еще, Господи, нам окаменевать!
Еще мы пригодимся на Святой Руси,
Стоять за веру, за отечество».
И ожили опять богатыри,
Вся дружина богатырская,
Поехали они в Киев ко князю Владимиру.
И заводил Владимир-князь великий пир,
И много было на пиру гостей званных-бранных,
Званных-бранных, гостей приходящих.
Тут старине славу поют.

**СТАРИНА СЕМИДЕСЯТАЯ
БОГАТЫРИ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ**

Из-за гор-то было высокиих,
Из-за лесу-то было, лесу темного,
Из-под белыя березы кудреватя,
Из-под чудна креста Леванидова,
Из-под белого Латыря-камня,
Тут повышла, повышла, повыкатила
Широкая матушка быстра Волга река;
Широкая-то Волга под Казань прошла,
Пошире, подальше под Астрахань;
Долгие плеса Чижиковского,
Высокие горы Сорочинския.
Да места шла ровно три тысячи,
Рек и ручейков брала и сметы нет,
Выпала во море во Хвалынское.

По морю, морю синему
По синему, по Хвалынскому
Ходил-гулял Сокол-корабль
Не много-немало двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма – по-звериному,
А бока взведены по-змеиному,
Да еще было на Соколе на корабле:
Вместо очей вставлено
Два камня, два яхонта,

Да еще было на Соколе на корабле:
Вместо бровей повешено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три монастыря, три почестные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три человека незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собой языка не ведали.
Глава-то был Сокола-корабля Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
А в помощниках братцы названные –
Добрынюшка Никитич да Алешенька Попович.
И вся дружинушка с ними хоробрая богатырская,
Семьдесят богатырей русских могучих,
Семьдесят богатырей-побратимов.
Носом-то владел Добрынюшка,
Кормою-то владел Алешенька,
На середочке сидел Илья Муромец,
На середочке сидит, всем он кораблем владеет.
На Илюшеньке кафтанчик рудожелтой камки,
На кафтане петельки шелковые,
Во петельках пуговики золóчены,
Во каждой во пуговке по камешку по яхонту,
Во каждом во камушке по льву-зверю.
А еще на Соколе на корабле
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Нападали на Сокол-корабль черны вороны,

Крымские татары с калмыками,
Хотели Сокол-корабль разбить-разгромить,
Разбить-разгромить и живком задавить.
Тут Илюшенька по кораблю похаживает,
Он тросточкой по пуговкам поваживает;
Во пуговках камешки разгорались,
В них лютые звери рассержались,
Тут крымские татары испужались,
А калмыки в сине море пометались.
Как издалеча, далеча, из чиста поля
Зазрил, засмотрел турецкий пан,
Турецкий пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович,
Сам говорит таково слово:
«Ай вы гой еси, добры молодцы,
Слуги мои верные, татарове!
Что у вас на синем море деется?
Что чернеется, что белеется?»
Отвечают слуги верные, татарове:
«Чернеется на синем море Сокол-корабль,
Белеются тонки парусы полóтняны».
Говорит им турецкий пан, большой Салтан:
«Вы пускайтесь, слуги верные, по синю морю,
Вы садитесь, слуги, во легки струги,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери,
Добрынюшку с Алешенькой под меч клони,
Дружинушку хоробрую в синем море топи!»
Заслышал ту речь Илья Муромец,
Выговаривал Добрыне таково слово:
«Ты Добрынюшка Никитич сын,
Скоро-борзо выноси мой тугой лук,

Мой тугой лук в двенадцать пуд,
Каленú стрелу в косу сажень!»
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
«Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу, выше лесу по поднёбесью,
Не пади, моя каленая стрела,
Ни на́ воду, ни на́ землю,
А пади, моя каленая стрела,
В турецкий град, в зелен сад,
В зеленый сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь,
Расшиби ему ретиво сердце!»
А и тут Салтан покался:
«Не подай, Боже, водиться с Ильей Муромцем,
И с братцами его названными
Добрыней Никитичем и с Алешей Поповичем,
И со всеми богатырями русскими,
Ни детям нашим, ни внúчатам,
Ни внучатам, ни правнúчатам,
Ни правнучатам, ни прашúрятам!»

СЛОВАРЬ

Баса – красота.

Баять – говорить.

Бурзаецкий, мурзаецкий (копье) – татарского или вообще восточного производства.

Бурнастый – рыже-бурый.

Вальячный, вальящетый – литой или чеканный.

Вежество – учтивость.

Верея – воротный столб.

Волжаный – таволжаный, из таволги (род ивы).

Выкопать (очи) – вырвать, выколоть.

Глуздырь – неоперившийся птенец.

Гость – купец, торговец.

Гридня, гридница – комната; покой в княжеском дворце.

Гудок – старый русский струнно-смычковый музыкальный инструмент.

Долонь – ладонь.

Живот – имущество, богатство; жизнь.

Заколотеть – быть заваленным упавшими деревьями.

Замураветь – зарастить травой.

Затюремщик – узник.

Зобать – есть.

Ископытъ – след от копыта.

Калика – паломник, странник по святым местам; нищий.

Камка – шелковая узорчатая ткань.

Кологривый – конь с густой, косматой гривой, спускающейся по обе стороны шеи.

Косач – тетерев.

Косица – висок.

Косящатое – с косяками (об окне).

Кросна, кросенца – ткацкий стан.

Кружало – кабак, питейный дом.

Кряковистый – кряжистый.

Купав – красивый.

Курупки – куропатки.

Лохалище – лоханище, лохань.

Лука – выступающий изгиб переднего или заднего края седла.

Марьюха – самка глухаря.

Матица – бревно или брус, поддерживающий потолок; вообще – середина.

Меженный день – в середине лета.

Мост – пол в доме.

Муравленный – израсцовый, покрытый лазурью.

Назём – навоз.

Након – раз.

Насадка – соединение древка копья с отсрием.

Обжи – оглобли у сохи.

Омех, омешек – сошник, лемех у сохи.

Охлуп – гребень, конек крыши.

Пáбедеь – полдник, послеобеденное время.

Паробок – слуга, работник.

Пеструха – самка глухаря или тетерева.

Погудальце – смычок.

Покляпый – кривой, наклонный, свислый.

Поляница – женщина-богатырка, богатырь, богатыри.

Понюгальце – плеть, кнут (погоняльце, понукальце).

Прелесть – обман, лукавство.

Пробой – остроконечный железный стержень, пробитый сквозь стену и загнутый с ее внутренней стороны; на проушину пробоя навешивается замок.

Прохладный – приятный, утешный.

Пята (дверная) – нижний шип, вставляемый в гнездо в основании двери; отворить дверь на пята – настезь.

Ра́менье – густой, дремучий лес, глушь; лес, соседний с полями, с пашней.

Ременчатый (стул) – складной, походный, раскидной на ремнях.

Росстань – распутье дорог.

Рыбий зуб – моржовый клык.

Рытый (бархат) – с узорами, тисненными по ворсу.

Ряб – рябчик.

Скатный (жемчуг) – круглый.

Скимен-зверь – сказочный зверь; молодой лев.

Сидень – безногий калека

Сорочинский – сарацинский.

Стегно – бедро, ляжка.

Сыть – пища, еда, корм.

Тавлеи – игра в кости на расчерченной доске; шашки (иногда и шахматы).

Талан – участь, судьба.

Торока – ремешки позади седла для приторочки чего-либо.

Тур – дикий бык (зубр).

Тычок – кол или шест.

Тьма – войско в десять тысяч человек.

Хобот – хвост.

Хрущатый – кружчатый, с узорами из кругов.

Целовальник – присяжный человек (целовал крест, вступая на должность).

Чебурацкий свинец, от слова «чебурак» – тяжелая гиря на бурлацкой лямке.

Чембур – часть конской сбруи, повод уздечки, за который водят или привязывают верхового коня.

Червчатый, червлёный – багряный (цвета червца, т.е. кошенили).

Черевоста – беременна.

Черनावушка, чернавка – служанка для черной работы.

Чернедь – чернь.

Чухарь – глухарь.

Шалыга, шелепуга – дорожный посох; кнут с тяжелым привеском на конце; палка.

Шóломя – холм.

Щап – щеголь.

Щётка (у коня) – часть ноги над копытным стигбом.

Ярлык – грамота, письмо, указ.

Яровчатые (гусли) – сделанные из явора (платана или клена платановидного).

ИСТОЧНИКИ

- Астахова. Былины Севера, т. 1-2. М.; Л., 1937, 1951.
- Былины в записях и пересказах XVII-XVIII веков. М.; Л., 1960.
- Былины новой и недавней записи из разных местностей России. М., 1908.
- Былины Печоры и Зимнего берега. М.; Л., 1961.
- Былины и песни Алтая. Из собр. С.И. Гуляева. Барнаул, 1988.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.
- Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. СПб., 1873.
- Григорьев А.Д. Архангельские былины и исторические песни. СПб., 1910.
- Гуляев С.И. Былины и исторические песни Южной Сибири. Новосибирск, 1939.
- Киреевский П.В. Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. I – X. М., 1860-1874.
- Листопадов А.М. Донские былины. Ростов н/Д. 1945.
- Марков А.В. Беломорские былины. М., 1901.
- Новгородские былины. Лит.пам. М., 1978.
- Ончуков Н.Е. Печорские былины. СПб., 1904.
- Парилова Г.Н., Соймонов А.Д. Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941.
- Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. тт. I-III. М., 1909 -1910.
- Свод русского фольклора в 25-ти томах. Былины. СПб., 2001-2020.
- Соколов Ю.М. Онежские былины. М., 1948.
- Тихонравов Н.С., Миллер В.Ф. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Старина первая. Рождение богатыря	7
Старина вторая. Волх Всеславьевич	8
Старина третья. Волх и Микула	13
Старина четвертая. Святогор и Микула. Тяга земная	18
Старина пятая. Женидьба Святогора	20
Старина шестая. Илья Муромец и калики	22
Старина седьмая. Илья Муромец и Святогор	26
Старина восьмая. Илья Муромец и Соловей-разбойник	31
Старина девятая. Илья Муромец и Добрыня Никитич	39
Старина десятая. Добрыня и Змей	43
Старина одиннадцатая. Добрыня и Василий Казимирович	48
Старина двенадцатая. Бой Добрыни с бабой Горыниной	56
Старина тринадцатая. Добрыня и Маринка	59
Старина четырнадцатая. Данила Ловчанин	65
Старина пятнадцатая. Дунай Иванович и Настасья Королевична	70
Старина шестнадцатая. Бой Добрыни с Дунаем	74
Старина семнадцатая. Добрыня и Дунай сватают невесту князю Владимиру	79
Старина восемнадцатая. Илья Муромец и Идолище в Киеве	88
Старина девятнадцатая. Три поездки Ильи Муромца	94
Старина двадцатая. Илья Муромец и Идолище в Царе-граде	99
Старина двадцать первая. Алеша Попович и Скимен-Зверь	103
Старина двадцать вторая. Алеша Попович едет в Киев	105
Старина двадцать третья. Алеша Попович и Тугарин-Змеевич	111
Старина двадцать четвертая. Бой Добрыни и Алеши с татариним	116
Старина двадцать пятая. Женидьба Добрыни	122
Старина двадцать шестая. Добрыня жалуется матушке	124
Старина двадцать седьмая. Добрыня поет песню о добром молодце и реке Смородине	126
Старина двадцать восьмая. Алеша сватает жену Добрыни	129
Старина двадцать девятая. Алеша Попович и сестра братьев Петровичей	138
Старина тридцатая. Иван Годинович	141
Старина тридцать первая. Михайло Потык	150
Старина тридцать вторая. Глеб Володьевич	161
Старина тридцать третья. Хотен Блудович	166

Старина тридцать четвертая. Ставр Годинович	173
Старина тридцать пятая. Забаву Путятичну сватает Идолище	180
Старина тридцать шестая. Соловей Будимирович	184
Старина тридцать седьмая. Чурила Пленкович	191
Старина тридцать восьмая. Дюк Степанович	198
Старина тридцать девятая. Дюк и Чурила	211
Старина сороковая. Чурила и Катерина	214
Старина сорок первая. Михайло Козарин	218
Старина сорок вторая. Иван Гостиный сын	224
Старина сорок третья. Михайло Скопин	228
Старина сорок четвертая. Сорок калик со каликою	232
Старина сорок пятая. Царь Соломон и царица Соломонида	240
Старина сорок шестая. Калика-богатырь	248
Старина сорок седьмая. Богатыри в Царыграде	251
Старина сорок восьмая. Садко поет песню «Вавило и скоморохи»	257
Старина сорок девятая. Садко и новгородцы	263
Старина пятидесятая. Садко и морской царь	268
Старина пятьдесят первая. Василий Буслаев и новгородцы	273
Старина пятьдесят вторая. Смерть Василия Буслаева	281
Старина пятьдесят третья. Сухман Сухманович	288
Старина пятьдесят четвертая. Бой Ильи Муромца с сыном	294
Старина пятьдесят пятая. Бой Ильи Муромца с Жидовином	302
Старина пятьдесят шестая. Братья Дородовичи	308
Старина пятьдесят седьмая. Суровец-Суздалец	311
Старина пятьдесят восьмая. Князь Роман и братья Ливики	313
Старина пятьдесят девятая. Князь Саур Леванидович и его сын	319
Старина шестидесятая. Королевичи из Крякова	323
Старина шестьдесят первая. Авдотья, жена Рязаночка	327
Старина шестьдесят вторая. Михайло Данилович	330
Старина шестьдесят третья. Ермак и Батыга-царь	336
Старина шестьдесят четвертая. Василий Игнатьев и Батыга-Царь	341
Старина шестьдесят пятая. Булат Еремеевич	349
Старина шестьдесят шестая. Рахта Рагнозерский	352
Старина шестьдесят седьмая. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром	356
Старина шестьдесят восемь. Илья Муромец и голи кабацкие	359
Старина шестьдесят девятая. Илья Муромец и Батыга-царь. Великое побоище	361
Старина семидесятая. Богатыри на Соколе-корабле	374
Словарь и источники	378

Вячеслав Овсянников

СОКОЛ-КОРАБЛЬ

Сказание о богатырях

Подписано в печать **21. 12. 24**

Обложка А. В. Медведев

Верстка. Выпускающий редактор
В. И. Чернышев

Формат 60х90 1/ 16 384 стр

Издательство

«SUPER»

Санкт-Петербург

Январь 2025